

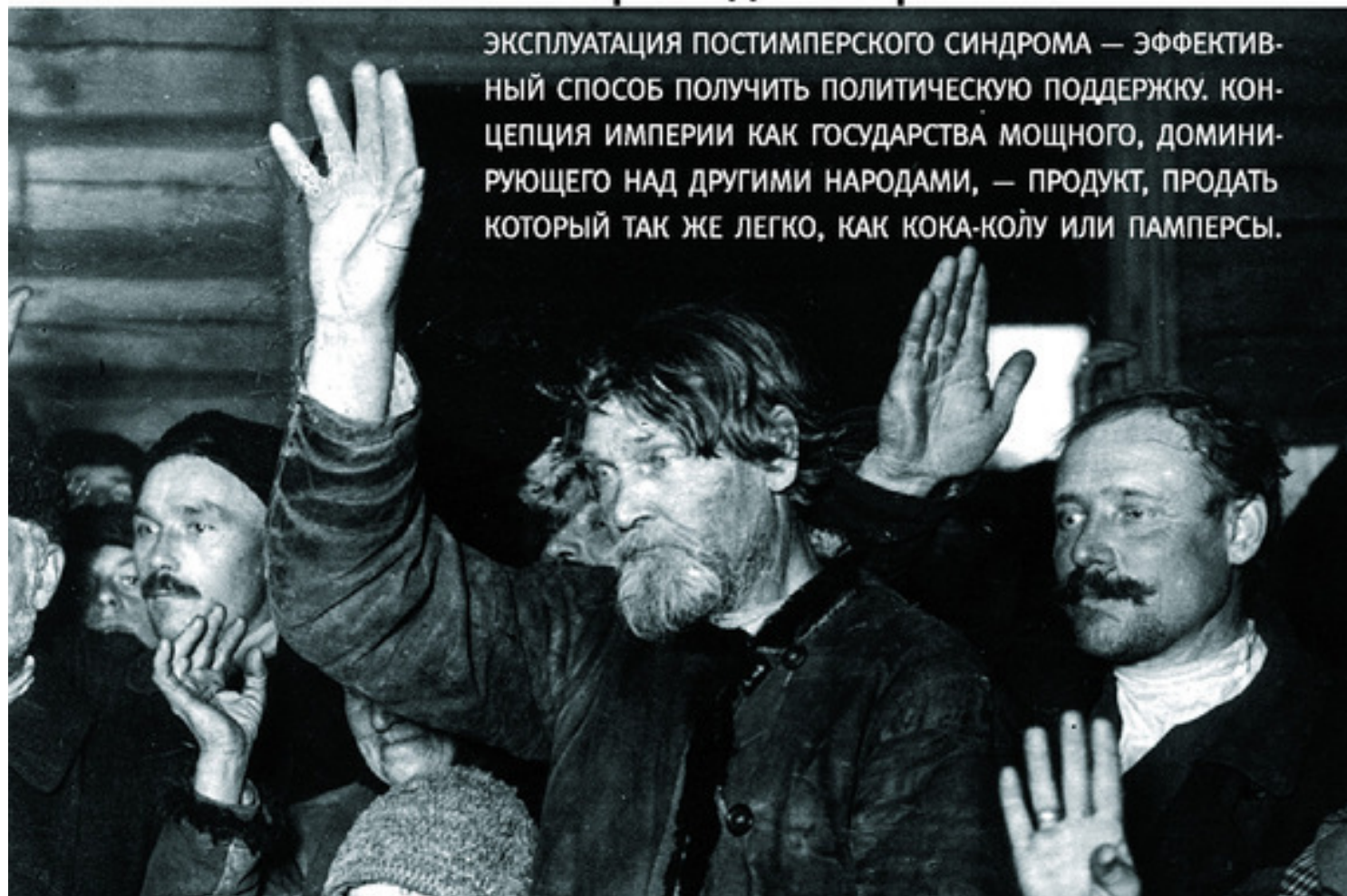
ФОНД
ЕГОРА
ГАЙДАРА

Егор Гайдар

ГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ

Уроки для современной России

ЭКСПЛУАТАЦИЯ ПОСТИМПЕРСКОГО СИНДРОМА — ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ ПОЛУЧИТЬ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ПОДДЕРЖКУ. КОНЦЕПЦИЯ ИМПЕРИИ КАК ГОСУДАРСТВА МОЩНОГО, ДОМИНИРУЮЩЕГО НАД ДРУГИМИ НАРОДАМИ, — ПРОДУКТ, ПРОДАТЬ КОТОРЫЙ ТАК ЖЕ ЛЕГКО, КАК КОКА-КОЛУ ИЛИ ПАМПЕРСЫ.

Егор Гайдар

**Гибель империи. Уроки
для современной России**

«Издательство АСТ»

2012

Гайдар Е. Т.

Гибель империи. Уроки для современной России / Е. Т. Гайдар —
«Издательство АСТ», 2012

ISBN 978-5-271-42092-4

Книга посвящена проблемам, с которыми сталкиваются авторитарные режимы в полиэтнических государствах, чья экономика в значительной степени зависит от непредсказуемых колебаний цен на топливно-энергетические ресурсы. Эта проблема актуальна для современной России, и автор объясняет, какие ошибки, допущенные Советским Союзом, не следовало бы повторять. Уникальность же книги в том, что Егор Гайдар впервые наглядно показывает, каким образом политика коллективизации, разорившая наше сельское хозяйство, предопределила через шестьдесят с небольшим лет ускоренный крах советского режима, который де-факто стал к тому времени банкротом. Каково было реальное экономическое положение внешне могучей сверхдержавы, был ли распад СССР абсолютно неминуемым, можно ли было произвести демонтаж советской системы как-то иначе и почему в России был невозможен китайский или латиноамериканский путь преобразований — ответы на эти вопросы вы найдете в “Гибели империи”. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

ISBN 978-5-271-42092-4

© Гайдар Е. Т., 2012

© Издательство АСТ, 2012

Содержание

О книге	5
Введение	7
Глава 1	16
§ 1. Современный экономический рост и эпоха империй	17
§ 2. Кризис и демонтаж заморских империй	20
§ 3. Проблемы роспуска территориально интегрированных империй	27
§ 4. Югославская трагедия	33
Глава 2	39
§ 1. Вызовы ранних этапов современного экономического роста и авторитаризм	40
§ 2. Неустойчивость авторитарных режимов	44
§ 3. Механизмы краха авторитаризма	49
Глава 3	53
§ 1. Испанский пролог	54
§ 2. Ресурсное богатство и экономическое развитие	58
§ 3. Специфика рынка нефти	70
§ 4. Регулирование нефтяного рынка в XX веке	71
§ 5. Вызовы, связанные с колебанием цен на сырьевые товары: Мексика и Венесуэла	80
§ 6. В поисках выхода: ответ на угрозы, связанные с нестабильностью сырьевых цен	84
Глава 4	87
§ 1. Неэффективность на фоне стабильности	87
§ 2. Нарастающие проблемы и ошибочные решения	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Егор Гайдар

Гибель империи. Уроки для современной России

О книге

Чем хороша книга «Гибель империи», так это тем, что многим людям она открывает глаза на то, что ситуация была УЖАСНАЯ. Просто отчаянная. И, кроме него [Гайдара], не нашлось никого, кто сказал бы: «Я займусь этой трудной, неблагодарной, противной работой, и я знаю, что ничего хорошего не получится, что все возложат вину на меня». И это огромное персональное мужество... С одной стороны, [«Гибель империи»] – это приговор: анализ, проделанный автором, свидетельствует о том, что политика нынешнего российского правительства ведет страну по пути позднего СССР. С другой стороны, это своего рода катехизис для дискуссий с нашими и старшими, и младшими согражданами, мечтающими о возвращении великого Советского Союза с его государственной собственностью на средства производства и централизованной политической системой. К сожалению, таких манифестов пока очень мало, но тем ценнее каждый из них.

Сергей Гурьев, ректор РШЭ

Нужно сравнивать начало 1990-х не с *belle époque*, которая настала после 1998 года. Путин и его соратники считаются спасителями отечества, потому что россияне живут однозначно лучше, чем в 1990-е годы. Но даже при огромном росте цен на нефть такого роста просто не было бы без реформ Гайдара. Многие объясняют экономический рост 2000-х дороговизной нефти, но это неправильно. Огромная доля экономического роста обусловлена тем, что заложил Гайдар. Тем, что у нас есть финансовый рынок, есть, может быть, не вполне независимый, но Центральный банк. Когда сто лет спустя будут оглядываться на эти события, как мы смотрим сейчас на Гражданскую войну, на Французскую революцию, в умах останутся Горбачев, Ельцин и Гайдар, больше никого не останется. Потому что это были преобразователи, которые изменили мир. Очень много было трансформаций в Восточной Европе, в Латинской Америке, но реформаторов такого уровня, которые полностью изменили огромную страну, в мировой истории за тысячи лет очень мало.

Олег Цывинский, профессор Йельского университета

Ну и еще особенность, которую никак нельзя обойти, – это талант, дающий в том числе более глубокое видение многих проблем. Никому, к примеру, не пришло в голову увязать и проследить связь, которую он (Е. Гайдар) раскрывает в «Гибели империи»: между крахом страны под влиянием обрушения мировых цен на нефть и политикой коллективизации, которая проводилась шестьдесят лет назад. А он четко эту связь прослеживает и обосновывает, показывая, сколь принципиальную роль могут играть

принимаемые сегодня решения для стратегической перспективы, в том числе с роковыми разрушительными последствиями.

Виктор Стародубровский, доктор экономических наук

Для меня нет вопроса, что эти книги («Долгое время», «Гибель империи») написаны гением.

Евгения Альбац, профессор ГУ – ВШЭ

Гайдар – человек, который вошел в историю. Человек, изменивший экономику России в большей мере и на более долгий срок, чем Витте или Столыпин... Вместе с Горбачевым и Ельциным Егор Гайдар навсегда останется фигурой, открывающей историю новой России и российской демократии. С каждым годом мы будем все более справедливо оценивать свою историю.

Ярослав Кузьминов, ректор ГУ – ВШЭ

Введение

*Нет у нас сил на Империю! – и не надо, и свались она с наших плеч:
она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель.*

А. Солженицын “Как нам обустроить Россию”

*Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.*

И. Бродский

Постимперская ностальгия, которой ныне пронизано российское сознание, не у нас впервые замечена. Такое уже случалось в истории, и не раз. Советский Союз – не первая распавшаяся в XX в. империя, а последняя. Из числа государственных образований, которые в начале XX в. называли себя империями, к концу столетия не осталось ни одного. Наша страна по ряду ключевых характеристик была не похожа на традиционные колониальные империи с заморскими территориями. Спор о том, была ли она империей, продлится долго. Будут появляться работы, доказывающие специфичность России как империи, демонстрирующие, что русский народ и при царях, и при коммунистическом режиме экономически был донором по отношению к другим народам, населяющим наше государство. Будут приводиться примеры российских деятелей нерусского происхождения – начиная с князя Багратиона и кончая Иосифом Джугашвили. Возможно, именно эта специфичность и помогла Российской империи сохраниться дольше, чем другим, распавшимся на десятилетия раньше.

Однако элита царского периода рассматривала свою страну как империю. Так ее и называла. Руководители Советской империи так не говорили, но расширили ее далеко за официальные пределы государства под названием СССР¹. Сегодняшние сторонники восстановления империи обращаются к наследию, идущему от царской России через период советской истории к сегодняшнему времени.

Примеров апелляции к постимперской ностальгии в современной России не счесть. Приведем лишь некоторые из них. Приближенный к Кремлю политтехнолог С. Белковский: “В 2004–2008 гг. должны быть заложены основы российской нации. У нашей нации есть единая судьба – имперская”². Писатель А. Проханов: “Вот почему великие империи прошлого выше великих республик. Они несли в себе замысел объединенного человечества, способного услышать и воплотить замысел Бога. Вот почему сегодняшняя либеральная, омерзительная Россия хуже, ублюдочней великого Советского Союза, который был империей и был безрассудно нами потерян”³. Геополитик А. Дугин: “Советское государство воспринималось народом как строительство “Новой Империи”, “царства Света”, “обители духа”, а не как создание наиболее рационального устройства администрирования и управления количественными единицами”⁴. Представления о крахе Советского Союза как о крушении последней мировой импе-

¹ Отношение советского руководства к своим восточноевропейским сателлитам наглядно иллюстрирует то, что во время переговоров, прошедших после вторжения советских войск в Чехословакию, Л. Брежнев обвинил арестованного первого секретаря КПЧ А. Дубчека в том, что последний не представлял проекты своих политических докладов в Москву. По информации чешских властей, примерно 30 % состава Министерства внутренних дел Чехословакии работало на КГБ. (См.: Dawisha K. *The Kremlin and the Prague Spring*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1984. E 6, 53.)

² Комсомольская правда. 2004. 19 января.

³ Проханов А. *Господин Геккоген*. М.: Ad Marginem Press, 2002. С. 426.

⁴ Дугин А. *Основы геополитики*. М.: Арк-центр, 2000. С. 195.

рии в XX в., широко распространены в литературе, посвященной этому периоду⁵. Президент России В. Путин в Послании Федеральному Собранию (2005 г.) назвал крушение Советского Союза крупнейшей геополитической катастрофой века⁶.

Эпоха империй ушла в прошлое, но их изучение сейчас в моде. Так бывало в истории. Это связано с остротой межнациональных конфликтов, их распространением в пост-имперские периоды⁷. Литература, посвященная гибели империй, безбрежна. Можно вспомнить книгу Ш. Монтескье “Размышления о причинах величия и падения римлян” или шеститомник Э. Гиббона, посвященный закату и падению Римской империи, и понять: сюжеты, связанные с крахом империй, постимперским синдромом, не новы. Великая книга, в которой видны следы постимперской ностальгии, появилась в Испании в начале XVII в. Это “Дон Кихот” Сервантеса.

То, что до тебя той же болезнью страдали многие, – слабое утешение. Это было с другими и давно. То, что происходит с нами, – реалии сегодняшнего дня.

Когда Петр I принял титул Императора Всероссийского, он лишь декларировал, что Россия является великой европейской державой. Величие и империя в это время были синонимами. Если учесть, насколько часто употребляется сегодня слово “империя” в политических спорах, трудно понять, почему его общепринятого определения, соответствующего современному контексту, нет. Словарь Даля определяет империю как государство, властелин которого носит титул императора, высшего по сану неограниченного правителя⁸. По словарю Ожегова, империя – монархическое государство во главе с императором⁹. Академический словарь русского языка дает два определения империи: монархическое государство во главе с императором или крупная империалистическая колониальная держава¹⁰. Нетрудно заметить, что все эти определения имеют мало общего со смыслом, который придается слову “империя” в современной России. Содержание термина в истории трансформировалось, стало пластичным. Позволю себе дать собственное определение этого понятия, близкое к сегодняшнему контексту. В данной работе под термином “империя” понимается мощное полиэтническое государственное образование, в котором властные полномочия сосредоточены в метрополии, а демократические институты (если они существуют) – либо, по меньшей мере, избирательное право – не распространяются на всю подконтрольную ей территорию.

В XX в. ярко проявились различия проблем, с которыми сталкиваются два типа империй: заморские¹¹ (Британия, Голландия, Португалия и др.) и территориально интегрированные

⁵ См., например: Strayer R. *Why Did the Soviet Union Collapse? Understanding Historical Change*. N. Y; L.: M.E. Sharpe Inc., 1998. Авторитетный российский политолог И. Яковенко пишет: “Начиная с эпохи Ивана Грозного Московское царство существовало как империя. Вначале имперская идея вдохновляла элиту Московии, создававшую “державу”. Далее, в течение четырех столетий всероссийское общество создавало империю, жило в ней, получало блага и несло тяготы имперского существования. Имперское сознание вошло в плоть общества, пронизало собой все уровни культуры, отпечаталось в массовой психологии. Сама по себе империя ни хороша и ни плоха. Это особый способ политической интеграции больших пространств, соответствующий определенной стадии исторического развития. На наших пространствах, в данную историческую эпоху он себя исчерпал. Но эта констатация – сухое аналитическое суждение. Для людей традиционного склада, сложившихся в рамках имперского бытия, империя – целый космос, способ жизни, система мировидения и мироощущения. Именно этот космос им органичен, другого они не знают и не принимают. Традиционный человек склонен воспринимать устойчивое как вечное и неизменное. Тем более что о вечности и нерушимости СССР ему говорила государственная идеология. С этих позиций распад империи – случайность, противоестественное течение событий, результат заговора враждебных сил, нашедших себе опору внутри “нашего” общества”. (См.: Яковенко И. *Украина и Россия: сюжеты соотносительности* // Вестник Европы. 2005. Т. XVI. С. 64.)

⁶ Послание Президента РФ В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 г. См.: <http://president.kremlin.ru/text/appears/2005/04/87049.shtml>.

⁷ Von Hagen M. *Writing the History of Russia as Empire: The Perspective of Federalism* // Kazan, Moscow, St. Petersburg: Multiple Faces of the Russian Empire. Moscow, 1997. P. 393.

⁸ Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. М.: Русский язык, 1989. Т. 2. С. 42.

⁹ Ожегов С. И. *Словарь русского языка*. Издание 23, испр. и доп. М.: Русский язык, 1991. С. 228.

¹⁰ *Словарь русского языка*. В 4-х т. АН СССР. Институт русского языка. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. С. 662.

¹¹ Точнее говорить о колониальных империях с заморскими территориями (как это сделано выше), но термин укоренился, и мы будем использовать его в представленной вниманию читателей работе.

(Австро-Венгрия, Россия и т. д.). В последних колонии не отделены от метрополии морем. Этносы, доминирующие в метрополии и вассальных территориях, живут рядом, тесно взаимодействуют.

Как показала история, особенно опыт второй половины XX в., империи распадаются. Отождествление государственного величия и имперскости делает адаптацию к утрате статуса великой державы непростой задачей для национального сознания бывшей метрополии. Эксплуатация постимперского синдрома – эффективный способ получить политическую поддержку. Концепция империи как государства мощного, доминирующего над другими народами – продукт, продать который так же легко, как кока-колу или памперсы. Чтобы рекламировать его, интеллектуальные усилия не требуются.

Проблема страны, столкнувшейся с постимперским синдромом, в том, что разжечь чувство ностальгии по утраченной империи легко. Призывы к ее восстановлению на практике нереализуемы. Сказать: “восстановление империи – благо для народа” – нетрудно. Этот лозунг обречен на популярность. Но реальность в том, что возродить империю невозможно.

Уникальный случай – восстановление в иных, коммунистических, почти неузнаваемых формах Российской империи в 1917–1921 гг. Это исключение, здесь все дело именно в иных формах, которые-то и слово “восстановление” строгого исследователя заставят взять в кавычки. СССР возник в результате братоубийственной Гражданской войны, невиданного в истории террора и гибели миллионов людей. В подавляющем большинстве случаев реставрация империй в силу обстоятельств, обусловленных долгосрочными тенденциями социально-экономического развития, невозможна.

В этом противоречии корень многих ошибок бывших метрополий в отношении к прежде подконтрольным территориям. Решение Англии и Франции вторгнуться в Египет, чтобы восстановить контроль над Суэцким каналом (1956 г.), до боли напоминает то, что в конце 2003 г. пытались делать российские власти на Украине¹².

Само формирование империй – продукт фундаментальных изменений в жизни общества. Они возникают и рушатся под влиянием исторических обстоятельств. Мечты вернуться в иную эпоху иллюзорны. Попытки сделать это приводят к поражениям. Опыт российских неудач в 2003–2004 гг. в Грузии, Абхазии, на Украине, в Молдове – продолжение “коллекции ошибок”, которые задолго до них делали другие. Но постимперскому сознанию принять этот факт трудно. Легче поверить в то, что нас победили не грузины или украинцы, а стоящий за ними “мировой заговор”. Если принимать решения в рамках этой парадигмы, можно, обидевшись на всех, продолжать делать одну ошибку за другой.

Ностальгия по территориально интегрированным империям сильнее, дольше, глубже, чем по заморским. Для почти трех миллионов судетских немцев (в Австро-Венгрии – представителей господствующего народа) было непросто адаптироваться к положению национального меньшинства в новом чехословацком государстве. Риторика, связанная с их положением, – одна из ключевых тем гитлеровской пропаганды перед оккупацией Чехословакии. При распаде территориально интегрированных империй (Австро-Венгрия, Германия, Россия, Турция, СССР) проблемы, подобные тем, с которыми столкнулись судетские немцы, становятся массовыми. Если не осознать это, трудно понять истоки войны сербов и хорватов, боснийскую трагедию.

Закат империи – постепенный, растянутый на годы процесс, когда и элиты и общество осознают безнадежность и бессмысленность попыток сохранить ее, – общество метрополии переживает легче, чем неожиданный крах¹³.

¹² Имеется в виду конфликт между Россией и Украиной о принадлежности острова (или косы) Тузла в Керченском проливе.

¹³ Arnold G. *Britain Since 1945: Choice, Conflict and Change*. L.; Blandford, 1989. P. 41–49.

Характерный пример – конец Германской империи. До начала осени 1918 г. германские власти убеждали народ, что победа близка. Когда в октябре-ноябре крушение немецкой военной машины стало очевидным, капитуляция – неизбежной, общество не было к этому готово. Отсюда легкость формирования мифа о “Германии, которая никогда не была побеждена на поле боя”, о “врагах, нанесших удар ножом в спину”. Под последними – явно или не явно – подразумевались социалисты. В крахе империи обвиняли еврейских революционеров и предателей, которым платила Москва, организовавшая забастовки в Германии в конце войны. Именно они, по мнению авторов этой версии, вынудили кайзера отречься от престола¹⁴. Эту фразеологию в середине 1920-х гг. используют бывшие руководители немецкой армии, те, кто в сентябре-октябре 1918 г. докладывал гражданским властям о том, что войну продолжать невозможно, мир необходимо заключать на любых условиях.

Многие немцы быстро забыли, как они ненавидели монархию в последний год войны, чувства, которые испытывали в октябре 1918 г., когда стало ясно, что кайзер и высшее командование обманывали народ. Они не знали, что именно генерал Э. Людендорф в октябре 1918 г. потребовал от нового канцлера Германии принца Макса Баденского заключения перемирия, дабы предотвратить военную катастрофу на Западном фронте. Монархия Гогенцоллернов не развалилась бы так быстро в ноябре 1918 г., если бы немецкое общество не было убеждено, что старый режим обанкротился.

Подобное быстро исчезает из исторической памяти. Общество не хочет об этом вспоминать. Кого интересует, что на деле произошло? Уязвленное поражением в войне общественное сознание нетрудно очаровать мифами. Гитлер говорил, что поражения августа 1918 г. были игрушкой по сравнению с победами, которые одержала до этого немецкая армия, что не они стали причиной капитуляции. По его словам, причиной поражения была деятельность тех, кто на протяжении десятилетий работал над уничтожением политических и моральных установлений и сил немецкой нации, благодаря которым нация может существовать¹⁵.

Вспоминаются строки Пушкина: “Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад”. Исследователи истории Веймарской республики считают: то, что ее лидеры не были готовы предать гласности материалы об ответственности германского руководства за развязывание Первой мировой войны, – один из важнейших факторов, приведших республику к краху¹⁶. Миф о невинной, непобежденной, преданной, униженной Германии был оружием, которое руководители республиканской власти дали в руки тем, кто в демократические ценности не верил.

Неожиданность, быстрота, с которой рушатся, казалось бы, непоколебимые империи, порождают ощущение нереальности происходящего. Ирреальность сродни иррациональности, в рамках которой возможно любое чудо¹⁷. Нетрудно убедить общество, что государство, которое столь неожиданно развалилось, можно столь же быстро восстановить. Это иллюзия. Причем опасная. Платой за нее стали реки крови, пролитые в ходе Второй мировой войны.

Советский Союз был территориально интегрированной империей, одной из мировых сверхдержав. За несколько лет до его распада в возможность того, что произошло в 1988–1991 гг., почти никто не мог поверить. После краха СССР за границами России осталось более 20 млн русских. Элиты большинства стран, жителями которых они оказались, не были доста-

¹⁴ Broszat M. *Hitler and the Collapse of Weimar Germany*. N. Y: BERG, 1987. P. 45.

¹⁵ Broszat M. *Hitler and the Collapse of Weimar Germany*. P. 55, 56.

¹⁶ Эти материалы были опубликованы немецким историком Ф. Фишером лишь в 1960-х гг. В 1920-х гг. социал-демократическое правительство выделило немалые финансовые ресурсы, чтобы пропагандировать тезис о невинности Германии в начале Первой мировой войны. (См.: Delmer S. *Weimar Germany: Democracy on Trial*. N. Y: Macdonald and Co., 1972. E 52.)

¹⁷ О том, что быстрый и неожиданный развал империи воспринимается как катастрофа, но катастрофа преодолимая, см.: Подвинцев Б. *Постимперская адаптация консервативного сознания: благоприятствующие факторы* // ПОЛИС. 2001. № 3 (62). С. 25–33.

точно деликатными и разумными, чтобы адекватно решать проблемы людей, оказавшихся национальным меньшинством в стране, которую раньше считали своей. Это усиливает пост-имперский синдром в метрополии, ставший одной из тяжелых проблем современной России¹⁸.

Это болезнь. Россия проходит через ее опасную стадию. Нельзя поддаваться магии цифр, но то, что крушение Германской империи отделяло от прихода Гитлера к власти примерно 15 лет – столько же, сколько отделяет крах СССР от России 2006–2007 гг., – заставляет задуматься.

И. Яковенко справедливо отмечает: “Распад имперского государства не был отрефлексирован, не был адекватно проработан общественным сознанием. В России не нашлось ответственной политической силы, которая отважилась бы заявить, что с точки зрения целей самосохранения и воспроизводства русского народа распад СССР явился самой крупной удачей за последние полвека. Обнаружились влиятельные политические силы, которые стали подпитывать и использовать ностальгические настроения в политических целях. Особая неприглядность этих манипуляций состоит в том, что имперски-ностальгические смыслы используют люди политически вменяемые, отчетливо осознающие невозможность и катастрофичность любых форм реставрации”¹⁹.

Медицине известен феномен: если человеку ампутировать ногу, ощущение, что она болит, не проходит. То же относится к постимперскому сознанию. Утрата СССР – реальность. Реальность и социальная боль, порожденная проблемами разделенных семей, мытарствами соотечественников за рубежом, ностальгическими воспоминаниями о былом величии, привычной географии родной страны, уменьшившейся, потерявшей привычные очертания. Эксплуатировать эту боль в политике нетрудно. Произнеси несколько фраз, суть которых в том, что “нам нанесли удар ножом в спину”, “во всем виноваты инородцы, которые расхитили наше богатство”, “теперь мы отберем у них собственность и заживем хорошо”, – и дело сделано. Эти фразы не надо выдумывать самому, достаточно прочесть учебник, посвященный нацистской пропаганде. Успех обеспечен.

Это политическое ядерное оружие. Его редко применяют. Конец тех, кто его использует, как правило, трагичен. Такие лидеры приводят свои страны к катастрофе. К сожалению, в России в последние годы ящик Пандоры оказался открытым. Обращения к постимперской ностальгии, национализму, ксенофобии, привычному антиамериканизму и даже к не вполне привычному антиевропеизму вошли в моду, а там, глядишь, войдут и в норму. Важно понять, насколько это опасно для страны и мира.

Постимперская ностальгия – болезнь излечимая. Опыт Франции, которой утрата империи далась нелегко, показывает: потребовалось несколько лет динамичного экономического роста, чтобы опасная для страны истерика, чуть не взорвавшая демократический режим, превратилась в мягкую, романтическую ностальгию по утраченному величию. Но в эти годы за сохранение демократии надо было бороться. В истории бывают моменты, когда роль личности особенно велика. То, что сделал в начале 1960-х гг. Шарль де Голль для предотвращения прихода к власти радикальных националистов, переоценить трудно. В Германии 1920-1930-х гг. развитие событий пошло по иному пути.

Э. Гиббон, один из проницательных исследователей краха Римской империи, имевший возможность анализировать произошедшее с точки зрения длительной исторической ретроспективы, не решался однозначно определить его причины. Когда историческая дистанция

¹⁸ О риске, который несет радикальный национализм, порожденный пост-имперским синдромом, устойчивости демократических институтов, см.: Gershenkron A. *Bread and Democracy in Germany*. Los Angeles: University of California Press, 1943. О связи проимперской политики и авторитарных тенденций в современной России см. также: Преодоление пост-имперского синдрома. Стенограмма дискуссии 21 апреля 2005 г. в рамках проекта “После империи” фонда “Либеральная миссия”. <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=549>.

¹⁹ Яковенко И. *Украина и Россия: сюжеты соотносительности* // Вестник Европы. 2005. Т. XVI. С. 65, 66.

меньше, сделать это еще сложнее. Однако проблемы, связанные с крахом Советской империи и послеимперским синдромом, слишком важны для сегодняшней России и мира, чтобы можно было оставить их анализ историкам грядущих столетий.

Жизнь сложилась так, что у меня есть некоторые преимущества по сравнению с другими исследователями крушения империй. Я был непосредственным участником связанных с ними событий, одним из авторов Беловежских соглашений, зафиксировавших факт краха последней империи XX в. – Советского Союза. Эта книга не мемуары, а попытка анализа того, что связано с дезинтеграцией империй, проблем, которые они порождают.

Значение Беловежских соглашений не надо преувеличивать. Они юридически оформили факт состоявшегося развода. Государств, которые не контролируют свои границы, денежную, налоговую и судебную системы, не могут подавлять этнонациональные конфликты (а именно в этом состоянии был Советский Союз после августовских событий 1991 г.), не существует.

Как показывает опыт Югославии, процесс развода может быть кровавым. Беловежские соглашения декабря 1991 г. не сняли боль от распада территориально интегрированной империи, но помогли избежать большой крови и ядерной катастрофы. В результате этих договоренностей уже к маю 1992 г. подавляющая часть наиболее опасного – в силу технологии принятия решений о его применении – тактического ядерного оружия, ранее находившегося на территориях других республик, была сосредоточена в России²⁰.

Повторю: то, как практически происходит распад империй, с какими проблемами приходится сталкиваться властям метрополии, знаю лучше многих. И все же не взялся бы за эту работу, если бы не видел, насколько политически опасна эксплуатация постимперского синдрома в современной российской политике, не знал об очевидных, бросающихся в глаза аналогиях между риторикой людей, использующих постимперскую ностальгию в нашей стране, и стандартами пропаганды национал-социалистов в последние годы существования Веймарской Германии.

Параллели между Россией и Веймарской республикой проводят часто. Сам принадлежу к числу тех, кто проводил эту аналогию в российских политических дискуссиях начала 1990-х гг. Но не все понимают, насколько они значимы. Мало кто помнит, что имперская государственная символика была восстановлена в Германии через 8 лет после краха империи – в 1926 г.²¹, в России – через 9 лет – в 2000 г. Не больше и тех, кто знает, что важнейшим экономическим лозунгом нацистов было обещание восстановить вклады, утраченные немецким средним классом во время гиперинфляции 1922–1923 гг.²².

Роль экономической демагогии нацистов в их приходе к власти в 1933 г. нельзя недооценивать. Антисемитизм, радикальный национализм, ксенофобия всегда были элементами мышления лидеров Национал-социалистической рабочей партии Германии. Но до 1937 г. они осторожно использовали связанные с этими настроениями лозунги²³. Апелляция к чувствам германских собственников, потерявших сбережения, была эффективным политическим оружием. И сегодня те, кто обещает восстановить вклады, обесценившиеся во время финансовой катастрофы Советского Союза, дословно повторяют геббельсовскую риторику начала 1930-х гг.

Придя к власти, вклады нацисты не восстановили. Они привели страну к войне и еще одной денежной катастрофе, за которую потом вынужден был отвечать отец немецкой эконо-

²⁰ Подробнее о взаимосвязи этих событий – в главе 8.

²¹ В мае 1926 г. президент П. Гинденбург издал указ, в соответствии с которым над германскими дипломатическими представительствами за рубежом должны развеваться и флаги Республики, и имперские флаги.

²² Delmer S. *Op.cit.* О влиянии германской гиперинфляции 1922–1923 гг. на дезорганизацию среднего класса см. также: Weisbrod B. *The Crisis of Bourgeois Society in Interwar Germany* / Bessel R. (ed.). *Fascist Italy and Nazi Germany. Comparisons and Contrasts*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. P. 30.

²³ Brustein W. *The Logic of Evil: the Social Origins of the Nazi Party, 1925–1933*. New Haven: Yale University Press, 1996.

мической реформы министр финансов ФРГ Л. Эрхард, разморозивший цены в 1948 г. Но это случилось позже.

В российских условиях время расцвета постимперского синдрома, замешенного на нем радикального национализма, вопреки ожиданиям автора этих строк, пришлось не на период, непосредственно последовавший за крушением СССР, а на более позднее время. Я и мои коллеги, начинавшие реформы в России, понимали, что переход к рынку, адаптация России к новому положению в мире, существованию новых независимых государств будут проходить непросто. Но мы полагали, что (как помнит читатель, это произошло, например, во Франции) преодоление трансформационной рецессии, начало экономического роста, повышение реальных доходов населения позволят заменить несбыточные мечты о восстановлении империи прозаичными заботами о собственном благосостоянии. Мы ошибались.

Как показал опыт, во время глубокого экономического кризиса, когда не ясно, хватит ли денег, чтобы прокормить семью до следующей зарплаты, выплатят ли ее вообще, не окажешься ли завтра без работы, большинству людей не до имперского величия. Напротив, в то время, когда благосостояние начинает расти, появляется уверенность, что в этом году зарплата будет выше, чем в предыдущем, безработица, если не живешь в депрессивном регионе, тебя не коснется, жизнь изменилась, но вновь обрела черты стабильности, можно, придя домой, сесть и посмотреть вместе с семьей советский фильм, в котором наши разведчики лучше их шпионов, мы всегда побеждаем, а жизнь, изображенная на экране, безоблачна, порассуждать о том, как враги развалили великую державу, как мы всем еще покажем, кто главный²⁴.

Апелляция к имперским символам величия – сильный инструмент управления политическим процессом. Чем больше официальная российская пропаганда пытается представить Великую Отечественную войну как цепь событий, ведущих к предзаданной и организованной вождем Победе, тем быстрее уходит память о сталинских репрессиях, забывается, что в развертывании войны сам Сталин, санкционировавший пакт Молотова – Риббентропа, сыграл немалую роль. Позитивные оценки И. Сталина выросли с 1998 г. к 2003 г. с 19 до 53 %. На вопрос “Если бы Сталин был жив и избирался на пост Президента России, вы проголосовали бы за него или нет?” 26–27 % жителей России ответили: “Да, проголосовал бы”²⁵. Речь идет о человеке, который погубил больше наших соотечественников, чем кто бы то ни было в многовековой и непростой истории России. Думаю, одного этого факта достаточно, чтобы понять масштабы угроз, связанных с постимперским синдромом в нашей стране.

Пытаться вновь сделать Россию империей – значит поставить под вопрос ее существование. Риск движения в этом направлении высок. Именно поэтому важно понять, чем были империи, сформировавшиеся на протяжении последних веков, почему они распались, каковы ключевые проблемы, связанные с их расформированием. В первых главах представленной вниманию читателя работы это сделано на основе анализа мирового опыта, в последующих – на базе изучения того, как рухнула последняя империя XX в. – Советский Союз.

Механизм демонтажа империй был специфическим, накладывался на сочетание политических и экономических проблем в метрополии и бывших колониях. В Советском Союзе кризис развертывался на фоне эрозии основ легитимности тоталитарного политического режима и падения цен на нефть, от которых в начале 1980-х гг. зависело состояние бюджета, потребительского рынка, платежного баланса. Главы, посвященные анализу причин нестабильности авторитарных и тоталитарных режимов, проблем, с которыми сталкиваются страны, экономика которых в высокой степени зависит от конъюнктуры рынка природных ресурсов, на

²⁴ Значительная часть российского общества воспринимает Российскую Федерацию как временное, промежуточное образование, которое со временем либо расширится, либо распадется. Лишь 28,4 % опрошенных социологами россиян полагают, что “Россия должна остаться самостоятельным государством, ни с кем не объединяясь”. (См.: Солозобов Ю. *Россия в постимперский период: применим ли постколониальный опыт Великобритании?* <http://www.ukpolitics.ru/rus./members/9/09.doc>.)

²⁵ Гудков Л. *Память о войне и массовая идентичность россиян* // Неприкосновенный запас. 2005. № 40–41. С. 46–57.

мой взгляд, важны для понимания контекста того, что произошло в начале 80-х – середине 90-х гг. XX в. в Советском Союзе.

То, что Советский Союз был полиэтническим государством, в котором русские составляли лишь половину населения страны, оказало существенное влияние на тактику развития событий, связанных с его крахом. Однако важнее другое – это было общество, в котором *impreium* – власть доминировала в организации ежедневной жизни. Убежденность и властей, и общества в том, что государство способно применить неограниченный объем насилия, чтобы подавить проявления недовольства, была абсолютной. Такая организация государства, представляющаяся поверхностному наблюдателю прочной, оказывается хрупкой именно потому, что не включает гибкие механизмы адаптации, позволяющие приспособиться к меняющимся реалиям современного мира. Демонстрация связанных с этим рисков на примере судьбы СССР – основное содержание представленной вниманию читателей книги.

Неготовность властей Веймарской республики сказать правду о начале Первой мировой войны была одним из важнейших факторов, способствовавших ее краху. Правда о причинах и механизмах крушения Советского Союза, на мой взгляд, в системном виде не сказана. В последнее время доступ к архивным документам, позволяющим пролить свет на развертывание кризиса советской экономики, вновь становится ограниченным. Тем не менее материалы, которые были рассекречены в начале 1990-х гг., позволяют разобраться в том, что с нами на самом деле произошло. Легенда о процветающей, могучей державе, погубленной врагами-инородцами, – миф, опасный для будущего страны. В представленной читателю работе я попытаюсь показать, насколько видение произошедшего далеко от действительности. Не хотелось бы повторять ошибки, сделанные немецкими социал-демократами в 1920-х гг. Цена подобных ошибок в мире, где есть ядерное оружие, слишком высока.

В российском общественном мнении сегодня доминирует следующая картина мира: 1) двадцать лет назад существовала стабильная, развивающаяся, мощная страна – Советский Союз; 2) странные люди (возможно, агенты иностранных разведок) затеяли в нем политические и экономические реформы; 3) результаты этих реформ оказались катастрофическими; 4) в 1999–2000 гг. к власти пришли те, кто озабочен государственными интересами страны; 5) после этого жизнь начала налаживаться. Это миф столь же далекий от истины, как легенда о непобежденной, преданной Германии, популярная среди немецкого общества в конце 1920-1930-х гг.

Задача представленной вниманию читателя книги – показать, что эта картина мира не соответствует действительности. Вера в ее истинность опасна для страны и мира. К сожалению, это случай, когда миф подкреплен здравым смыслом. Объяснить европейцу XV в., что Земля вращается вокруг Солнца, а не Солнце вокруг Земли, было задачей нелегкой. Он мог удостовериться в противоположном, выйдя из дома. Чтобы усомниться в том, что он видит, ему были нужны весомые аргументы.

Когда пытаешься оспорить то, что соответствует здравому смыслу, не нужно скупиться в приводимых доказательствах. Задача представленной вниманию читателя книги – показать, что советская политико-экономическая система была по своей природе внутренне нестабильной. Что вопрос стоял лишь о том, когда и как она рухнет. Высказанный тезис, в правильности которого автор убежден, верен. Однако он сложен для восприятия. Именно поэтому приходится использовать немало архивных материалов, демонстрирующих развитие событий в Советском Союзе в 1985–1991 гг. Некоторым читателям объем приводимых цитат из официальной советской межведомственной переписки может показаться излишним. Исхожу из гипотезы, что мы имеем дело со случаем, когда избыток документальных свидетельств – меньший грех, чем их недостаток. Читатель при желании может пропустить цитаты из документальных материалов.

Хочу поблагодарить Н. Бажова, Ю. Бобылева, Л. Гозмана, Н. Главацкую, Э. Воробьева, В. Войновича, В. Кудрова, Л. Лопатникова, В. Мау, А. Максимова, А. Молдавского, Б. Сарнова, С. Синельникова, Е. Серову, В. Цымбала, В. Ярошенко, Е. Ясина за то, что взяли на себя труд прочитать и прокомментировать рукопись или отдельные главы, дали ценные советы. Благодарю О. Лугового, В. Дашкеева, И. Мазаева за неоценимую помощь в работе по сбору и анализу исторической статистики. Благодарю Е. Мозговую, Н. Зайцеву, Т. Лебедеву, Л. Мозговую, Е. Бондареву, М. Крисань и А. Колесникову за помощь в технической работе над книгой. Эта книга, как и мои предыдущие работы, не была бы написана без помощи моей любимой жены Марии Стругацкой.

Разумеется, ответственность за возможные неточности и ошибки несет автор.

Глава 1

Величие и падение империй

На штык можно опереться, а сесть нельзя.
Талейран

В I в. до н. э. деградация системы всеобщей воинской обязанности свободных крестьян, формирование профессиональной армии подорвали республиканские институты Древнего Рима, проложили дорогу режиму, при котором властелином становится тот, кого готова принять армия. Сложившееся государственное устройство стали называть империей (сам термин “империя” происходит от латинского *imperiū* – власть). Поскольку власть Рима распространялась в те времена на большую часть известного тогда мира, за этим словом закрепился и другой смысл: в Европе слово “империя” стало означать созданное завоеваниями полиэтническое государство. После краха Западной Римской империи установления и традиции, унаследованные от нее, оказывали влияние на то, что происходило на территориях, ранее входивших в состав империи, географически близких метрополии. Это отразилось на всем последующем ходе европейской истории.

§ 1. Современный экономический рост и эпоха империй

Идея империи – мощного, авторитарного, полиэтнического государства, объединяющего многочисленные народы, как и христианская церковь, – часть наследства, которое средневековой Европе досталось от античности. Дж. Брайс, один из известных исследователей истории Священной Римской империи, писал: “Умиравшая древность завещала последующим векам две идеи: идею всемирной монархии и идею всемирной религии”²⁶. Афористичные выражения обычно упрощают происходящее. Так и здесь. Влияние наследия античных институтов и римского права было более значимым для европейского развития, чем идея всемирной монархии. Однако связь самого имперского идеала с римской традицией несомненна.

Многие правители пытались присваивать себе титул императора. Но на протяжении веков, следовавших за крахом Римской империи, лишь Византия воспринималась другими европейскими государствами как наследница римской императорской традиции²⁷. Это относилось и к восточной, и к западной частям Римской империи. Правители Византии считали, что лишь временно утратили контроль над частью имперской территории. Когда Карла Великого короновали в 800 г. как императора Священной Римской империи, для него было серьезной проблемой, признают ли его византийские власти²⁸.

Постепенное ослабление Византии делало претензии на императорский титул, относящиеся к постримскому пространству, все менее убедительными. После взятия Константинополя турками вопрос о том, кто является обладателем этих прав, снова становится актуальным. В этой связи претензии российских властей на роль Москвы как Третьего Рима, преемницы традиций римской и византийской империй, – в духе времени конца XV – начала XVI в. Однако Россия была слишком далека от центра развития, чтобы эти претензии в Европе воспринимались всерьез.

К концу XV в. многократно трансформировавшаяся на протяжении IX–XIV вв., во многом эфемерная, Священная Римская империя принимается европейскими дворами как единственное государство, имеющее законное право так именоваться. Однако сама идея империи живет и продолжает оказывать влияние на события в Европе.

Филипп II иногда называет себя императором Индии. В политической полемике конца XVI в. прослеживаются идеи имперского предназначения Испании, ее священной миссии управлять Европой. Кастильская элита с конца XV в. смотрит на Римскую империю как на модель для подражания, на себя – как на преемников римлян. Они – часть избранных, на которых возложена божественная миссия воссоздания мировой империи²⁹. Вне этого контекста трудно понять, зачем испанским королям нужно было тратить столько людских и финансовых ресурсов в войнах XVI–XVII вв., пытаясь распространить свое господство в мире.

К XV–XVI вв. экономический и военный подъем Европы, ее военное превосходство над окружающими странами становятся очевидными. Начинается экспансия европейского государства на иные континенты. Важнейший стимул к этому – надежда пополнить запасы драгоценных металлов – ресурса, позволяющего финансировать войны. Только с момента, когда путь к драгоценным металлам Америки был проложен, она становится для Испании ценной.

Именно тогда начинают формироваться европейские империи. Это период меркантилистской торговой политики. Государства ограничивают импорт продукции перерабатываю-

²⁶ Брайс Дж. *Священная Римская империя*. М.: Типография А. И. Мамонтов и К°, 1891. С. 71.

²⁷ О сохранении престижа императорского титула, с которым связывается верховная власть, в глазах варварских государей в Бельгии, Испании, Африке, Италии см.: Диль Ш. *История Византийской империи*. М.: Гос. изд-во иностр. литры, 1948. С. 26.

²⁸ Barraclough G. *The Mediaeval Empire. Idea and Reality*. Historical Association: George Phillip & Son, 1950. P. 9–11.

²⁹ Elliott J. H. *Spain and Its World, 1500–1700*. Selected Essays. New Haven; L.: Yale University Press, 1989. P. 9.

щих отраслей, стимулируют экспорт отечественной продукции. Владение колониями расширяет контролируемую таможенную зону. Покоренные страны не могут регулировать доступ товаров из метрополии. Применительно к колониям метрополия вольна проводить ограничительную торговую политику. Расширение колониальных территорий происходит одновременно с ожесточенной борьбой между империями, переделами владений, конкуренцией торговых компаний, ведущих дела с колониями.

В середине XIX в. Китай, Япония, Османская Порта формально не являются частями европейских колоний, однако после договора между Британией и Турцией от 5 января 1809 г., опиумных войн 1840–1842 гг., прибытия эскадры командора Перри в Японию в 1853 г. политика низких импортных тарифов была навязана и этим странам³⁰.

Даже апологеты империи признают, что использование административного принуждения покоренных народов в эту эпоху – элемент политики, направленной на индустриальное развитие метрополии. В 1813 г. текстильная и шелковая промышленность Индии могла бы с прибылью продавать на британском рынке свои продукты по ценам на 50–60 % ниже, чем те же товары, произведенные в Англии. Но таможенные пошлины (70–80 % цены) или прямой запрет импорта индийских товаров делали это невозможным. Будь Индия независимой, она в ответ на такие меры ввела бы запретительные пошлины на английские товары. Индия была родиной текстильной промышленности – она существовала там на протяжении 6 тыс. лет. В ней были заняты миллионы людей. За колонизацией последовала утрата работы сотнями тысяч людей, семьи которых занимались ткачеством на протяжении жизни поколений. Такие города, как Дакка и Муширабад – ранее центры текстильной промышленности, – пришли в запустение. Сэр Тревеллен докладывал Парламентскому комитету, что население Дакки сократилось со 150 до 30–40 тыс. человек. С 1814 до 1835 г. экспорт британского текстиля в Индию вырос с 1 до 51 млн ярдов в год. За те же годы индийский экспорт текстиля в Англию сократился примерно в 4 раза. К 1844 г. он снизился еще в 5 раз³¹.

Начало современного экономического роста на рубеже XVIII–XIX вв. увеличивает разрыв между Европой и остальным миром (за исключением европейских эмигрантских колоний США, Канады, Австралии и т. д.) в экономической, финансовой и военной мощи. Поражение России, одной из крупнейших и близких к Европе аграрных держав, в Крымской войне продемонстрировало это наглядно.

Мир середины XIX в. – жесткий, в нем нет места сантиментам. Здесь действует правило, провозглашенное еще римлянами: „Торе побежденному”. Отношение колониальных держав к покоренным народам в это время назвать мягким язык не поворачивается. Чтобы это доказать, не обязательно ссылаться на катастрофическое сокращение населения Америки после испанского завоевания или истребление североамериканских индейцев. Можно вспомнить о существовавшем в либеральной Британской империи запрете занимать места на государственной службе представителям индийских национальностей.

История создания и краха европейских империй – составная часть процесса, связанного с беспрецедентным ускорением экономического роста, социально-экономическими изменениями, которые начались в Северо-Западной Европе на рубеже XVIII–XIX вв. Он открывает дорогу экономической, финансовой и военной экспансии метрополий, расширению их территориального контроля. И одновременно повышает риски того, что в меняющемся мире основы экономического и политического могущества той или иной державы могут быть подорваны.

В середине XIX в. ведущие европейские страны, в первую очередь Британия, не имели себе равных в возможности применения военной силы на расстоянии в тысячи километров

³⁰ Cullen L. M. *A History of Japan, 1582–1941*. Cambridge University Press, 2003. P. 178–182; Ihsanoglu E. (ed.). *History of the Ottoman State, Society & Civilisation*. Istanbul: IRCICA, 2001. Vol. 1. P. 73–76, 80; Международные отношения на Дальнем Востоке. М.: Мысль, 1973. Кн. 1. С. 58–62.

³¹ Gopal R. *British Rule In India: An Assessment*. L.: Asia Publishing House, 1963. P. 17–19.

от собственных границ. Это основа формирования имперской политики. Британский премьер-министр, лидер Либеральной партии У. Гладстон писал: “Имперское чувство является врожденным у каждого англичанина. Это часть нашего наследия, которое появляется на свет вместе с нами и умирает лишь после нашей смерти”³².

К 1914 г. Англия контролировала территорию, на которой проживала примерно четверть населения мира³³. Ее империя, за которой стояла долговременная традиция, большинству современников казалась нерушимой. Но предпосылки краха сложившегося к концу XIX в. мирового порядка уже были заложены. Современный экономический рост и связанные с ним масштабные изменения в соотношении экономической мощи стран делают его неизбежным.

Страны догоняющего развития, вступившие в процесс современного экономического роста позже Англии, могут использовать то, что А. Гершенкрон называл “преимуществами догоняющего развития”³⁴. По численности населения они нередко превосходят государства, раньше них начавшие современный экономический рост; по мере продвижения по пути индустриализации способны мобилизовать финансовые и людские ресурсы, позволяющие сформировать мощные вооруженные силы. Экономический, финансовый и военный подъем Германии и Японии конца XIX – начала XX в. – наглядный пример этому.

В своей работе “Долгое время” автор обращал внимание на то, что Россию от стран – лидеров современного экономического роста³⁵, наиболее развитых государств мира – на протяжении последних полутора веков отделяет дистанция примерно в полвека, два поколения³⁶. Обсуждая сегодняшние российские проблемы, полезно помнить, что эпоха заката мировых империй началась примерно полвека назад.

Все страны, которые называли себя империями в начале XX в., в разных формах – добровольно или вынужденно – избавлялись от колоний, предоставляя им свободу. Это трудно объяснить случайным стечением обстоятельств. Для России этот опыт важен. Если извлечь из него уроки, он поможет не повторить ошибки, приводящие к политическим поражениям.

В начале XX в. противоречие между жесткой структурой контроля над территориями, сложившимися в эпоху британской финансовой и военно-морской гегемонии XIX в., и растущей экономической и военной мощью стран, оказавшихся обделенными к моменту раздела мира, стало важным фактором международной политики. Урегулировать эту проблему мирно было непросто. Решать силовым путем – значило открыть череду кровопролитных войн. Именно это стало реальностью в 1914–1945 гг.³⁷.

³² Палм Датт Р. *Кризис Британии и Британской империи*. М.: Изд-во иностр. литры, 1954. С. 14.

³³ Историческая статистика недостаточно точна, чтобы это можно было оценить строго. Результат, который дают расчеты, основанные на данных А. Мэддисона, – 22,6 %. (См.: Maddison A. *The World Economy. Historical Statistics*. Paris: OECD, 2003.) Реалистично говорить о 20–25 %.

³⁴ Gerschenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective*. Cambridge; Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 1962.

³⁵ Современный экономический рост (по С. Кузнецу) – такой, при котором долгосрочные темпы увеличения производства устойчиво превышают темпы роста населения. Подробнее см.: Гайдар Е. Т. *Аномалии экономического роста*. Глава 1. (Прим. ред.)

³⁶ Гайдар Е. *Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории*. М.: Дело, 2005. С. 36–46.

³⁷ О неспособности английской политической элиты найти путь адаптации к миру, в котором Британия не является доминирующей державой, как предпосылки череды мировых войн XX века см.: Gamble A. *Britain in Decline. Economic Police, Political Strategy and the British State*. Boston: Beacon Press, 1931.

§ 2. Кризис и демонтаж заморских империй

Империи XIX–XX вв. – продукт подъема Европы, современного экономического роста, создавшего на десятилетия асимметрию финансовых, экономических и военных сил в мире. Но это были хрупкие образования, которые нелегко трансформировать, приспособить к изменяющимся реалиям, к иным представлениям о разумном политическом устройстве, к другой системе комплектования вооруженных сил, к новым формам применения насилия.

На протяжении XX в. мир стал иным. Доминирующая идеология, в рамках которой “бремя белого человека” воспринималось как данность, уступила место картине мира, в которой представление о разделении народов на господ и рабов неприемлемо. Формы отношений между метрополией и колониями, органичные для XIX в., стали невозможными в середине XX в. В интеллектуальной атмосфере 1940–1960-х гг. объяснить, почему Британия должна управлять Индией, другими своими колониями, оказалось нереализуемой задачей.

С течением времени трансформируются представления о том, что метрополия может делать для сохранения своего господства. Жесткий мир начала XIX в. не знает жалости к слабым.

Трансформирующиеся в XX в. социально-политические реальности диктуют новые правила поведения. Когда англичане в Малайе в начале 1950-х гг. применяли жесткие меры борьбы с повстанцами – брали заложников, уничтожали посеы в непокорных деревнях, – эту практику осуждают в парламенте, называют преступлением против человечества. То, что дозволено в начале XIX в., общество середины XX в. не приемлет.

Из территориально интегрированных империй Первую мировую войну – в измененной форме – пережила лишь Российская. После Второй мировой войны начинается череда распада имеющих заморские территории Британской, Французской, Голландской, Бельгийской, Португальской империй. На начало 1990-х гг. приходится период краха последней территориально интегрированной империи – Советского Союза, а также Югославии – страны, не бывшей в собственном смысле этого слова империей, но столкнувшейся с проблемами, сходными с теми, которые порождают крах территориально интегрированных империй.

Кризис 1914–1945 гг. радикально изменил мир. Миф о непобедимости европейцев, укорененный в общественном сознании конца XIX – начала XX в., но подорванный Русско-японской войной 1904–1905 гг.³⁸, был окончательно дискредитирован крахом европейских колониальных империй в Юго-Восточной Азии во время Второй мировой войны. Европейцы не могли больше надеяться на то, что покоренные народы сохраняют убежденность в божественном праве завоевателей ими править³⁹.

С конца 1940-х – начала 1950-х гг. само слово “империя” и “империализм” становятся немодными. В 1947 г. премьер-министр Англии Клемент Ричард Эттли говорит: “Если в настоящее время и существует где-либо империализм, под которым я подразумеваю подчинение одних народов политическому и экономическому господству других, то такого империализма определенно нет в Британском Содружестве наций”⁴⁰.

Характерная черта империй – отсутствие всеобщего избирательного права подданных⁴¹. Адам Смит писал о целесообразности предоставления избирательного права североамериканским колониям. Предметом серьезного обсуждения британскими политиками это не стало. То,

³⁸ О влиянии поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 гг. на развитие событий в английских колониях см.: Rawlins ON H. G. *The British Achievement in India*. London Edinburgh Glasgow: William Hodge & Company, Limited, 1948.

³⁹ Aron R. *France Steadfast and Changing: The Fourth to the Fifth Republic*. Cambridge: Harvard University Press, 1960.

⁴⁰ Палм ДАТТ Р. Кризис Британии и Британской империи. М.: Изд-во иностр. литры, 1954. С. 31.

⁴¹ О несовместимости имперских структур и демократической организации см.: Tilly C. *How Empires End / After Empire*, *Multithnic societies and Nation Building. The Soviet Union and Russia, Ottoman and Habsburg Empires*. N. Y; L.: Boulder, 1997. P. 3.

что лозунг “Нет налогообложения без представительства” был одним из ключевых в истории американской революции, – факт общеизвестный.

В венгерской части Австро-Венгрии из почти 11 млн человек, достигших возраста 21 года, лишь 1 млн 200 тыс. имели право голоса. Вопрос о том, могут ли фронтовики, мобилизованные во время Первой мировой войны из невенгерских частей королевства, иметь избирательное право, стал предметом острой политической дискуссии. Принять решение по нему правительство не смогло. Премьер-министр Венгрии граф Тисса категорически отказывался предоставить избирательное право фронтовикам, не относящимся к титульной нации. Попытки федерализации Австро-Венгрии, направленные на спасение монархии, столкнулись с упорным сопротивлением венгерской политической элиты любым уступкам славянским народам⁴².

Мировой опыт свидетельствует: империя и политическая свобода, если речь идет о реальном демократическом избирательном праве для всех подданных, несовместимы⁴³.

В начале 1950-х гг. Франция отказывалась признать принцип равенства избирательных прав европейского и коренного населения в Алжире, территорию которого рассматривала как свой департамент. Правило двух избирательных коллегий означало, что один голос европейца считался равным восьми голосам мусульман. В 1954–1958 гг. позиция французских властей меняется. Они наконец осознают неизбежность предоставления всеобщего избирательного права, понимают, что без этого удержать Алжир невозможно. Однако тогда ничто меньшее, чем полная независимость, лидеров освободительного движения уже не устраивает⁴⁴.

Ограничение избирательных прав населения колоний соответствовало реалиям XVI–XVII вв., когда начиналось формирование европейских империй, миру XVIII–XIX вв., в котором готовились предпосылки современного экономического роста. Однако оно противоречит представлениям о разумном государственном устройстве, характерном для второй половины XX в. К этому времени в мире укоренилось убеждение в том, что не сформированные на основе всеобщего избирательного права, равноправной конкуренции политических сил органы власти не легитимны. И метрополии, пытающиеся сохранить свои колонии, и элиты колоний об этом осведомлены. Для сохранения империи остается одно средство – насилие, необходимое, чтобы принудить живущие в колониях народы принять устоявшийся режим как данность, с которой невозможно спорить. Но империи сталкиваются с проблемой, обозначенной одним из соратников Наполеона – Талейраном: “На штык можно опереться, а сесть нельзя”.

Во второй половине XX в. в политической риторике, аргументах тех, кто выступает за сохранение колоний, акцент все в большей степени делается не на то, в какой степени это выгодно метрополии, а на пользу сохранения империй для самих колоний, на то, что метрополия помогает им создать правовую систему, развитую инфраструктуру.

Меняется и финансовый контекст функционирования империй. До конца Первой мировой войны общепринятым было представление, что колонии должны себя финансово обеспечивать, оплачивать функционирование колониальной администрации. Под влиянием меняющейся в развитых странах интеллектуальной атмосферы уже в 10-х гг. XX в. эта традиция уходит в прошлое. Возникает парадигма, в рамках которой метрополии должны выделять финансовые ресурсы на ускорение экономического развития колоний⁴⁵. Власти, стремящиеся

⁴² Glaise-Horstenau E. V. *The Collapse of the Austro-Hungarian Empire*. L.; Toronto: J.M. Dent and Sons. Ltd, New York: E.P. Dutton and C^o. Inc., 1930.

⁴³ Согрин В. *Политическая история современной России. 1985–1994: От Горбачева до Ельцина*. М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 101.

⁴⁴ Aron R. *France Steadfast and Changing: The Fourth to the Fifth Republic*. Cambridge: Harvard University Press, 1960.

⁴⁵ Morris-Jones W. H., Austin D. (eds.). *Decolonisation and After: The British and French Experience // Studies in Commonwealth Politics and History*. № 7. L.: Frank Cass, 1980. P. 121; Goldsworthy D. *Colonial Issues in British Politics 1945–1961*. Oxford: At the Clarendon Press, 1971.

доказать, что империя полезна для подданных, вынуждены инвестировать все больше в инфраструктурные проекты и социальные программы на подконтрольных территориях⁴⁶. Это приходится делать за счет средств налогоплательщиков метрополии. Последние относятся к подобной практике с сомнением. За империю приходится платить, и чем дольше – тем больше. В обществе растет убежденность в том, что есть немало нерешенных проблем, которые приходится откладывать из-за помощи колониям. Ко второй половине XX в. и элиты, и общество империй убеждаются – империи слишком дороги, чтобы их можно было себе позволить.

С момента, когда политические элиты и метрополий, и колоний перестают верить в то, что сложившиеся установления – данность, судьба империй решена. Вопрос в том, в каких формах и в какие сроки они будут демонтированы.

После Второй мировой войны важным фактором демонтажа колониальной системы стало противостояние Советского Союза и его сателлитов, с одной стороны, и НАТО во главе с США – с другой. Советский Союз, сам будучи своеобразной империей, имел основания поддерживать финансовыми, политическими и военными способами национальные движения, направленные против традиционных империй европейских держав. США – лидер противостоящего Советскому Союзу военного альянса, нередко вели себя по отношению к странам Латинской Америки подобно тому, как европейские державы – по отношению к своим колониям, но никогда не провозглашали себя империей, не посылали своих представителей на постоянной основе управлять зависимыми государствами.

По разным причинам и США, и Советскому Союзу традиционные империи не нравились. По меньшей мере, они не были готовы их поддерживать. Нередко прямо способствовали их демонтажу. Одно это делало сохранение империй невозможным⁴⁷. Во время Суэцкого кризиса 1956 г. английские и французские власти полагали, что смогут, вторгнувшись в Египет, восстановить контроль над каналом, сделать это собственными силами, не советуясь ни с американцами, ни с Советским Союзом. Они просчитались.

Пришлось отступить, смириться с тем, что канал останется под контролем египетских властей.

В послевоенном мире идет процесс, подобный тому, который можно многократно наблюдать в истории: быстрое распространение военной техники богатых государств среди соседей и потенциальных противников. Во второй половине XX в. ключевую роль приобретает широкое овладение навыками ведения современной партизанской войны. От метрополии требуются огромные людские и финансовые ресурсы, чтобы противостоять этому вызову.

В XVI в. – при очевидном превосходстве Европы в военной технике – можно было послать несколько сотен конкистадоров, чтобы завоевать Америку. Во второй половине XX в. отправка 400 тыс. французских военнослужащих в Алжир оказалась недостаточной, чтобы подавить сопротивление 20 тыс. повстанцев, опиравшихся на поддержку мирного населения.

Оборонные расходы Португалии, к 1971 г. составлявшие 43 % ассигнований бюджета, были непосильными для страны. В 1961–1974 гг. но тыс. молодых португальцев эмигрировали, чтобы избежать призыва. Декрет 1967 г. увеличил срок обязательной службы до четырех лет. Неспособность военных учебных заведений выпускать достаточное количество командиров заставила португальские власти в массовом масштабе призывать в армию младших офицеров, получивших погоны после окончания военных кафедр гражданских университетов. Именно они стали ядром движения, подготовившего свержение авторитарного режима и прекращение колониальной войны⁴⁸.

⁴⁶ Goldsworthy D. *Colonial Issues in British Politics 1945–1961*. Oxford: At the Clarendon Press, 1971.

⁴⁷ Накопленные в ходе Второй мировой войны финансовые обязательства Англии перед Соединенными Штатами дали американским властям инструменты, позволявшие влиять на политику Англии по отношению к ее колониям. (См.: Goldsworthy D. *Colonial Issues in British Politics 1945–1961*. Oxford: At the Clarendon Press, 1971.)

⁴⁸ Rady D. L. *Fascism and Resistance in Portugal: Communists, Liberals and Military Dissidents in the Opposition to Salazar*,

Вьетнам никогда не был колонией США. Америка была втянута во вьетнамскую войну на фоне краха французской колониальной империи и “холодной войны”. Ко времени начала активного участия США во вьетнамской войне было ясно, что для эффективного обеспечения контроля над территорией в условиях противостояния с партизанами нужны силы, превосходящие их по численности примерно в 10 раз. Социально-экономическая и политическая цена сохранения колоний оказалась слишком высокой.

Национальные чувства – один из сильнейших инструментов политической мобилизации в обществах, не имеющих традиции демократических установлений. К. Леонтьев хорошо понимал, что чувство национальной солидарности является угрозой для империи: “Идея национальностей [...] в том виде, в каком она является в XIX в., есть идея, [...] имеющая в себе много разрушительной силы и ничего созидającego”⁴⁹.

Апелляция к противостоянию белых господ-эксплуататоров и коренных жителей колоний – угнетенных и обиженных – эффективное политическое оружие. Когда миф о непобедимости европейцев был развеян, насильственные формы борьбы против колониальных порядков получили широкое распространение. Те, кто участвовал в них, могли рассчитывать на финансовую и военную поддержку советского блока. Возникшие независимые государства предоставляли надежный тыл партизанам стран, которые еще оставались колониями европейских держав.

После Второй мировой войны неизбежность роспуска колониальных империй стала очевидной. Вопрос стоял лишь о том, какая из метрополий быстрее осознает это, сумеет сделать процесс деколонизации наиболее мягким и безболезненным.

Английская элита, в отличие от французской, не пережила капитуляции 1940 г. Страна, вышедшая из Второй мировой войны одной из держав-победительниц, была неплохо подготовлена к кризису, связанному с роспуском империи. В 1945 г. Англия – одна из трех мировых держав с армией в 4,5 млн человек, владевшая заморскими территориями, разбросанными по многим континентам. Над ними никогда не заходило солнце. К концу 1961 г. от этой империи не осталось почти ничего. Тем не менее английское руководство, в отличие от российского, не рассматривает этот процесс как геополитическую катастрофу. В большинстве работ, посвященных роспуску колониальных империй, пример Англии, сумевшей понять, как устроен мир второй половины XX в., считается образцом для подражания⁵⁰.

Принятый английским парламентом Акт о Совете по делам Индии 1909 г., не внесший радикальных изменений в организацию управления империей, был важным шагом на пути к индийской независимой государственности⁵¹. Решение о независимости Индии было принято во время Второй мировой войны. Собственно, с этого времени история Британской империи завершилась. Дальнейшее развитие событий – затянувшийся постскрипtum. Однако еще в начале 1950-х гг. эксплуатация ностальгии по империи была сильным политическим ходом, по меньшей мере среди сторонников консервативной партии, отождествлявших себя с имперским величием. Рассуждения о традициях прошлого, значении империи для Англии, о невозможности от нее отказаться, о “предательской политике” лейбористов, готовых встать на путь ее роспуска, – важная составляющая политической пропаганды консерваторов в это время. Идеологическая база этой политики – заявление Черчилля от 10 ноября 1942 г.: “Мы наме-

1941-19/4. Manchester: Manchester University Press, 1988; Porch D. *The Portuguese Armed Forces and the Revolution*. L., Stanford: Croom Helm, Hoover Institution Press, 1977; Bruce N. *Portugal. The Last Empire*. L.: David & Charles, 1975.

⁴⁹ Леонтьев К. *Восток, Россия и славянство*. Сб. ст. М.: Типо-Литография И.Н. Кушнерева и К°, 1885. Т. 1. С. 106.

⁵⁰ Morris-Jones W. H., Austin D. (eds.). *Decolonisation and After: The British and French Experience* // *Studies in Commonwealth Politics and History*. № 7. L.: Frank Cass, 1980.

⁵¹ Rawlins on H. G. *The British Achievement in India*. London Edinburgh Glasgow: William Hodge & Company, Limited, 1948. P 189. По новому закону в имперском законодательном совете число выборных членов увеличивалось до половины, а в законодательных советах при губернаторах провинций избиралось большинство их членов.

рены удержать то, что является нашей собственностью... Я стал премьер-министром его величества не для того, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи»⁵². Схожие мысли он неоднократно высказывал и после возвращения в правительство в 1951 г.

Темы, связанные с необходимостью сохранения империи, вредоносности действий тех, кто готов пойти по пути ее демонтажа, апелляция к постимперской ностальгии, антиамериканизму – важнейшие в публичной политике Консервативной партии в начале и середине 1950-х гг.⁵³. Многие английские политики этого времени рассматривают Соединенные Штаты – а не Советский Союз – в качестве главного врага своей страны. В 1951 г. объяснить большинству актива только что выигравшей выборы Консервативной партии, что дни империи сочтены, было невозможно⁵⁴.

Время все расставляет на свои места. Крах Суэцкой кампании в 1956 г., усилия, оказавшиеся необходимыми для обеспечения контроля над ситуацией на Кипре в 1958 г., наглядно демонстрируют английскому обществу, что мечты о сохранении империи романтичны, но не реализуемы.

С 1959 г. правительство консерваторов, за несколько лет до этого клявшихся в верности имперскому идеалу, начинает форсированный демонтаж империи. Я. Маклеод, возглавлявший в то время Министерство по делам колоний, так характеризует сложившуюся ситуацию: «Говорят, что после того, как я стал секретарем по делам колоний, началось целенаправленное ускорение движения к независимости. Я согласен с этим. Мне представляется, что проведение любой другой политики привело бы к ужасающему кровопролитию в Африке»⁵⁵.

Распустив империю, Британия столкнулась с тяжелой, растянутой на десятилетия террористической войной в Северной Ирландии. Параллели с Россией, в 1991 г. без крови отказавшейся от следующей по масштабам империи и при этом столкнувшейся с трудноразрешимой чеченской проблемой, очевидны. Безболезненно роспуск империй не давался никому.

Упорядоченный, планомерный демонтаж империй, соответствующий стратегическим планам правительства метрополии, – исключение, а не правило⁵⁶. Чаще встречаются ситуации, в которых метрополии, не готовые посылать своих солдат для защиты имперских владений, оказываются в политическом кризисе, не могут выработать политику мирной перестройки отношений с бывшими колониями. Здесь показателен пример Португалии, где после революции 25 апреля 1974 г. направленная в колонии армия потеряла всякое желание сражаться, солдаты и младшие офицеры думали лишь о том, как быстрее добраться до дома. В этой ситуации длинные и сложные переговоры о процедурах передачи власти – за пределами возможностей правительства⁵⁷.

Во Франции из-за тяжелого наследия, связанного с поражением 1940 г., процесс адаптации общества к новым реальностям шел медленнее, чем в Англии, ностальгия по империи была сильнее. Французская политическая элита была убеждена, что лишь империя позволит стране сохранить статус великой державы, влияние в мире⁵⁸. Число людей, погибших в борьбе за это, оказалось большим, чем в других европейских метрополиях. Результата – демонтажа империи – это не изменило.

⁵² Churchill W. *Memories "The Second World War"*. L., 1952. Vol. 5. P 88.

⁵³ Goldworthy D. *Colonial Issues in British Politics 1945–1961*. Oxford: At the Clarendon Press, 1971.

⁵⁴ Arnold G. *Britain Since 1945: Choice, Conflict and Change*. L.: Blandford, 1989.

⁵⁵ Morris-Jones W. H., Austin D. (eds.). *Decolonisation and After: The British and French Experience // Studies in Commonwealth Politics and History*. № 7. L.: Frank Cass, 1980. P 23.

⁵⁶ И применительно к Англии говорить о безболезненном роспуске империи можно, лишь сравнивая ее с другими подобными политическими образованиями. Постимперский синдром оказывает влияние на проводимую в 1950-1960-х гг. английскими властями внешнюю политику, долго не позволяет определить позиции страны в вопросах европейской интеграции.

⁵⁷ Ferreira H. G., Marshall M.W. *Portugal's Revolution: Ten Years On*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

⁵⁸ Черкасов П. П. *Распад колониальной империи Франции*. М.: Наука, 1985.

На фоне заката европейских империй разворачивается кризис системы всеобщей воинской обязанности⁵⁹. Из всех империй Франция в конце 1940-х – начале 1950-х гг. предприняла наибольшие усилия, чтобы удержать колонии; потратила для этого больше денег и потеряла больше жизней. В Индокитае с 1945 до 1954 г. погибло 92 тыс. солдат и офицеров экспедиционного корпуса, 140 тыс. были ранены, 30 тыс. взяты в плен. Война кончилась поражением. Тем не менее французское правительство не решилось отправить в Индокитай ни одного призывника из Франции. Это было политически невозможно. Французские семьи категорически не желали отдавать сыновей погибать в Индокитае.

После капитуляции французских сил при Дьенбьенфу, когда в плен сдались 10 тыс. солдат и офицеров, большинство французских военных руководителей предпочитали возлагать ответственность за поражение на гражданских политиков, которые были не готовы поддерживать усилия армии, нанесли ей удар в спину. Поражение в Юго-Восточной Азии, обусловленное, в частности, и отказом направить туда призывников, было важнейшим фактором мобилизации сторонников независимости в других французских колониях, в первую очередь в Алжире. Если метрополия не способна сохранить свои территории в Азии, то что гарантирует возможность удержать их в Северной Африке?

Один из исторических парадоксов состоит в том, что премьер-министр Франции, завершивший войну в Индокитае, заключивший в 1954 г. соглашение с Хо Ши Мином и начавший масштабное наращивание французских сил в Алжире, – один и тот же человек: Пьер Мендес-Франс. Во время парламентских дебатов 12 ноября 1954 г. он сказал: “Пусть никто не ждет от нас какого бы то ни было компромисса, мы не идем на компромисс, когда вопрос стоит о защите внутреннего мира и целостности республики. Департаменты Алжира – часть республики, являются Францией на протяжении длительного времени. Между Алжиром и основной французской территорией никакой раздел невозможен. Никогда Франция, никогда любой парламент или любое правительство не откажется от этого фундаментального принципа”⁶⁰. Министр внутренних дел, впоследствии президент Франции Франсуа Миттеран был столь же категоричен. Он сказал: “Алжир – это Франция”⁶¹.

Численность алжирских повстанцев была меньше, чем силы партизан во Вьетнаме. Алжир географически ближе к Франции. Там проживало более миллиона французских колонистов. Их лобби в метрополии было влиятельным. В стране были сосредоточены значительные ресурсы нефти и газа.

В мае 1955 г. французское правительство предприняло шаг, на который не решились кабинеты министров, ответственные за ход войны в Индокитае. Оно призвало 8 тыс. резервистов и обнародовало планы продлить срок службы 100 тыс. призывников. В августе того же года были ограничены отсрочки от воинской службы по призыву. В 1955 г. численность французских войск в Алжире увеличилась более чем вдвое – с 75 тыс. в январе до 180 тыс. в декабре. Осенью 1956 г. треть французской армии была сосредоточена в Северной Африке. К концу 1956 г. там служили 400 тыс. французских военных.

Большинство молодых людей, призванных в армию в соответствии с декретом от 22 августа 1952 г., были старше 23 лет, многие из них были женаты, имели детей, начали деловую карьеру. В 1914 г., когда во Франции в массовых масштабах призывали в армию людей среднего возраста, это прошло организованно, без общественного сопротивления. То, что родина в опасности, было понятно. В середине 1950-х гг. война в Алжире воспринималась и миром,

⁵⁹ То, что Британия после Второй мировой войны в соответствии с национальной традицией отменяет систему призыва, было одним из важнейших факторов, объясняющих относительную легкость, бескровность расформирования Британской империи. В 1950-х гг. английским властям стало ясно, что сохранение империи при помощи вооруженной силы, по меньшей мере, требует восстановления призыва. Последнее по политическим мотивам было исключено.

⁶⁰ Talbot J. *The War Without a Name. France in Algeria, 1954–1962*. N. Y: Alfred A. Knopf, 1980. E 39.

⁶¹ Там же.

и французским обществом как колониальная, несправедливая. Никогда призывная армия не направлялась для ведения таких войн в то время, когда метрополия находилась в состоянии мира. В сентябре 1955 г. начались беспорядки среди призывников, направляемых в Алжир. В Винсенте, Нанте, Марселе проходят массовые выступления протеста.

Призывники, как правило, не участвуют в активных боевых действиях. Их ведут Иностранный легион и военные-профессионалы. Основная задача призывного контингента – охрана ферм французов-колонистов. Тем не менее со времени направления призывников в Алжир общественное мнение во Франции по отношению к войне меняет-ся. Жители демократической страны, даже испытывающие ностальгию по бывшему величию, не хотят посылать своих детей воевать ради сохранения фантома империи. В 1960–1961 гг., по данным социологических опросов, 2/3 французов выступали за независимость Алжира. На референдуме 8 января 1961 г. 75,2 % населения проголосовало за то, чтобы дать руководству свободу действий при решении вопросов о формах ее предоставления⁶².

Собственно, ни Франция в 1960–1961 гг., ни Португалия в 1973–1974 гг., направившие в колонии крупные контингенты призывников для сохранения империи, не столкнулись с угрозой прямого военного поражения. Ничего подобного произошедшему в 1954 г. при Дьен-бьенфу им не угрожало. Решение о демонтаже империи имело иные причины. Дело было во внутривойсковых последствиях долгой, дорогой и кровопролитной войны, цель которой становилась все менее понятной обществу. Во второй половине XX в. империи выходят из моды. Идти умирать или посылать своих детей на войну, чтобы сохранить атрибутику бывшего величия, современное общество не считает нужным.

Решение о роспуске империи, поддерживаемое более 2/3 избирателей, даже во Франции с ее устоявшимися демократическими традициями далось нелегко. Меньшинство, активную роль в котором играли французские переселенцы из колоний, профессиональные солдаты, участвовавшие в войнах и считавшие, что их предали гражданские власти, создало в 1958–1962 гг. серьезную угрозу стабильности французских демократических институтов. Когда в 1958 г. радикальные националисты установили контроль над Корсикой, на вопрос о том, не собираются ли власти Франции восстановить порядок, используя силу, один из представителей французского Министерства обороны ответил: “Какую силу?” Он недвусмысленно заявил, что никаких вооруженных сил для пресечения мятежа у гражданских властей нет⁶³.

На том, что Франция, пережив крах империи, сохранила в бывшей метрополии демократические институты, сказалось действие ряда факторов: высокий уровень развития, при котором авторитарные режимы, игнорирующие волю большей части населения, выглядят архаичными; планы европейской интеграции, в реализации которых Франция принимала активное участие; авторитет и воля генерала де Голля, оказавшегося человеком, способным распустить империю и сохранить контроль над силовыми структурами.

В 1960–1962 гг., в период, когда активно обсуждался вопрос о прекращении войны и предоставлении независимости Алжиру, многие наблюдатели полагали, что роспуск империи приведет к длительному периоду политической нестабильности и беспорядков во Франции. Прогнозы не оправдались. Продолжение динамичного экономического роста, европейская интеграция свели на нет потенциально опасный постимперский синдром. Во Франции, как и в сегодняшней России, пик постимперского синдрома пришелся на годы, когда благосостояние росло. Однако ее опыт показывает, что, как мы видели, со временем эта болезнь излечима.

⁶² Talbot J. *The War Without a Name. France in Algeria, 1954–1962*. N. Y: Alfred A. Knopf, 1980. E 202.

⁶³ Williams P.M. *Wars, Plots and Scandals in Postwar France*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 151.

§ 3. Проблемы роспуска территориально интегрированных империй

В аграрных государствах, которые далеко не всегда были этнически гомогенными, национальная разнородность обычно не имела принципиального значения. Главным было разделение на привилегированное меньшинство, специализирующееся на насилии, государственном управлении и религии, и крестьянское большинство. Габсбургская монархия середины XVI в. включала кроме Кастилии и Австрии столь разные составные части, как Венгрия, Чехия, Словения, Словакия, Хорватия, Нидерланды, Бургундия, не говоря уж об испанских колониях в Америке. Этническое разнообразие России, объявившей себя империей в начале XVIII в., вряд ли нуждается в комментариях. В силу языковых различий трудно определить, называла ли Османская Порта себя империей, но, по меньшей мере, европейские современники называли ее так неоднократно.

Были аграрные монархии, которые последовательно проводили политику национальной унификации. Во времена раннего Средневековья Англия и Франция были этнически разнородными странами. Потребовалось несколько столетий, чтобы создать в них единую национальную идентичность. Но если в Англии и Франции это было возможно, то в Австро-Венгерской империи, где подданные принадлежали к принципиально разным языковым группам, такая стратегия была нереализуемой⁶⁴.

Начало современного экономического роста, связанные с ним радикальные изменения трансформируют жизнь общества. Новая структура занятости, выросший уровень образования становятся данностью. Начинается эрозия основ легитимации традиционных политических режимов. На этом фоне полиэтнические, территориально интегрированные империи сталкиваются с наиболее сложными проблемами.

Дух поднимающегося в начале XIX в. национального сознания хорошо выразил И. Гердер, писавший: «Провидение разделило людей – лесами и горами, морями и пустынями, реками и климатическими зонами, но прежде всего оно разделило людей языками, склонностями, характерами [...] Природа воспитывает людей семьями, и самое естественное государство такое, в котором живет один народ с одним присущим ему национальным характером. [...] Итак, кажется, что ничто так не противно самим целям правления, как естественный рост государства, хаотическое смешение разных человеческих пород и племен под одним скипетром. [...] Такие царства [...] словно символы монархии в видении пророка: голова льва, хвост дракона, крылья орла, лапы медведя»⁶⁵. Подъем национального самосознания, требование федерализации по национальному признаку делали положение территориально интегрированных империй особенно сложным.

Заморскую империю, созданную при помощи канонерок, можно покинуть. Остаются проблемы с переселенцами, которых приходится репатриировать, но они затрагивают узкую группу населения. Один из самых серьезных вопросов, связанных с ликвидацией заморских империй, – судьба миллиона французских переселенцев в Алжире. И все же речь шла о судьбе примерно 2 % населения Франции.

При роспуске Португальской империи в середине 1990-х гг. доля репатриантов в населении метрополии достигла максимального для заморских империй уровня – примерно 10 %

⁶⁴ О причинах специфики этнического развития Австро-Венгрии, невозможности здесь повторить путь, пройденный Англией и Францией, см.: Jaszi O. *The Dissolution of the Habsburg Monarchy*. Chicago: The University of Chicago Press, 1961.

⁶⁵ Гердер И. Г. *Идеи к философии истории человечества*. М.: Наука, 1977. С. 226, 250.

населения страны⁶⁶. Но эта проблема не стала взрывоопасной для молодой португальской демократии, не помешала ее стабилизации.

В территориально интегрированных, полиэтнических империях проблемы, связанные с расселением этносов, возникающие в ходе дезинтеграции империй, стоят острее. Это хорошо видно по опыту империй, рухнувших во время Первой мировой войны: Российской, Германской, Австро-Венгерской, Османской.

То, что имперские правительства дали оружие в руки миллионам крестьян, отнюдь не всегда лояльных к власти, послали их на годы в окопы, не удосужившись объяснить им необходимость войны, делало сохранение империй задачей трудноразрешимой. Поражение, крушение старого порядка, территориальная дезинтеграция были взаимосвязанными процессами.

Картина анархии, порождаемой крахом территориально интегрированных империй, хорошо известна по книгам и фильмам, посвященным Гражданской войне в России.

Но это отнюдь не русская специфика. Вот как описывает реалии времени, связанного с крахом Австро-Венгерской империи, один из современников: “Зеленые компании (банды дезертиров) превратились в банды грабителей. Села, замки и станции брали штурмом и грабили. Железнодорожные пути уничтожали. Поезда держали в очереди, чтобы их ограбить. Полиция и вооруженные силы присоединялись к грабителям или были бессильны противостоять им. Вновь обретенная свобода вставала в дыму сожженных домов и сел”⁶⁷.

Важнейшим аргументом в пользу капитуляции был, в заявлении Государственного совета Австро-Венгрии, тот факт, что армия является полиэтнической, ее части, не являющиеся австрийскими и венгерскими, не готовы сражаться за империю.

Опыт расформирования империй после Первой мировой войны важен для понимания тех проблем, с которыми мир столкнулся в конце XX в. После краха авторитарного режима возникает политический и социальный вакуум. Полицейский старого режима ушел, нового еще нет. За теми, кто претендует на власть, нет традиции, обеспечивающей легитимацию режима, не существует общепринятых правил политической игры. Возникает ситуация, характерная для великих революций: слабое правительство, не способное собирать налоги и выплачивать деньги тем, кто их получает из государственного бюджета, обеспечивать порядок, гарантировать выполнение контрактных обязательств⁶⁸.

В таких условиях эксплуатация простейших общественных инстинктов – надежный путь к политическому успеху. Скажешь о национальном величии, несправедливости по отношению к собственному этносу, имевшим место в истории, заявишь о территориальных претензиях к соседям – и политический успех обеспечен⁶⁹. При слабости демократических традиций и политических партий радикальный национализм, апелляция к национальной самоидентификации, национальным обидам, поиску этнических врагов, которые во всем виноваты, – надежное оружие в борьбе за власть. Австро-Венгрия 1918 г. – классический пример использования подобного политического инструментария лидерами этнических элит империи. Даже накануне крушения империи пангерманские круги в Австрии категорически возражали против ее трансформации в федерацию. Выразившая их взгляды влиятельная газета “*Нейе Фрейе Прессе*” за

⁶⁶ Solsten E. (ed.) *Portugal: A Country Study*. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress, 1994. P. 137.

⁶⁷ Glaise-Horstenau E. V. *The Collapse of the Austro-Hungarian Empire*. L.; Toronto: J.M. Dent and Sont Ltd, New York: E.P. Dutton and C^o. Inc., 1930. P. 270.

⁶⁸ Стародубовская И.В., Май В. А. *Великие Революции: От Кромвеля до Путина*. М.: Вагриус, 2001. С. 25–92.

⁶⁹ М. Крох, изучавший национальные движения в европейских странах в XIX в., обращает внимание на то, что все они проходят три этапа: исследовательский и просветительский; патриотического оживления, когда группы сторонников патриотического возрождения видят свою миссию в распространении национального самосознания; третий этап – подъем массового национального движения. (См.: Hroch M. *Social Preconditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups Among the Smaller European Nations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 23.)

несколько дней до распада режима писала: “Немцы в Австрии никогда не позволят раздробить государство как артишоки”⁷⁰.

Польский поэт А. Мицкевич за 100 лет до краха Австро-Венгерской империи писал, что в ней 34 млн жителей – и лишь 6 млн немцев, держащих остальные 28 млн в подчинении. В 1830 г. австрийский поэт Ф. Грильпацер отмечал, что если мир столкнется с неожиданными испытаниями, то лишь Австрия распадется от этого на куски. Австро-венгерская элита, понимавшая хрупкость империи, пыталась сохранить ее, разжигая противоречия между подконтрольными народами, создавала ситуацию, в которой венгры ненавидят чехов, чехи – немцев, итальянцы – и тех и других. Когда крах империи стал неизбежным, взаимная вражда сделала национальные проблемы в странах-наследницах труднорегулируемыми⁷¹.

Попытки элиты метрополии сделать национальную идентичность основой государственности в многонациональных империях конца XIX – начала XX в. объективно подталкивают к радикализации антиимперских настроений у национальных меньшинств. Выдающийся российский демограф, профессор А. Вишневский пишет: “У украинского сепаратизма в его споре с более умеренным федерализмом был тот же могучий помощник, что и у всех других российских сепаратизмов, – имперский великодержавный централизм. Его жесткая, не признающая никаких уступок унитаристская позиция постоянно подталкивала к ответной жесткости украинских националистических требований. Украинский национализм объективно подогревался ощущением ущербности положения новой украинской элиты и вообще всех пришедших в движение слоев украинского населения на общеимперской экономической и политической сцене. Когда русские патриоты, признавая украинцев частью русского народа, не желали ничего слышать об украинском языке, они расписывались в своем стремлении закрепить эту ущербность, второсортность навсегда”⁷².

Важнейшей темой в венгерской политической агитации 1918 г. была недопустимость утраты статуса привилегированной нации в Австро-Венгрии. Ключевой сюжет хорватской агитации – неприемлемость венгерского доминирования и территориальных претензий Венгрии к Хорватии. Для австрийских немцев важнейшая проблема в это время – судьба части Чехословакии, населенной судетскими немцами, для Чехии – сохранение территориальной целостности.

Эти конфликты трудноразрешимы на рациональном уровне. С точки зрения рациональности невозможно объяснить, что важнее: сохранение целостности Богемии или право судетских немцев на присоединение к Германии? Как быть с венгерскими меньшинствами в Югославии и Румынии? В относительно мирном разрешении этих противоречий важнейшую роль сыграла оккупация важнейших спорных территорий бывшей Австро-Венгерской империи войсками Антанты. Но и в этом случае не обошлось без вооруженных конфликтов. При крахе других территориально интегрированных империй развитие событий пошло более кровавым путем.

К 1870 г. на большей части будущего Болгарского государства мусульмане, турки, болгароязычные помаки, переселившиеся из России крымские татары и черкесы не уступали по численности православным болгарам. На протяжении последней четверти XIX – первой четверти XX в. из Болгарии, Македонии, Фракии в Западную Анатолию переселились несколько миллионов турок. К 1888 г. доля мусульман в населении Болгарии снизилась примерно до 1/4, а к 1920 г. составляла 14 %. Сходные процессы происходили в 1912–1924 гг. в Македонии и Западной Фракии⁷³.

⁷⁰ Рубинштейн Е.И. *Крушение австро-венгерской монархии*. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 325.

⁷¹ Jaszi O. *The Dissolution of the Habsburg Monarchy*. Chicago: The University of Chicago Press, 1961. P. 7, 11.

⁷² Вишневский А... *Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР*. М.: ОГИ, 1998. С. 331.

⁷³ Брубейкер У. Р. *Постимперская ситуация и разъединение народов в сравнительно-исторической перспективе*, <http://www.hrights.ru/text/B/Chapter2.htm>.

Окончательный демонтаж Османской империи стал результатом ее поражения в Первой мировой войне. Лидеры турецких националистов в январе 1920 г. были вынуждены признать право территорий империи, в которых доминировало арабское население, на самоопределение. Но они настаивали на сохранении целостности турецкой метрополии. За крушением Османской империи последовала греко-турецкая война. В ее основе – спор вокруг границ государств, формирующихся на постимперском пространстве. Победа в войне стала важным фактором легитимации нового турецкого государства, позволила сравнительно безболезненно ликвидировать в 1924 г. мусульманский халифат. Однако и здесь при первых попытках демократизации, предпринятых в конце 1920-х и начале 1930-х гг., легализованная оппозиция сразу начинает эксплуатировать ностальгические чувства по халифату, мусульманским ценностям и утраченной империи⁷⁴.

Имперская миссия в Азии – важнейший элемент национальной самоидентификации России в XIX в. Достоевский пишет: “В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы. Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение. [...] Создалась бы Россия, которая бы и старую бы возродила, и воскресила со временем и ей же пути ее разъяснила”⁷⁵. Но территориальная экспансия, включение в состав империи территорий, населенных народами с принципиально иными традициями и языками, создавали риски при любых признаках кризиса режима.

Гражданская война в России не носила чисто национального характера, в ее разворачивании была сильна идеологическая и социальная компонента. Вопрос о собственности на землю, продразверстке играли в ней не меньшую роль, чем национальный фактор. И тем не менее национальную проблематику в нашей истории 1917–1921 гг. недооценивать нельзя⁷⁶.

А. Безансон справедливо отмечал, что, если рассматривать положение Российской империи перед Первой мировой войной, можно констатировать, что она имела серьезные шансы урегулировать социальные противоречия, проблемы экономического развития, но не могла решить национальный вопрос. Это обстоятельство жестко ограничивало возможности эволюции режима. Либеральная, демократическая, модернизаторская альтернатива – ключ к решению проблем социально-политического развития – увеличивала вероятность распада империи⁷⁷.

Россия – уникальное государство, сумевшее в 1918–1922 гг. восстановить рухнувшую империю. Для этого потребовалось использовать насилие в беспрецедентных до этого масштабах. Но важным фактором успеха большевиков было не только это. Мессианская коммунистическая идеология, позволившая сместить центр политического конфликта от противостояния этносов к борьбе социальных классов, заручиться поддержкой части населения нерусских регионов, поднять ее на войну за победу нового общественного строя, открывающего дорогу к светлому будущему, сыграла немалую роль в формировании Советского Союза в границах, напоминающих те, которые имела Российская империя. Это было уникальное стечение обстоятельств. Больше в XX в. повторить подобное не удалось никому.

Австрийские социалисты, вынужденные приспособляться к реалиям политической конкуренции в условиях полиэтнической империи, оценили потенциал национального вопроса в дестабилизации сложившегося режима, поняли, что активная эксплуатация межэтнических

⁷⁴ Robinson R. D. *The First Turkish Republic. A Case Study in National Development*. Cambridge – Massachusetts: Harvard University Press, 1963.

⁷⁵ Достоевский Ф.М. “Дневники писателя” за 1881 г. Гл. III. Геок-Тепе. Что такое Азия? Поли. собр. соч. В 30 т. Л.: Мысль, 1984. Т. 27. С. 26–28.

⁷⁶ О роли национального фактора в революции и Гражданской войне в России см.: *Россия в XX в. Реформы и революции*. Т. 1 / Ред. Г. Н. Севостьянов. М.: Наука, 2002.

⁷⁷ BESANON A. *L'empire russe et la domination sovietique // Le concept d'empire*. Paris: PUF, 1980. P. 367–368.

проблем – бомба, которую можно бросить в основание существующей власти⁷⁸. В. Ленин с его тезисом о праве наций на самоопределение вплоть до отделения радикализировал и сделал логику австрийских социал-демократов, считавших национальные движения одной из самых серьезных угроз имперскому режиму, но надеявшихся на то, что его можно перестроить на федеративных началах, последовательной.

На исходе Первой мировой войны идея права наций на самоопределение была принята европейским истеблишментом, закреплена в принципах, заложенных в основу Версальского договора. Это был способ демонтажа Германской, Австро-Венгерской, Османской империй. Авторы документа явно не думали о долгосрочных последствиях пропаганды сформированных в нем идей для других европейских империй.

В октябре 1914 г. Ленин выступил в Цюрихе перед социал-демократической аудиторией с речью “Война и социал-демократия”, в которой противопоставил положение украинцев в России и в Австро-Венгрии. Он говорил: “Украина стала для России тем, чем для Англии была Ирландия, она нещадно эксплуатировалась, ничего не получая взамен”. Ленин считал, что интересы русского и международного пролетариата требуют завоевания Украиной государственной независимости⁷⁹.

Он не отказывается от принципа самоопределения наций с правом на отделение и после захвата власти, когда многое из того, что он проповедовал до революции (свобода слова, созыв Учредительного собрания), было забыто. Вопрос, почему именно это осталось частью политического катехизиса Ленина, широко обсуждается и вряд ли когда-нибудь будет решен окончательно. Вероятно, ключевую роль сыграло то, что он, всегда рассматривавший развитие событий в России в контексте подготовки мировой социалистической революции, понимал, насколько сильным средством дестабилизации важнейших государственных образований его времени мог стать радикальный национализм⁸⁰.

Выше мы уже говорили о важнейшем отличии краха территориально интегрированных империй от распада заморских империй, состоящем в том, что в последних переселенцы могут вернуться в метрополию, а возникающие в этой связи политические проблемы обычно удавалось урегулировать цивилизованным путем.

В территориально интегрированных империях ситуация сложнее. Здесь речь идет не о переселенцах, приехавших в заморские территории одно-два поколения назад, а о людях, отцы и деды которых жили на том же месте, рядом с другими народами на протяжении веков. О миллионах тех, кто воспринимал себя по меньшей мере равноправными гражданами страны, а нередко и привилегированным сословием. Когда империя рушится, представители метрополии иногда оказываются дискриминируемым национальным меньшинством. После краха Австро-Венгерской империи свыше 3 млн венгров оказались в положении национальных меньшинств в соседних государствах-наследниках: 1,7 млн – в Трансильвании, отошедшей к Румынии, около 1 млн – в Словакии и Закарпатской Руси, вошедших в состав Чехословакии, примерно полмиллиона – в Воеводине, отошедшей к Югославии. Почти 5 млн немцев превратились из представителей господствующей нации в австрийской половине Австро-Венгерской

⁷⁸ Бауэр О. *Национальный вопрос и социал-демократия*. СПб.: Серп, 1909.

⁷⁹ Serbin R. *Lenine et la question Ukrainienne en 1914: le discours “separatiste” de Zurich*. Pluriel 1981. № 25. P. 83–84.

⁸⁰ “Подобно коммунистической, националистическая идея обладала очень высоким политическим и мобилизационным потенциалом. Она всегда объединяла вокруг себя массы людей, не сумевших приспособиться к переменам, испытывавших ностальгию по прошлому, по былой этнической обособленности, по возможности иметь привилегии без конкуренции и т. д., придавала определенность их неясным настроениям, разжигала их недовольство, спланировала их несбыточными посулами. Все это превращало национализм в серьезную идеологическую и политическую силу, общественным группам, ведущим борьбу за передел богатства и власти, трудно было удержаться от искушения вступить в союз с ним”. (Вишневский А. *Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР*. М.: ОГИ, 1998. С. 317.)

монархии и ряде восточных областей Германской империи в национальные меньшинства в Чехословакии, Польше и Италии⁸¹.

Неизбежно возникает вопрос: можно ли рассматривать произвольно установленные границы регионов империи как естественные рубежи новых независимых государств? Необходимо ли учитывать волю национальных меньшинств в вопросе о том, в каких государственных образованиях, возникающих на фоне краха империй, они хотят жить? На эти вопросы концепция права наций на самоопределение ответов не дает. Это и понятно. Она была создана не для решения проблем, связанных с крахом полиэтнических империй, а как бомба, которую можно заложить под их основание. Что будет потом на фоне перспектив социалистической революции, ее авторам было не слишком важно. При крахе имперских режимов эти вопросы становятся конкретными, нередко кровавыми.

В основе политической идеологии движений, задача которых – обретение национальной независимости, разрушение империи, нередко лежит эксплуатация чувств, направленных против ранее доминирующего этноса. Это не та политическая конструкция, при которой можно ждать политкорректности в отношении тех, кто принадлежал к привилегированной нации. Этим во многом объясняется и поддержка идей радикального национализма меньшинствами, ранее представлявшими метрополию, в новых, ставших независимыми странах.

⁸¹ Брубейкер У. Р. *Постимперская ситуация и разъединение народов в сравнительно-исторической перспективе*, <http://www.hrighs.ru/text/b3/Chapter2.htm>.

§ 4. Югославская трагедия

В конце XX в. Югославия стала одним из государств, история которого демонстрирует проблемы, связанные с демонтажом территориально интегрированных империй⁸². Она распалась практически одновременно с Советским Союзом. Произошедшее в этой стране важно для понимания развития событий в СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Югославия, разумеется, не была великой державой, империей в классическом смысле этого слова. Но некоторые черты государственного устройства страны, начиная с момента ее создания в 1918 г., делают ее похожей на империю.

И при династии Карагеоргиевичей, и при коммунистическом правлении это было государство с авторитарным режимом, состоящее из этнически разнородных, но территориально интегрированных частей.

Сама идея создания Югославии как содружества южнославянских народов начала обсуждаться на рубеже 1830-1840-х гг.⁸³. В конце Первой мировой войны и национальные лидеры южнославянских народов, и руководители государств Антанты пришли к выводу, что обеспечить стабильность на Балканах, предотвратить локальные войны лучше, создав государство, базой которого должна стать Сербская монархия⁸⁴. Хрупкий баланс национальных интересов народов, населявших Югославию, был нарушен в 1929 г. политическими изменениями, ограничивавшими права несербских народов, трансформировавшими страну в сербскую микроимперию⁸⁵.

После Второй мировой войны Югославия восстанавливается. У власти относительно мягкий авторитарный коммунистический режим с необычной конструкцией. Сербь – самый многочисленный этнос в стране. Столица страны – там же, где и столица Сербии. Отсюда неизбежное доминирование сербов в органах власти, армии. При этом на протяжении десятилетий глава страны – хорват, понимающий необходимость борьбы с сербским национализмом для сохранения стабильности в полиэтнической стране. Он закрепляет это в Конституции, понимая, что от реальности федеративного устройства зависит сохранение государственного единства.

Политика И. Тито была направлена на минимизацию рисков, связанных с попытками трансформации Югославии в сербскую империю. Чтобы подобного рода конструкция была устойчивой, необходимы были авторитет и воля лидера, способного противостоять Гитлеру в 1941–1945 гг. и Сталину в 1948–1953 гг. После смерти Тито Югославия постепенно погружается в экономический и политический кризис.

Одна из проницательных исследователей югославского кризиса С. Вудвард писала: «Югославское общество держалось не благодаря харизме Тито, политической диктатуре или подавлению национальных чувств, а на основе комплексного баланса международных интересов и

⁸² Югославия – страна для меня не чужая. Провел там немало лет. Знаю сербохорватский язык. Осенью 1994 г. в Пале в разгар боснийской войны много часов провел вместе с будущим премьер-министром Сербии З. Джинджичем, который впоследствии был убит террористами, пытаясь убедить лидера боснийских сербов Р. Караджича в необходимости достижения компромисса именно сейчас, когда военные успехи на стороне сербов, в том, что цена отказа от взаимных уступок будет высокой. Был в Белграде и в 1999 г. во время бомбежек, пытался договориться об условиях прекращения огня. Представляю себе развитие событий, связанных с югославской трагедией. Но эта книга – не мемуары, а попытка разобраться в механизме создания и крушения империй, формирования пост-имперского синдрома. Поэтому, касаясь проблематики, связанной с крахом Югославии и последовавшей за ним кровопролитной войной, предпочитаю обсуждать ее, не обращаясь к личным воспоминаниям.

⁸³ Лещиловская И. И. *Исторические корни югославского конфликта* // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 40–56.

⁸⁴ Романенко С. А. *Югославия: история возникновения, кризис, распад, образование независимых государств*. М., 2000. С. 57–59.

⁸⁵ Гуськова Е. Ю. *История югославского кризиса (1990–2000)*. М.: Издатель А. Соловьев, 2001. С. 53–54.

развернутой системы прав и пересекающихся суверенитетов. Национальная идентичность не только не подавлялась, она была институционализирована в федеральные системы, гарантировавшие республикам права, близкие к правам суверенных государств, и благодаря многочисленным правам национального самоопределения для индивидов”⁸⁶. Это правда, но не вся. Такая система могла действовать только в условиях жесткого контроля над любым проявлением политического инакомыслия. Кризис легитимности авторитарного режима делал сохранение этой конструкции нереальным.

Как только исчез стержень, суть которого – готовность центральной власти применять любой объем насилия, необходимого, чтобы сохранить власть, территориальную целостность государства, Югославия становится неуправляемой. Те установления, которые могли действовать при сильной авторитарной власти, в том числе формально провозглашенное, но при И. Тито фактически не действовавшее право вето республик и автономных краев на решения, принимаемые федеральными правительствами, в условиях ослабевающей власти оказываются непригодными для управления страной.

На внутренние проблемы накладываются внешние. Важнейшим элементом сохранения стабильности Югославии в том виде, в котором она сформировалась после 1945 г., было ее положение как государства, контроль над которым по Ялтинским соглашениям не гарантирован ни Советскому Союзу, ни Западу. И. Тито умело использовал связанные с этим преимущества. После восстановления отношений между Москвой и Белградом, прерванных в ходе конфликта конца 1940-х – начала 1950-х гг., доступ к советскому и восточноевропейскому рынку, клиринговые соглашения со странами СЭВ способствовали росту югославской экономики. Условия, на которых Югославия могла привлекать западные кредиты, в то время были благоприятными. Страна имела возможность использовать предоставляемые под низкие проценты займы Международного валютного фонда и Мирового банка. Если перевести ориентиры внешней политики Югославии этого времени на простой язык, они описывались старой русской пословицей “Ласковый теленок двух маток сосет”.

Концепция национальной обороны Югославии с конца 1940-х гг. базируется на использовании противостояния двух военно-политических блоков в Европе для обеспечения безопасности страны. Югославское руководство понимало, что при нападении сил НАТО или Варшавского блока на ее территорию выиграть войну нельзя. Однако можно, организовав базу партизанского сопротивления, создать проблемы нападающей стороне и опереться на поддержку противостоящего блока. Отсюда ставка на военную подготовку резервистов, на концепцию вооруженного народа как основу национальной обороны, сыгравшую впоследствии немалую роль в развертывании югославского кризиса.

В 1989 г. информированные аналитики рассматривали Югославию как социалистическую страну, в наибольшей степени готовую создать полноценную рыночную экономику. В 1949 г. югославское руководство начало консультации с Международным валютным фондом, затем провело реформы, направленные на формирование основ “социалистической” рыночной экономики. В 1955 г. оно открыло границы для передвижения граждан и относительно свободной внешней торговли. К 1965 г. были завершены переговоры об условиях членства Югославии в ГАТТ. Страна имела соглашение о сотрудничестве с Европейским сообществом и Европейской зоной свободной торговли раньше, чем другие социалистические государства начали обсуждать вопрос о возможности заключения подобных договоров.

Даже после непростого десятилетия 1979–1989 гг. уровень благосостояния, возможность работы за рубежом, культурный плюрализм, казалось бы, делали Югославию очевидным лидером среди государств, прошедших социалистический период развития, имеющим серьезные шансы интегрироваться в клуб богатых европейских государств.

⁸⁶ Woodward S. L. *Balkan Tragedy. Chaos and Dissolution after the Cold War*. Washington: The Brookings Institution, 1995. С. 45.

Крах советской империи в Восточной Европе, начавшийся в 1989 г., для Югославии означал подрыв позиций уникального участника баланса сил на Балканах. На это накладывается эрозия привлекательности коммунистической идеи как базы легитимации режима.

Политика М. Горбачева, прекращение «холодной войны», дезинтеграция Варшавского пакта и СЭВ в конце 1980-х гг. меняют внешнеполитические и экономические условия существования Югославии. Она утрачивает преимущества державы, находящейся в ключевом регионе Европы, но независимой и от Советского Союза, и от НАТО. Крах клиринговой торговли в рамках СЭВ, в которую она была интегрирована, наносит удар по югославской экономике. Другим вызовом оказывается утрата статуса привилегированного заемщика на международных финансовых рынках, по политическим причинам получающего кредиты на льготных условиях. Внутренние экономические проблемы вызывают начало кризиса югославской экономики.

Экономические проблемы Югославии с конца 1970-х гг. нарастают. Ускоряется инфляция, падают темпы роста валового внутреннего продукта (см. табл. 1.1).

Таблица 1.1. Темпы прироста ВВП, инфляция и безработица в Югославии

Год	Темпы прироста ВВП, %	Темпы инфляции, %	Доля безработных в численности экономически активного населения, %
1978	9,0	14,1	12,0
1979	4,9	20,5	11,9
1980	2,3	30,3	11,9
1981	1,4	40,6	11,9
1982	0,5	31,8	12,4
1983	-1,4	40,8	12,8
1984	1,5	53,3	13,3
1985	1,0	73,5	13,8
1986	4,1	89,1	14,1
1987	1,9	120,3	13,6
1988	-1,8	194,6	14,1
1989	1,5	1258,4	14,9
1990	...	580,6	16,4

Источник: *UN Statistics Division* (<http://unstats.un.org/unsd/cdb>); Mitchell B. R. *International Historical Statistics. Europe 1750–1993*. London: Macmillan Reference LTD., 1998.

Становилось очевидным, что югославская модель рыночного социализма, основанная на рабочем самоуправлении, в условиях индустриального общества работает плохо, известные экономические аргументы против ее жизнеспособности отражают реальные проблемы югославской экономики⁸⁷.

⁸⁷ Ward B. *The firm in Illiria: Market syndicalism* // American Economic Review. 1958. Vol. 48. N²⁴. P. 266–289; Ward B. *The Socialist Economy: A Study of Organizational Alternatives*. N. Y: Random House, 1967.

Смерть И. Тито парализовала механизм принятия решений, касающихся налогов, бюджета, внешней торговли. Между тем накопившиеся проблемы, в том числе выросший внешний долг, требовали от федеральных органов власти действий, предполагающих, что республики согласятся разделить бремя адаптации к ухудшившимся внешнеэкономическим условиям. Договориться о том, кто и в какой степени должен затянуть пояс, руководство республик было не готово.

Квалифицированное правительство А. Марковича в 1989 г. пытается реализовать пакет экономических реформ, направленных на институциональную трансформацию югославской экономики, финансовую и денежную стабилизацию. Элементами этой программы, направленной на интеграцию югославского рынка, были отмена ограничений на права собственности иностранцев, право репатриации прибыли. 19 января 1989 г. премьер внес на рассмотрение федерального парламента законопроект, ликвидирующий унаследованную от социализма систему прав собственности. Были устранены ограничения на размер землевладений и их продажу, расширены права менеджеров в том, что касается найма и увольнения рабочих. Ушла в прошлое прерогатива Союза коммунистов Югославии одобрять или отвергать назначение руководителей предприятий. Темпы инфляции, составлявшие в декабре 1989 г. 50 % в месяц, к маю 1990 г. упали практически до нуля⁸⁸.

Концентрация власти на федеральном уровне была необходимой предпосылкой осуществления этой программы. Однако вся федеральная конструкция, выстроенная И. Тито, чтобы предотвратить превращение Югославии в Сербскую империю, не позволяла ее реализовать. Права федеральной власти, предусмотренные Конституцией, навязывать свои решения республиканским органам, были минимальными.

Вызванные жесткой экономической реальностью, направленные на спасение экономики страны, действия правительства А. Марковича запустили механизм политического кризиса, который привел Югославию к краху. Через два года страна перестала существовать. Ее территория стала местом кровавых межэтнических конфликтов, унесших десятки тысяч жизней, сделавших беженцами миллионы людей. Во время конфликта между Сербией и Хорватией погибли 20 тыс. человек, 200 тыс. оказались в положении беженцев, 350 тыс. получили статус перемещенных лиц. Во время боснийской войны погибли 70 тыс. человек, 2 млн человек стали беженцами или были перемещены⁸⁹.

История югославского кризиса 1990-х гг. хорошо описана в литературе и не является предметом данной работы⁹⁰. С точки зрения рассматриваемой проблемы важно то, что она показывает, как в условиях краха авторитарного режима в полиэтнической стране тема национализма, причем и в метрополии, и в тех частях федерации, которые считали себя ущемленными, становится доминирующей.

Со времени балканских войн 1912–1913 гг. обсуждение взаимных территориальных претензий южнославянских народов было под неформальным моральным запретом. Это табу было нарушено лишь в годы, предшествовавшие Второй мировой войне. В условиях авторитарного режима этот запрет нередко подкреплялся жесткими политическими санкциями⁹¹. Либерализация режима, демократические выборы 1990 г. в республиканские парламенты сделали

⁸⁸ Woodward S. L. *Balkan Tragedy. Chaos and Dissolution after the Cold War*. Washington: The Brookings Institution, 1995. P. 129.

⁸⁹ Kovacevic S., Daji P. *Hronologija jugoslovenske krize 1942–1993*. Beograd: IES, 1994. S. 284.

⁹⁰ См., например: Bennett C. *Yugoslavia's Bloody Collapse: Causes, Course and Consequences*. N. Y: New York University Press, 1995; Denitch B. *Ethnic Nationalism. The Tragic Death of Yugoslavia*. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 1996; Gligorov V. *Why Do Countries Break Up? The Case of Yugoslavia*. Uppsala: Uppsala University, 1994; Oberschall T. *The Fall of Yugoslavia II* Journal of the Budapest, University of Economic Sciences. 1992. Vol. XVIII (3).

⁹¹ И. Тито отправил в отставку в 1971 г. почти все руководство хорватской компартии, когда оно начало активно эксплуатировать идею национализма.

использование этого оружия неизбежным. Оно слишком политически эффективно, чтобы его игнорировать и при этом надеяться на успех в борьбе за голоса избирателей.

Важнейшим участником политического процесса, эксплуатирующим идеи радикального национализма, было руководство Сербии. Сербскую компартию в это время возглавлял талантливый, харизматичный, хорошо образованный, имеющий опыт работы в рыночной экономике С. Милошевич. Очевидная в конце 1980-х гг. эрозия привлекательности коммунистических идеалов оставляет ему одну возможность сохранить контроль над политической ситуацией в Сербии – эксплуатация темы сербского национализма, ущемленного положения сербов в Югославии, проблем сербских меньшинств в Косово, Боснии, Хорватии⁹². Набрать политический капитал в Белграде на теме искусственности границ республик в Югославии, определенных хорватом И. Тито, необходимости объединения сербов в единое территориально интегрированное государство в это время было нетрудно.

Черновой вариант документа, подготовленного Сербской академией наук в 1986 г., суть которого сводилась к тому, насколько ущемлены интересы сербов в Югославии, – это декларация принципов, которые не могли не быть востребованы политиками в полиэтнической стране, переживающей кризис авторитарного режима. Выдержки из этого документа, названного “Положение Сербии и сербского народа”, появились в белградской газете “Вечерние новости” в сентябре 1986 г. Авторы статьи, содержавшей комментарии к нему, уже тогда осознали, что речь идет о наборе идей, попытки реализации которых приведут к “братоубийственной войне и новым потокам крови”⁹³. Обращение к чувствам национального величия и национальной угнетенности – ядерная бомба в политическом процессе стран, в которых старый режим идет к закату, а развитой системы демократических политических институтов нет⁹⁴.

Проблема молодых демократий, возникающих в полиэтнических странах, состоит в том, что лозунги, которые политически легче всего “продать” неискушенному избирателю, будучи реализованными на практике, опасны. Возражать в Белграде второй половины 1980-х гг. против того, что “Сербия должна быть великой” и что “мы нигде не позволим бить сербов”, было задачей политически заведомо проигрышной. Продать на политическом рынке идею, что Сербия была и будет великой, что руководство республики никогда не даст обижать сербов в других республиках и автономиях, – легко. Если сербский лидер не займет эту нишу, неизбежно найдется политик, который сумеет использовать ее в собственных интересах. В мае 1989 г. сербский парламент избрал С. Милошевича президентом. На референдуме в декабре того же года 86 % избирателей высказались в его поддержку⁹⁵.

Нетрудно было предвидеть, что политики в Загребе, Любляне и Сараево с энтузиазмом подхватят эти лозунги, лишь заменив слово “сербь” на слова “хорваты”, “словенцы”, “боснийские мусульмане”. С того момента, как руководство Сербии согласилось принять программу эксплуатации идеи сербского национализма в качестве политико-идеологической базы, судьба Югославии была предрешена. Предъявив территориальные претензии к соседям, лидеры Сербии открыли дорогу к победе националистским лидерам в других республиках, использующим страх перед сербским доминированием и территориальными притязаниями. Войны в Хорва-

⁹² О влиянии отсутствия демократических традиций, наследия авторитарного прошлого на развитие радикального национализма в югославских республиках см.: Янич Д. *Кризис национального самоопределения и этнические столкновения в посткоммунистическом обществе* // Социальные конфликты в трансформирующихся обществах. Материалы Международной конференции. Москва. 15–17 мая 1996 г. Рукопись. С. 13.

⁹³ Михајловић К., Крстић В. *Меморандум САНУ: Одговори на критику*. Веоград: САНУ, 1995. С. 150.

⁹⁴ Типичный пример подобного же рода проблем – выборы, прошедшие в 2005 г. в Ираке. И среди шиитов, и среди суннитов, и среди курдов было немало политических движений с радикально различающимися экономическими и социальными установками. Тем не менее выборы вылились в перепись населения, демонстрирующую, кого в стране больше, проигнорированную иракцами-суннитами. Они точно знали, что их меньше. Проблема в том, что перепись населения остроты межэтнических конфликтов не снимает.

⁹⁵ Meier V. *Yugoslavia: A History of its Demise*. L.; N. Y: Routledge, 1995.

тии, Боснии и Косово стали неизбежными. Механизм процесса, сопровождающегося потерей десятков тысяч жизней и вынужденным переселением миллионов человек, был запущен.

Политическая агитация, основанная на противопоставлении народов, ранее живших вместе, границы между которыми во многом условны, произвольно установлены недемократическим режимом, стали прологом кровавого конфликта. 25 % сербов в Югославии жили вне пределов Сербии. Нетрудно понять, как пропаганда великосербских идей сказалась на отношении к ним в тех республиках, где они были национальным меньшинством. Ответом на великосербскую риторику и территориальные претензии к Хорватии стали репрессии против сербов, традиционно живших в этой республике. Ответ на эти репрессии – действия Югославской народной армии (младший офицерский состав которой в большинстве своем сербы), направленные на защиту сербского меньшинства. А дальше – война.

Политические процессы, связанные с дезинтеграцией авторитарного режима, сказались на качестве проводимой экономической политики. Начавшиеся в республиках в 1990 г. демократические выборы породили всплеск того, что Р. Дорнбуш и С. Эдвардс называли “экономикой популизма”⁹⁶. Конкурирующие политические партии соревнуются в том, кто пообещает больше благ избирателям. Начинается эрозия контроля федеральных органов власти над бюджетной и денежной политикой. Инфляция, практически остановленная к концу весны 1990 г., к лету – осени вновь набирает силу. Впрочем, на фоне нарастающего политического хаоса это уже второстепенный фактор...

* * *

Роспуск империй в XX в. – составная часть процесса глобальных изменений, который называется современным экономическим ростом. Людям, попавшим в маховик истории, от этого не легче. Апелляция к их чувствам – сильное средство политической борьбы. Здесь можно вспомнить сталинское “братья и сестры”. В устах человека, погубившего миллионы сограждан, слова звучат кощунственно. И тем не менее это был политически эффективный ход. Такой же, как спекуляции на проблемах русских, оказавшихся за рубежом России, или обращение к постимперскому сознанию.

Историки и литераторы, разжигающие в полиэтнических образованиях радикальный национализм, неприятие живущих рядом народов, напоминающие об исторических обидах, причиненных когда-то соплеменникам, должны понимать, что они прокладывают дорогу этническим чисткам и страданиям миллионов людей. К сожалению, даже свой опыт не часто учит чему-то. Чужой – почти никогда. Но если мы не извлечем уроки из того, что произошло с нашей страной и другими империями в XX в., то можем стать угрозой миру. Это самое страшное, что может случиться с Россией.

⁹⁶ *Dornbusch R., Edwards S. The Macroeconomics of Populism in Latin America. Chicago: The University of Chicago Press, 1991.*

Глава 2

Авторитарные режимы: причины нестабильности

Самый сильный никогда не бывает настолько силен, чтобы оставаться постоянно повелителем, если он не превращает своей силы в право, а повиновение ему – в обязанность.

Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре. Трактаты

Авторитарные режимы – политические структуры, которые не опираются ни на традиционную легитимацию, ни на принятую обществом процедуру формирования правительства и парламента на основе конкурентных выборов. Их лидеры, устранившие политических конкурентов, подавившие оппозицию, поставившие под контроль средства массовой информации, нередко полагают, что пришли навсегда. Они думают, что находящиеся в их распоряжении средства принуждения достаточны, чтобы обеспечить стабильность власти. Это иллюзия, дорого стоившая многим. Такие формы организации власти внутренне нестабильны. Это связано не с привходящими обстоятельствами или случайностями, а с их природой.

Монархии, опирающиеся на традицию (какой была форма правления при отцах и дедах, ныне живущих, такой будет и впредь), способны сохранять устойчивость на протяжении столетий. Длительность династического цикла в крупнейшей аграрной цивилизации – Китае – 300–400 лет. Существуют республики и конституционные монархии (а это тоже своего рода демократии⁹⁷), продемонстрировавшие способность адаптироваться к беспрецедентным вызовам, связанным с индустриализацией, урбанизацией, демографическим переходом, трансформацией демократии налогоплательщиков в государственное устройство, основанное на всеобщем избирательном праве. Им удавалось сохранять политическую стабильность на протяжении веков.

Авторитарные режимы, которые были бы устойчивыми на протяжении периода, превышающего 75 лет (это жизнь трех поколений), в истории редки. В этом отношении Рим, от которого в Европе ведется имперская традиция, – исключение. Но в его политическом устройстве переплетались черты авторитарного режима и аграрной монархии.

Большинство государств, которые можно назвать империями, по форме политического устройства были либо монархиями, либо демократиями, но ограничивающими права и свободу жителей колоний. Даже в тех случаях, когда метрополия была демократией, она не предоставляла жителям покоренных территорий права голоса в решении общеимперских проблем.

В этой связи тоталитарный Советский Союз и авторитарная Португалия, власти которых не опирались ни на монархические традиции, ни на демократическую процедуру в метрополии, имели общие черты. При всей разнице масштабов произошедших событий не случайно, что в обоих случаях крах режима был по времени совмещен с крушением империи. Вопрос о причинах внутренней неустойчивости авторитарных и тоталитарных режимов – один из важнейших при обсуждении того, что произошло с Советским Союзом в 1980-х – начале 1990-х гг.

Нестабильность авторитарных режимов, широко распространенных в периоды, когда база легитимности традиционных монархий подорвана социальной трансформацией, а предпосылки формирования стабильных демократий еще не сложились, – предмет данной главы.

⁹⁷ Конституционные монархии, в которых глава государства выполняет церемониальные функции, а ключевые политические вопросы – формирование исполнительной власти, финансы, законодательство – контролирует парламент, по сути являются демократическими режимами.

§ 1. Вызовы ранних этапов современного экономического роста и авторитаризм

Характерная черта аграрного общества – долгосрочная устойчивость способов организации производства, расселения, занятости⁹⁸. Верность традициям, следование примеру отцов и дедов – основополагающий элемент их устройства. Перемены – это сожженные деревни, вытоптанные посевы. В аграрном обществе монархия, опирающаяся на многовековую традицию, с понятным порядком престолонаследия – естественная политическая организация.

М. Олсон писал, что при династическом наследовании власти вероятность того, что старший сын короля лучше всех способен выполнять обязанности правителя, невелика. Однако граждане справедливо полагают, что они выиграют, если глава государства, передающий власть по наследству, будет руководствоваться пользой страны в долгосрочной перспективе. Согласие в вопросе о том, кто будет следующим правителем, выгодно для всех⁹⁹. При стабильных монархиях редки кровопролитные, разоряющие крестьян войны за престолонаследие после кончины государя. Они случаются, но это исключение, а не правило. Устойчивость правящей династии позволяет государю рассматривать страну как достояние, которое будет принадлежать детям и внукам. Отсюда необходимость заботиться о сохранении достатка подданных, не изнурять их разорительными налогами. Стабильность политического устройства позволяет формировать нормы поведения, связанные с представлением о добродетельном государе, правителе, соблюдающем традиции, заботящемся о процветании страны. Конфуцианство – яркий пример идеологии, обосновывающей такое правление.

Правила перехода власти в аграрных обществах, роль, которую играют представительные органы (народные собрания, совещания знати) в определении порядка наследования после смерти монарха, различаются. И все же для большей части аграрного мира монархия, в которой наследник престола – старший сын правящего монарха, скорее правило, чем исключение.

Формирующаяся в европейских городах-государствах, затем в территориально интегрированных политических образованиях, не являющихся городами, система политических и экономических институтов, основанная на демократии налогоплательщиков, открывает дорогу беспрецедентному экономическому подъему. Это самый серьезный вызов традиционным монархиям за всю тысячелетнюю историю аграрного мира¹⁰⁰. Изменения в экономике, образе жизни подрывают основу политической стабильности наследственной монархии – традицию¹⁰¹. Если для монарха и остается место – то в выполнении церемониальных функций, а не в том, что связано с управлением страной.

К началу XVIII в. образцом для подражания становятся экономически наиболее развитые страны Европы – Нидерланды, Англия – страны с сильными парламентами, контролирующими исполнительную власть. Именно туда едет Петр I, чтобы перенять передовой технологический опыт. Он, разумеется, не думает пересаживать на российскую почву голландские

⁹⁸ Под аграрным обществом принято понимать тип социальной организации, сформировавшейся после неолитической революции, освоения и распространения в мире навыков земледелия и разведения скота. Такое общество доминировало в мире на протяжении тысячелетий. Оно просуществовало до XIX в., начала современного экономического роста. Подробнее см.: Гайдар Е. *Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории*. С. 127–170.

⁹⁹ Olson M. *Power and Prosperity. Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships*. N. Y: Basic Books, 2000.

¹⁰⁰ См. подробнее: Гайдар Е. *Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории*. Глава 7.

¹⁰¹ О взаимосвязи социальных изменений, связанных с современным экономическим ростом, социальной мобилизацией и подрывом традиционных основ легитимности государственного строя, см.: Deutsch K. W. *Social Mobilization and Political Development* // *American Political Science Review*. 1961. September. Vol. 55. P 494, 495; Eisenstadt S. N. (ed.) *Comparative Social Problems*. N. Y: Free Press of Glencoe, Inc., 1964; Lipset S. M. *Political Man*. Garden City. N. Y: Doubleday & Company, Inc., 1960.

или английские институты, создавать авторитетный парламент. Но для него очевидно, где надо осваивать наиболее современные, полезные в военном деле технологии.

В странах Западной Европы, а также в некоторых их колониях опыт развитых государств с влиятельным парламентом (прежде всего Англии и Голландии) порождает сомнения в разумности монархического устройства политической системы. Для американского мыслителя и публициста конца XVIII в. Томаса Пейна идея, что старший сын монарха является наилучшим правителем, представляется комичной¹⁰².

В континентальной Европе в XVII–XVIII вв. поднимается идеологическая волна, подрывающая веру в разумность абсолютистских монархий как способа политического устройства. В европейском общественном сознании укореняется парадигма, в рамках которой избранные парламенты – необходимый элемент рационального устройства политической системы; крепнет убеждение, что именно они должны устанавливать налоги, определять, как будут расходоваться государственные финансовые ресурсы, формироваться исполнительная власть. Иные способы организации общества признаются не соответствующими здравому смыслу. Все это подготавливает масштабные изменения в политической жизни, Французскую революцию и восприятие ее идей в Европе.

Распространение этих представлений об устройстве общества, пусть более медленное, чем в Северо-Западной Европе, видно и на примере России, удаленной от центра европейского развития. Декабристы убеждены в том, что сохранение абсолютной монархии несовместимо с обретением статуса цивилизованной, развитой страны.

Подрыв легитимации институтов традиционной монархии не гарантирует, что демократические институты сразу же обретают устойчивость¹⁰³. Даже там, где парламенты имели вековую традицию, их роль была ограниченной: это периодически собирающиеся органы, принимающие решения по вопросам, относящимся к размеру налогообложения, расходованию государственных средств. В качестве таковых они привычный, устоявшийся институт. Трансформация их в высший орган власти – разрыв с традицией. С таким переходом связаны смуты и беспорядки.

Когда монархические установления не легитимны, а демократические еще не стабилизировались, возрастает вероятность того, что кандидат в правители, способный опереться на силу, может навязать свою волю обществу, не считаясь с тем, какое политическое устройство большинство граждан считают разумным и приемлемым. В этом политическая основа авторитарных режимов Европы¹⁰⁴, таких как режимы Кромвеля и Бонапарта. Угроза такого развития событий в странах, вступивших в процесс современного экономического роста, сохраняется надолго. В Западной Европе, с ее многовековой парламентской традицией, последние авторитарные режимы были демонтированы и заменены демократическими лишь в середине 1970-х гг.¹⁰⁵. Восточная Европа отстала в этом отношении на полтора десятилетия.

Один из факторов, облегчавших приход авторитарных режимов к власти, – социальная дезорганизация, связанная с начальными этапами современного экономического роста.

¹⁰² Т. Пейн писал, что если монархия унижает граждан, то право наследования является очевидным оскорблением. Все люди первоначально равны. Никто по праву рождения не имеет права добиваться преимуществ перед другими. Кто-то может претендовать на почет современников. Но из этого не следует, что его наследники достойны той же чести. (См.: Paine T. *Common Sense and Other Political Writings*. N. Y; L.: Putnam, 1783.)

¹⁰³ Я пользуюсь распространенным определением демократии как политического режима, в рамках которого тех, кто управляет страной, выбирают в ходе конкурентных выборов. С этой точки зрения демократия – политическая система, в которой правящая партия не имеет гарантии от поражения на очередных выборах. (См.: Przeworski A. et.al. *Democracy and Development. Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.)

¹⁰⁴ Авторитарными называют политические режимы, в которых власть переходит к новому правителю не на основе определенных и принятых обществом правил, не по праву престолонаследия или на основе демократических процедур, а по праву сильного; политические и гражданские права и свободы не соблюдаются.

¹⁰⁵ В 1973 г. – в Греции, в 1974 г. – в Португалии, в середине 1970-х гг. – в Испании.

Трудность адаптации первого – второго поколений мигрантов из деревни к жизни в городе, разрушение традиционных форм социальной поддержки при отсутствии новых, адекватных условиям урбанизированного общества, создает базу политической мобилизации низших по уровню доходов групп населения. К этому собственники, налогоплательщики, традиционно игравшие ключевые роли в европейском политическом процессе, как правило, не готовы¹⁰⁶.

Есть страны, продемонстрировавшие способность решить эти проблемы на пути развития демократических институтов. Английская политическая система оказалась гибкой и адаптивной, позволила без тяжелого кризиса, шаг за шагом включить все население в состав избирателей. Но так дело обстояло не везде. Страх перед тем, что политическая мобилизация рабочих и крестьян приведет к социалистическим экспериментам, переделу собственности, – важнейший фактор поддержки авторитарных режимов средним классом во второй половине XIX – первой половине XX в.¹⁰⁷

В неевропейском мире, где нет продолжительной истории авторитетных парламентов и возможности опереться на античную традицию, обеспечение политической устойчивости на ранних этапах современного экономического роста – задача более сложная, чем в Северо-Западной Европе. Контраст военной слабости традиционных режимов и мощи ушедшего вперед Запада (военные поражения, навязанные договоры, превращающие неевропейские державы в колонии или полуколонии) разителен. Он делает подрыв базы легитимации традиционных монархий неизбежным. Для образованной части элиты очевидно, что заимствование европейских образцов, способов политической организации – необходимая предпосылка развития. Однако в обществе нет ни институтов, ни традиций, на которые можно опереться, чтобы провести такую трансформацию; нет унаследованных от средневековой Европы представлений о свободах отдельных групп населения, их праве на защиту от своеволия правителя; нет укоренившегося убеждения в законности сопротивления его произволу, сыгравшего немалую роль в становлении современной концепции свободного общества¹⁰⁸.

В этом – причина длительного периода нестабильности, институционального кризиса. Легитимность традиционных установлений подорвана, а новые, демократические способы организации политической жизни еще не обрели устойчивости. Это те условия, при которых прямое насилие (победа в гражданской войне, государственный переворот) открывает дорогу к власти.

В начале 1960-х гг., когда деколонизация привела к появлению десятков новых государств, многие исследователи считали неопровержимым то, что авторитарные формы правления для них оптимальны. В 1959 г. де Швейнитц пишет, что для экономического роста необходимо ограничить участие общества в политических делах¹⁰⁹.

Как отмечалось выше, авторитарные режимы обычно приходят к власти силовым путем. Бывают исключения. Иногда будущие автократы оказываются во главе государства благодаря демократической процедуре, затем используют власть для ограничения прав и свобод граждан. Они могут опираться на потенциал государственных структур или получают возможность применять насилие к оппонентам при отсутствии противодействия со стороны государства. Гитлер – пример политика, использовавшего и ту и другую стратегии.

¹⁰⁶ Парламентский акт 1624 г. в Англии гласил: «Тот, кто не имеет собственности, не является свободным». (См.: Hill C. *The Century of Revolution. 1603–1714*. N. Y.; L.: ЖЖ Norton & Company, 1982. P. 38.)

¹⁰⁷ Huntington S. P. *The Third Wave. Democratization in the Twentieth Century*. Norman; L.: University of Oklahoma Press, 1993. P. 16–18.

¹⁰⁸ О преемственности средневековых установлений Европы и формировании концепции свободного общества см.: Moore B. Jr. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press, 1967. P. 415.

¹⁰⁹ De Schweinitz K. Jr. *Industrialization, Labor Controls and Democracy* // *Economic Development and Cultural Change*. 1959. Vol. 7 (4). P. 385–404.

Независимо от того, каким образом сформировался авторитарный режим, роль насилия в его устройстве высока. До тех пор, пока руководство государства, силовые структуры, общество убеждены, что для сохранения власти, подавления оппозиции правители могут применить силу по отношению к собственному народу, авторитарная власть способна поддерживать политическую стабильность. Если власть и общество в это верят, к репрессиям можно прибегать лишь ограниченно и избирательно. В противном случае их приходится делать массовыми. Но и это не помогает автократу надолго сохранить власть.

§ 2. Неустойчивость авторитарных режимов

Режимы, пришедшие к власти и удерживающие ее благодаря насилию, в долгосрочной перспективе (речь идет о времени, измеряемом десятилетиями), как правило, нестабильны. Дискуссия о том, достаточно ли силы, чтобы власть признавали справедливой, идет, по меньшей мере, со времен Фукидида¹¹⁰. Для Макиавелли то, что власть, основанная лишь на насилии, неустойчива, очевидно¹¹¹. О том же писал и Руссо¹¹².

Отсутствие легитимности, понятного и принятого обществом объяснения, на каком основании лидеры авторитарного режима управляют страной, – причина его неустойчивости. За правительством не стоят ни традиция, переходящая из поколения в поколение, ни понятные и общепринятые процедуры подтверждения законности власти. В этом ключевые проблемы, с которыми сталкиваются лидеры подобных политических конструкций¹¹³.

У монарха есть наследник; президент или премьер-министр демократической страны приходит к власти в рамках понятных, принятых обществом правил. Для подавляющего большинства авторитарных режимов установление правил преемственности невозможно. Официальный наследник – угроза автократу. Отсюда риски устойчивости режима в случае смерти или недееспособности создавшего его лидера.

Время показало, что срок существования авторитарных режимов, недолог¹¹⁴. Однако период политической нестабильности, связанной с крушением старых институтов и отсутствием новых, когда на смену традиционным монархиям приходят молодые демократии, а их, в свою очередь, сменяют авторитарные режимы, может растянуться на века.

Как было сказано выше, лидеры авторитарных режимов нередко искренне убеждены в том, что они пришли навсегда. Однако ощущение временности, неустойчивости – характерная черта этого способа организации власти. Даже когда подобные политические структуры формируются при общественной поддержке, обусловленной разочарованием общества в некомпетентных и коррумпированных политиках, пришедших к власти на основе демократических процедур, со временем они начинают восприниматься обществом как нелегитимные, начинается обсуждение путей и сроков восстановления демократических институтов¹¹⁵. Когда такие дискуссии становятся значимыми, выясняется, что и лидеру режима, и его ближайшему окружению не просто выстроить то, что называется “стратегией выхода” – набор действий, обеспечивающих их свободу, безопасность и благосостояние после ухода от власти.

Эту проблему хорошо иллюстрирует пример А. Пиночета, одного из самых эффективных диктаторов XX в., проводившего разумную экономическую политику, заложившего

¹¹⁰ Первый дошедший до нас диалог, документированный Фукидидом, связанный с устойчивостью режимов, основанных на насилии и не воспринимаемых подданными как легитимные, – дискуссия между мелосцами и афинянами. (См.: Фукидид. *История*. М.: Ладомир; АСТ, 1999. С. 344–349.)

¹¹¹ Н. Макиавелли в своей работе “Государь” писал: «... невесть откуда взявшаяся власть, как все в природе, что рождается и растет слишком скоро, не имеет корней и ответвлений. Почему и гибнет от первой же непогоды”. (См.: Макиавелли Н. *Избранное*. М.: Рипол-Классик, 1999. С. 385.)

¹¹² Руссо Ж.-Ж. *Об общественном договоре. Трактаты* / Пер. с фр. А. Д. Хакютина и В. С. Алексеева-Попова. М.: КАНОН-Пресс; Кучково поле, 1998. С. 18.

¹¹³ Классические работы, посвященные механизму функционирования авторитарных режимов, принадлежат перу Дж. Линза. (См.: Linz J. *An Authoritarian Regime: Spain* / E. Allardt, Y. Lettunen (eds.). *Cleavages, Ideologies and Party Systems: Contributions to Comparative Political Sociology* // *Transactions of the Westermarck Society* 1964. Vol. 10. P 292–343.) О том же см.: Eisenstadt S. N. *Modernization: Protest and Change*. New Jersey: Prentice-Hall, Inc.; Englewood Cliffs, 1966. P. 69.

¹¹⁴ Средняя продолжительность жизни авторитарных режимов, завершивших свое существование к 1990-м гг., составляла 9,3 года. (См.: Przeworski A. ET.AL. *Democracy and Development. Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P 50.)

¹¹⁵ Vacs A. C. *Authoritarian Breakdown and Redemocratization in Argentina* / Malloy J.M., Seligson M.A. (eds). *Authoritarians and Democrats. Regime Transition in Latin America*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1987. P. 15–42.

основы чилийского “экономического чуда”. По его инициативе были внесены соответствующие поправки в чилийскую Конституцию, которые должны были обеспечить его безопасность после отставки. Опыт показал: это не помогает¹¹⁶.

А. Пиночет был не первым диктатором, задумавшимся о том, как решать эту проблему. Осознание ее реальности стимулирует распространение коррупции в кругах, близких к верхушке авторитарного режима. Нестабильность положения, ненадежность власти заставляют правящую элиту ориентироваться на короткую перспективу. История не знает случаев, когда бы череда авторитарных правителей уважала права собственности. Статистика демонстрирует взаимосвязь между устойчивостью существования демократической системы и надежностью гарантий контрактных прав¹¹⁷.

Авторитарные режимы выстраивают простую структуру государственной власти. Однако, как справедливо отмечал Э. Бурке, “простые формы правления фундаментально ущербны, если не сказать хуже”¹¹⁸. Отсутствие системы сдержек и противовесов, публичной дискуссии, позволяющей сделать информацию о решениях, принятых под влиянием коррупционных интересов, общедоступной, подрывает и без того хрупкую веру общества – да и самого режима – в его право управлять страной.

Одна из попыток ответа на вызовы, связанные с нестабильностью авторитарных режимов, – закрытые, или управляемые, демократии. Это политические системы, в которых формально демократические институты и процедуры сохраняются, но правящая элита договаривается о принципах преемственности власти, контролирует избирательный процесс, предопределяя его исход. Я писал об этой форме политической организации в своей предшествующей работе¹¹⁹. Чтобы не повторяться, отмечу лишь, что стратегически это решение оказывается тупиковым. Страны, сформировавшие в XX в. системы закрытой демократии, вынуждены были от них отказаться, приступить к формированию функционирующих демократических институтов. Это произошло и в Италии, и в Японии, и в Мексике, считавшихся образцом подобного рода систем.

Есть и другой ответ на вызовы нестабильности, характерные для авторитаризма, – формирование тоталитарных политических конструкций¹²⁰. По своей сути это подвид авторитарных режимов. Они также формируются не на базе традиции престолонаследия и не в результате конкурентной демократической процедуры. В их становлении и функционировании ключевую роль играет готовность власти применять силу в неограниченных пределах. Специфические черты – более жесткий контроль над ежедневной жизнью людей, чем тот, который считают разумным лидеры авторитарных режимов, и мессианская идеология, призванная обеспечить режиму легитимность. В авторитарном государстве властям важно, чтобы люди не вмешивались в публичную политику, не участвовали в демонстрациях, не выступали с петициями, не обращались к зарубежной прессе с разоблачениями преступлений власти. Что они говорят на кухне, не имеет значения. При тоталитарном режиме за анекдот, некорректный по отношению к лидеру режима, рассказанный дома, можно попасть за решетку.

Мессианская идеология – важная отличительная черта тоталитарных режимов. Авторитарный – объясняет свою необходимость прозаическими аргументами: несовершенством демо-

¹¹⁶ Характерный пример правительства, не уверенного в своем праве руководить страной и вынужденного решать “проблему выхода”, – бразильский военный режим, пришедший к власти после переворота 1964 г. (См.: Baretta S. R. D., Markoff J. *Brazil's Ahertura: A Transition from What to What?* / Malloy J.M., Seligson M.A. (eds). *Authoritarians and Democrats. Regime Transition in Latin America*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1987.)

¹¹⁷ Olson M. *Power and Prosperity. Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships*. N. Y: Basic Books, 2000. P. 21.

¹¹⁸ Burke E. *Reflections on the Revolution in France*. Chicago: Regnery, 1955. P. 92.

¹¹⁹ Гайдар Е. *Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории*. Глава 15.

¹²⁰ Под тоталитарными обычно понимают политические режимы, стремившиеся обеспечить контроль над всеми сферами жизни общества. О специфике тоталитарных режимов см., например: Minxin Pei. *From Reform to Revolution: The Demise of Communism in China and the Soviet Union*. Cambridge: Harvard University Press, 1994.

кратических властей, значимостью динамичного экономического развития, необходимостью противостоять экстремизму. Тоталитарный – апеллирует к религиозным или псевдорелигиозным символам: тысячелетний рейх, всемирный коммунизм, мировой халифат.

Проблема подобного рода идеологических конструкций в том, что они плохо накладываются на реалии современного мира. Исходя из предшествующего опыта, поверить в их эффективность трудно. Идея тысячелетнего рейха подталкивает к мировой войне, краху и капитуляции. Намерение построить мировую коммунистическую систему оборачивается созданием неэффективной и неустойчивой экономики. К чему приведут попытки создать мировой халифат, сколько это погубит жизней, покажет время.

Чтобы адаптироваться к условиям меняющегося мира, нужно помогать или, по меньшей мере, не мешать процессам глобальной трансформации и связанным с ними социально-экономическим изменениям: урбанизации, росту уровня образования, изменению структуры занятости. Именно необходимость концентрации усилий на экономическом развитии, преодолении отставания от передовых государств – основа идеологических построений, которыми авторитарные режимы оправдывают свое существование. Опыт показывает, что успехи в достижении этих целей не обеспечивают политическую устойчивость.

Мексика конца XIX – начала XX в. – характерный пример влияния динамичного развития на политическую дестабилизацию авторитарного режима. В течение 10 лет, предшествующих 1910 г., темпы роста ВВП были высокими. Производство минерального сырья, сахара выросло в 4 раза, была создана текстильная промышленность, развита нефтедобыча, построены металлургические заводы и железные дороги. Национальная валюта оставалась стабильной, условия доступа к внешним кредитам – благоприятными. Объемы внешней торговли и налоговые поступления выросли в 10 раз. Все это не предотвратило революцию¹²¹.

Развитие подрывает базу устойчивости недемократических форм политического устройства. В малограмотной, крестьянской стране авторитарный режим может быть устойчивым. Общество не предъявляет спроса на свободу. Те, кому она интересна, – незначительное меньшинство, к тому же нередко понимающее, что свобода может означать эскалацию социальных требований малообеспеченных групп населения, перераспределительный азарт, жертвами которого могут стать они сами. Правящий режим опирается на поддержку армии, рекрутируемой из крестьян, безразличной к идеям городских интеллектуалов. По мере индустриализации, роста уровня образования ситуация меняется.

Тайвань – пример авторитарного режима, который столкнулся с кризисом легитимности, связанным с трансформацией общества в процессе экономической модернизации. К концу 1970-х гг. Тайвань обладал высокоиндустриальной экономикой, в значительных объемах экспортировал качественную технику и информационные технологии. На этом фоне традиционные методы политического контроля перестают работать. Репрессии подрывают авторитет властей, увеличивают популярность гонимых. Тема коррупции становится предметом общественного обсуждения. Закрытие нелояльных СМИ провоцирует митинги, столкновения протестантов с полицией. Среди интеллигенции растет убеждение в порочности существующей политической системы, необходимости создания общественных установлений, предполагающих конкуренцию между политическими партиями. В университетах формируются оппозиционные власти сообщества. Беспартийные депутаты, протестуя против произвола правящей партии, покидают заседания парламента. Во второй половине 1980-х гг. руководству режима становится ясно, что сохранить авторитаризм невозможно. В 1987 г. правящая партия –

¹²¹ Cline H.F. *The United States and Mexico*. Cambridge: Harvard University Press, 1963. P. 52; Parker H. B. *A History of Mexico*. Boston: Houghton Mifflin, 1950. P. 308.

Гоминьдан – была вынуждена отменить чрезвычайное положение, разрешить существование иных политических партий¹²².

Лидеры испанского авторитарного режима верили, что быстрый экономический рост 1960-х гг. позволит сформировать консервативное общество, не интересующееся политикой. На деле он способствовал культурным, социальным и политическим переменам, подорвавшим стабильность режима¹²³.

Есть элементы благосостояния, качества жизни, которые невозможно измерить показателями душевого ВВП. Право свободы передвижения, выбора места жительства, участия в решении проблем страны, возможность читать и слушать то, что считаешь нужным, свобода слова – это нематериальные блага, их нельзя оценить в денежном выражении. По мере роста благосостояния спрос на эти права, значимость их для общества возрастают.

Объяснить это людям, прожившим жизнь в стабильных демократиях, трудно. В учебниках они читали о свободах, много раз об этом слышали. Но для них эти права настолько же естественны, как возможность дышать. Нетрудно понять, что это важно, но каждый день об этом не думаешь. Неоднократно сталкивался с левыми интеллектуалами, пытавшимися доказать, насколько прав был Дэн Сяопин, разделивший экономические и политические реформы, начавший с создания функционирующей и растущей рыночной экономики и не ставивший задач политической либерализации. На вопрос о том, за сколько они лично готовы продать свободу слова, почему-то не отвечают, обижаются. Видимо, полагают, что эти права им, в отличие от других, гарантированы по праву рождения в государстве с устойчивой демократией. Для тех, кто жил в авторитарных или тоталитарных режимах, понять значение этих свобод проще.

В странах, не имеющих демократической традиции, оказавшихся под властью автократов, с ростом уровня развития спрос на свободы повышается. Остановить его можно силой – главным ресурсом таких режимов. Проблема властей в том, что возможность ее применения в модернизирующемся обществе сокращается.

Даже в аграрном Китае использование войск во время событий 1989 г. в Пекине оказалось задачей непростой для руководства страны. Пекинский гарнизон был сочтен недостаточно надежным. Войска, необходимые для подавления протеста, были переброшены с советской границы¹²⁴.

Крах авторитарного режима в Южной Корее – пример проблем, связанных с обеспечением политической устойчивости подобных режимов. Крушение последовало на фоне десятилетий экономического роста, темпы которого были высокими.

Социально-экономическая трансформация приводит к политической мобилизации широких слоев населения, в первую очередь молодежи. Способность властей применять насилие для сдерживания этой политической активности оказывается подорванной¹²⁵. Социально-экономическое развитие формирует городское общество. Образованные люди понимают, что имеют дело с нелегитимным, недемократическим, коррумпированным режимом. В этой ситуации можно объединить активное меньшинство, готовое отдать за его свержение все, включая жизнь. Трудно найти тех, кто будет за него умирать.

¹²² Ларин А. Г. *Два президента, или Путь Тайваня к демократии*. М.: Academia, 2000. С. 139.

¹²³ Medhurst K. *Spain's Evolutionary Pathway from Dictatorship to Democracy* / G. Pridham (ed.). *The New Mediterranean Democracies: Regime Transition in Spain, Greece and Portugal*. L.: Frank Cass, 1984. P 30, 31.

¹²⁴ Куртуа С., Верт Н. и др. *Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии*. М.: Три века истории, 1999. С. 433.

¹²⁵ Во время студенческих беспорядков в Иране в ответ на вопрос “Будем ли мы применять оружие против них?” один из офицеров Гвардии шаха ответил: “Нет, мы не можем. В конце концов, они же наши дети”. (См.: New York Times. 1961. December 4. P 10. Цит. по: Huntington S. P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven; L.: Yale University Press, 1968. P. 211.) Разумеется, можно поставить вопрос о том, был ли режим шаха в Иране к этому времени авторитарным. Ведь по форме это была традиционная монархия. Но тогда стоит вспомнить, что за Р. Пехлеви не стояли поколения царственных иранцев.

* * *

Куба конца 1950-х гг. при Ф. Батисте – типичный пример этому. Кубинская экономика в 1950-х гг. развивалась достаточно высокими – по латиноамериканским стандартам – темпами. Среднегодовой прирост ВВП на душу населения Кубы за период с 1950 по 1957 г. составил 2,3 %. Режиму, столкнувшемуся с вызовом внутреннего вооруженного протеста, хватило воли, чтобы принять меры самосохранения. В стране была введена жесткая цензура СМИ, существовала сильная тайная полиция. Почувствовав опасность для своей власти, Батиста значительно увеличил численность армии. Пытки и убийство людей, заподозренных в нелояльности режиму, приняли массовый характер. Руководство армии и полиции состояло из людей, близких к Батисте. Они были заинтересованы в сохранении сложившегося положения вещей.

После высадки повстанцев Батиста действовал энергично: вокруг зданий, в которых располагались органы власти, выставил полицейские патрули; самолеты и корабли патрулировали побережье; правительственные войска бомбили села, население которых поддерживало повстанцев; сотни людей были посажены в тюрьмы. На улицах валялись трупы тех, кого власти заподозрили в симпатиях к противникам режима¹²⁶.

Этого оказалось недостаточно, чтобы остановить революционеров. В декабре 1956 г. их было 82, после высадки в живых осталось 12. Весной 1957 г. журналисты спорили, сколько их: 50 или 100? Осенью того же года уже говорили о 1000. В середине 1958 г. речь шла о 5-10 тыс. повстанцев¹²⁷. Судьбу кубинской революции решило не формальное соотношение числа солдат у правительства и сил повстанцев, а то, что общество считало режим Батисты коррумпированным и несправедливым¹²⁸. Обвинения в коррупции были важным элементом пропаганды Ф. Кастро¹²⁹.

Разумеется, Куба, как и Тайвань, Южная Корея никогда не были империями. То, что их объединяло с последними, – право сильного как основа легитимации институтов существующего режима. Их примеры показывают, насколько в современном мире это ненадежный фундамент.

¹²⁶ Creeping Revolt. Cuba // Time. 1957. January 7. P. 33.

¹²⁷ Phillips R. H. *Cuba Says Rebels Number Only 50* // New York Times. 1957. March 2; Matthews H.L. *Castro Rebels Gain In Face of Offensive By the Cuban Army* // New York Times. 1957. June 9. P. 1, 13; Cuban Rebels. Andrew St. George interview with Fidel Castro // Look. 1958. Feb. 4. P. 30; Phillips R. H. *Castro's Power At Peak On Eve of Cuban Vote* // The New York Times. 1958. November 2. 4E; Batista's Drive To Crush Rebels Called Failure // The New York Times. 1958. July 2. P. 1; Into the Third Year. Cuba // Time. 1958. December 1. P. 32.

¹²⁸ Че Гевара. *Эпизоды революционной войны*. М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР. 1974. С. 210–217.

¹²⁹ Matthews H. L. *Rebel Strength Gaining in Cuba, But Batista Has the Upper Hand* // The New York Times. Monday. 1957. February 25; Huberman L., Sweezy P. M. *Cuba: Anatomy of a Revolution*. N. Y: Monthly Review Press, 1960. P. 59, 60.

§ 3. Механизмы краха авторитаризма

Прогнозировать время начала кризиса авторитарного режима трудно. Порой он долго не наступает, но когда начинается, то разворачивается стремительно, быстрее, чем кто бы то мог предположить. Лидеры авторитарных режимов нередко сами не понимают, почему это происходит. Последний шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви, изумленный развитием событий в 1978 г., спрашивал американского посла в Иране Джорджа Салливэна: “Меня беспокоит то, что происходящее находится за пределами возможностей КГБ. Значит, это работа британских секретных служб или ЦРУ. Почему ЦРУ решило работать против меня?”¹³⁰

Механизмы краха авторитарного режима разнообразны. Нередко они связаны с личной судьбой диктатора. Стабильность такой политической структуры зависит от жизни или состояния здоровья автократа, вокруг которого объединилась политическая элита. Со смертью правителя нередко начинается этап распрей в правящей верхушке. Так, уход из жизни Чан Кайши (1975 г.) открыл дорогу демократии на Тайване, убийство президента Южной Кореи Пак Чжон Хи в октябре 1979 г. ускорило процесс демократизации страны.

Иногда механизм разворачивания кризиса связан с военным поражением. Яркий пример тому – развитие событий в Аргентине после войны за Мальвинские (Фолклендские) острова.

Информационная глобализация – важный фактор подрыва стабильности авторитарных режимов. В мире начала XX в. подавляющая часть населения плохо представляет себе, что происходит вне их деревни, как устроены другие социальные структуры. XX в. сделал мир интегрированным. Знание того, как устроены политические системы развитых стран, общедоступно. Объяснять народу, особенно его молодой, образованной части, что их сверстники в других странах имеют право на свободу и участие в решении проблем страны, а они – нет, что за них это сделают начальники, на стороне которых сила, – задача, не имеющая решения.

Одна из причин кризисов, приводящих к краху авторитарные режимы, – межнациональные конфликты. Именно поэтому такие режимы менее стабильны в этнически и религиозно разнородных государствах¹³¹.

Бывают и иные варианты. Краху шахского режима в Иране не предшествовали ни военное поражение, ни смерть автократа, ни острый межнациональный конфликт. Он произошел на фоне благоприятной конъюнктуры нефтяного рынка и роста благосостояния. Но все-таки чаще всего развалу авторитарного режима предшествует экономический кризис.

Мир современного экономического роста динамичен, трудно предсказуем. Достоверное прогнозирование цен на сырьевые ресурсы или курсов мировых валют – за пределами возможностей экономической науки. Жизнь заставляет адаптироваться к внешним вызовам. Их трудно предвидеть, к ним нельзя подготовиться. История XX в. полна примеров кризисов, которых ни национальные власти, ни международное сообщество не ожидали. Это реальность, с которой приходится считаться. Кризиса 1994 г. в Мексике ни квалифицированное руководство Международного валютного фонда, ни американское Казначейство не ждали. Нежданным для специалистов стал финансовый кризис 1997–1998 гг. в Юго-Восточной Азии, распространившийся затем на постсоветское пространство и Латинскую Америку¹³².

¹³⁰ Sullivan W. H. *Mission to Iran*. N. Y.: II Norton, 1981. P. 156.

¹³¹ Przeworski A. et.al. *Democracy and Development. Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

¹³² DeLong J. B. *International Financial Crises in the 1990s: The Analytics*. November 2001. <http://www.j-hradford-delong.net/>; Dornbusch R. *A Primer on Emerging Market Crises* // NBER Working Paper № 8326. 2001; Goldstein M. *IMF Structural Programs*. Paper prepared for the NBER Conference on Economic and Financial Crises in Emerging Market Economies. Woodstock, Vermont. 2000. October 19–21.

В конце 1990-х гг. была опубликована подготовленная на высоком профессиональном уровне книга, посвященная проблемам, с которыми столкнулись нефтедобывающие страны на фоне падения цен на нефть в 1980-х гг. Индонезия в ней рассматривалась как пример успешной адаптации к изменившимся условиям мирового развития¹³³. До того как книга успела выйти в свет, индонезийский режим в результате событий в Юго-Восточной Азии рухнул¹³⁴.

Столкнувшись с экономическим кризисом, правительству приходится сокращать бюджетные расходы, повышать налоги, девальвировать национальную валюту, ограничивать импорт, сокращать дотации. Все это тяжелые, непопулярные меры. Чтобы проводить их, режим должен быть уверен, что общество их примет или, если это авторитарный режим, что он способен использовать силу, чтобы остановить возможные беспорядки.

Слабость авторитарных режимов, столкнувшихся с подобным кризисом, в том, что они часто не обладают ни первым, ни вторым ресурсом. Обществу, воспринимающему режим как нелегитимный и коррумпированный, трудно объяснить необходимость принятия экономических мер, суть которых в том, чтобы “затянуть пояса”. Коррупция, которую при росте благосостояния воспринимали как явление неприятное, но неизбежное, на фоне кризиса становится вызовом представлению о разумном и справедливом устройстве общества.

Краху авторитарного режима предшествует период нестабильности – время, когда этот режим теряет остатки легитимности. В ретроспективе его начало определить нетрудно. Скажем, в Иране оно относится к 1970–1978 гг., когда шахский режим усиливает контроль секретных служб за ежедневной жизнью граждан, репрессии против оппозиционных лидеров. В 1970 г. в Иране по политическим причинам не была взорвана ни одна бомба. В 1972 г. число политически мотивированных взрывов достигло 13. В 1974 г. прошли студенческие беспорядки, волнения, связанные с продовольственным снабжением в Тегеране. С середины 1970-х гг. растет привлекательность идей радикального фундаментализма. В 1977–1978 гг. череда массовых демонстраций, сопровождающихся применением насилия, становится характерной чертой жизни страны¹³⁵.

Если автократ сохраняет контроль над силовыми структурами, он может подавить общественное недовольство привычными для авторитарного режима способами, показав, что способен пролить столько крови, сколько нужно, чтобы сохранить власть. Но в кризисной ситуации убеждение в нелегитимности и нестабильности режима нередко распространяется и на солдат, сержантов, младших офицеров. Когда диктатору особенно нужны лояльные силовые структуры, они перестают работать.

Проблемы нестабильности авторитарных режимов не кончаются с их крушением. В отсутствие легального политического процесса, парламента, влияющего на жизнь общества и поэтому ответственного, центрами притяжения оппозиции оказываются самые простые лозунги. Суть их стандартна: “Смерть продажному антинародному режиму”; “Справедливость и перераспределение” (взять все и поделить); “Нет – режиму национальной измены” (радикальный национализм). Сочетание подобных лозунгов – сильное средство борьбы против режима. Оно характерно, например, для возглавляемого Ф. Кастро движения 26 июля на Кубе 1950-х гг. Попытки воплотить в жизнь эти лозунги – не лучшая гарантия построения стабильной демократии¹³⁶.

¹³³ Amuzegar J. *Managing the Oil Wealth: OPEC's Windfalls and Pitfalls*. L.; N. Y: I.B. Tauris, 1999.

¹³⁴ Benedict R. OG. Anderson (ed.). *Violence and the State in Suharto's Indonesia* New York: Southeast Asia Program Publications, Cornell University, 2001; Hal Hill. *Indonesia: The Strange and Sudden Death of a Tiger Economy* // Oxford. Development Studies. 2000. Vol. 28 (2). P 117–139.

¹³⁵ Binnendijk H. (ed.). *Authoritarian Regimes in Transition*. Washington: Foreign Service Institute of the US Department of State, 1987.

¹³⁶ Немало людей, работавших в кубинских органах власти после революции, впоследствии эмигрировавших, говорили мне, что приняли это решение после того, как поняли, что Куба для Ф. Кастро интереса не представляет. Для него она – в рамках программы-минимум – средство начала антиамериканской революции в Латинской Америке, в рамках программы-макс-

Авторитарный режим при всей его нелегитимности – функционирующая власть. На улицах есть полиция, поддерживающая порядок; если страна относительно развитая, то дети ходят в школу, в больнице можно получить медицинскую помощь. Тем, кто не пережил крах авторитарных режимов, трудно понять, что их конец означает крах институтов, обеспечивающих хоть какой-то закон и порядок¹³⁷. Решения американских властей в Ираке летом 2003 г. о дебаасизации, роспуске полиции и армии саддамовского режима, принятые без оценки их последствий для обеспечения порядка на улицах, надежности энергоснабжения, сохранности имущества государственных учреждений, – наглядное тому свидетельство.

То, что способность власти монополизировать применение насилия – важнейший элемент стабильного государственного устройства, известно, по меньшей мере, со времен публикаций классической работы М. Вебера¹³⁸. При крахе авторитарного режима способность новых властей применять насилие для обеспечения порядка ограничена, иногда подорвана. Даже когда существовавшие силовые структуры не расформируются, они теряют вкус к продолжению собственной деятельности. Для них не ясно, насколько устойчива новая власть, не вернется ли старая, будут ли они наказаны за сотрудничество со сменившимися правителями. В этой ситуации естественная стратегия – ничего не делать.

У политических режимов, приходящих на смену авторитарным, нет исторической легитимации, традиций, обеспечивающих устойчивость власти. В этом состоит фундаментальная проблема, связанная с крахом авторитарных политических систем: ничто не гарантирует, что за ним последует формирование устойчивых демократических институтов¹³⁹.

Опыт показывает, что в решении этой проблемы немалую роль играют внешние факторы. В Восточной Европе после прекращения советского контроля влияние Европейского союза, перспектива членства в этой организации, объединяющей сообщества высокоразвитых стран, были важным фактором стабилизации демократии. В Латинской Америке после завершения “холодной войны”, когда прагматический принцип “Может быть, он и сукин сын, но это наш сукин сын” вышел из моды, влияние Соединенных Штатов способствовало обеспечению стабильности демократических институтов. Но эти факторы действуют отнюдь не во всех регионах мира.

Испания – развитая европейская страна с давней парламентской традицией, политическая элита которой осуществляла мирную трансформацию авторитарного режима в демократию. В 1980-х гг. она стала членом Европейского сообщества. Тем не менее на протяжении почти 10 лет после ухода каудильо Франко руководство страны было вынуждено решать трудные проблемы обеспечения контроля гражданских властей над армией. Страна неоднократно оказывалась на грани военного переворота¹⁴⁰. Это пример того, насколько сложен переход от авторитаризма к демократии даже в благоприятных условиях.

симум – инструмент уничтожения Соединенных Штатов.

¹³⁷ В. Липпман справедливо отмечает: “Нет ничего более важного для человека, чем жить в сообществе, которое является управляемым, хорошо, если самоуправляемым, замечательно, если хорошо управляемым, но в любом случае – управляемым”. (См.: Lippman W. *New York Herald Tribune*. 1963. December 10.) Последний номер основанного Н. Карамзиным и продолженного М. Стасюлевичем журнала “Вестник Европы” за январь – апрель 1918 г. наглядно демонстрирует характерное для общественного сознания российской либеральной интеллигенции непонимание того, что крах несовершенного и коррумпированного режима может привести к крушению государственных институтов, хаосу в экономике и обществе, делающему привычную, несовершенную, но нормальную жизнь невозможной. (Нольде Б. *Вопросы внутренней жизни* // Вестник Европы. Петроград. 1918. Январь – апрель. С. 374–396.)

¹³⁸ Weber M. *Politik als Beruf*. München, 1919.

¹³⁹ О трудностях стабилизации демократических режимов после краха авторитаризма см.: O'Donnell G., Schmitter P. C., Whitehead L. (eds.). *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions About Uncertain Democracies*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1986.

¹⁴⁰ Maravall J. *The Transition to Democracy in Spain*. L.; Canberra; N. Y: Croom Helm, St.Martin's Press, 1982; Gilmour D. *The Transformation of Spain: From Franco to Constitutional Monarchy*. L.: Quartet Books, 1985.

В политологической литературе, посвященной поставторитарному переходу, аксиомой считается, что для обеспечения успешной трансформации надо разделить политические и экономические преобразования, не смешивать их. Необходимо убедить общество в том, что попытки совместить радикальное изменение политической системы и экономической структуры – задача неразрешимая¹⁴¹. Проблема постсоциалистической трансформации в том, что, в отличие от других авторитарных режимов, в социалистических устройство политической системы неразрывно связано с организацией ежедневной экономической жизни. Политическая нестабильность накладывается на то, что социалистическая система управления экономикой не может работать вне тоталитарной политической власти. Она разваливается, когда контроль государства за всеми сторонами жизни общества ослабевает.

¹⁴¹ O'Donnell G., Schmitter P. (eds.). *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1986. P. 41.

Глава 3

“Нефтяное проклятие”

Лучше бы мы открыли воду!
Шейх Ахмед Заки Ямани, экс-министр нефти Саудовской Аравии

Через 10 лет или 20 лет вы увидите, что нефть приведет нас к краху
Хуан Пабло Перес Альфонсо, экс-министр нефтяной промышленности Венесуэлы

В 1985–1986 гг. мировые цены на нефть упали в несколько раз. И все-таки СССР рухнул не из-за игры на понижение на нефтяном рынке.

Хорошо сказал об этом Булат Окуджава на своем последнем концерте в Париже 23 июня 1995 г. Он прочел это короткое стихотворение:

Вселенский опыт говорит,
Что погибают царства
Не оттого, что труден быт
Или страшны мытарства...
А погибают оттого,
И тем больней, чем дольше,
Что люди царства своего
Не уважают больше...

Кризис советской экономики, приведший к распаду СССР, то, когда и в каких формах он разворачивался, – все это было тесно сопряжено с развитием событий на нефтяном рынке. Итак, почему случилось так, как случилось? Разумеется, первым делом появились конспирологические объяснения произошедшего. Однако я своими глазами видел, каким невероятным сюрпризом для американских властей было крушение Советского Союза, каково было их потрясение, и не верю в достоверность подобных конструкций.

Но если предположить, что версия “об умысле” верна, то получается еще хуже. Тогда придется говорить о низком интеллектуальном уровне, безответственности и предательстве национальных интересов со стороны нескольких поколений советских властей, поставивших экономику и судьбу страны в зависимость от решений, принятых США – государством, которое воспринималось как главный потенциальный враг.

СССР был не первой и не единственной богатой ресурсами страной, которая столкнулась с тяжелым кризисом, связанным с труднопрогнозируемыми изменениями цен на экспортируемые ею важнейшие сырьевые товары. Чтобы понять произошедшее в Советском Союзе в конце 1980-х – начале 1990-х гг., важно проанализировать суть проблем, связанных с колебаниями сырьевых цен, то, как они влияют на экономику стран-экспортеров. А это довольно долгая история...

§ 1. Испанский пролог

Классический пример воздействия крупного потока доходов, связанных с добычей сырьевых ресурсов, на национальную экономику – развитие событий в Испании XVI–XVII вв., после открытия Америки. Освоение месторождений золота и серебра, введение технологий, позволяющих разрабатывать их эффективно, по стандартам того времени, – все это привело к беспрецедентному в истории росту поступления драгоценных металлов в Европу.

За 160 лет, между 1503 и 1660 гг., в Севилью было доставлено 16 тыс. т серебра. Запасы этого металла в Европе возросли втрое. За тот же период ввоз 185 т золота увеличил европейские ресурсы этого металла примерно на 20 %¹⁴². Данные о поступлении драгоценных металлов в Испанию приведены на *рис. 3.1*.

Рост предложения золота и серебра в условиях еще медленно растущей европейской экономики приводит к резкому – по стандартам общества, привыкшего к стабильности цен, – удорожанию товаров¹⁴³. В Испании, куда в первую очередь поступают драгоценные металлы, цены растут быстрее, чем в остальных европейских странах (*рис. 3.2*). Это обстоятельство делает испанское сельское хозяйство неконкурентоспособным. Кастилия на многие десятилетия становится крупным импортером продовольствия¹⁴⁴. Кризис испанской текстильной промышленности также является результатом аномально высокого уровня цен в Испании, связанного с притоком драгоценных металлов из Америки.

¹⁴² Elliott J. H. *Imperial Spain 1469-1/16*. L.: Edward Arnold Publishers LTD., 1965. P. 174.

¹⁴³ Мартин Д. Аспилкуэта, экономист, связанный с университетом в Саламанке, по-видимому, первым в Европе этого времени обратил внимание на связь повышения уровня цен с притоком золота и серебра из Америки. (См.: Grice-Hutchinson M. *The School of Salamanca. Readings in Spanish Monetary Theory, 1544–1605*. Oxford: Clarendon Press, 1952. P. 91–96.) Классическая работа, посвященная влиянию притока американского золота на экономику Испании, принадлежит перу Дж. Гамильтона. (Hamilton E.J. *American Treasure and the Price Revolution in Spain, 1501–1650*. Cambridge: Harvard University Press, 1934.) Как обычно бывает с подобного рода сложными вопросами экономической истории, она неоднократно подвергалась критике. (См., например: Nadal J. O. *La Revolucion de los Precios Espanoles en el Siglo XVIII* Hispania. 1959. Vol. XIX. P. 503–529.) Более поздние исследования продемонстрировали, что революция цен XVI – начала XVII в. была связана не только с притоком золота и серебра из Америки. Начиная с 60-70-х гг. XV в. Португалия начинает в крупных масштабах экспортировать суданское золото в Европу. Общий объем экспорта с 1470 по 1500 г. составил 17 т. (См.: Wilks I. *Wangara, Akan and the Portuguese in the Fifteenth and Sixteenth Centuries* / Wilks I. (ed.). *Forests of Gold: Essays on the Akan and the Kingdom of Asante*. Athens: Ohio, 1993. P. 1–39). Сыграла свою роль начавшаяся в конце XV в. разработка серебряных месторождений в Южной Германии, заметно увеличивших предложение серебра в Европе. (См.: Munro J. *The Monetary Origins of the "Price Revolution"*: *South German Silver Mining, Merchant-Banking, and Venetian Commerce, 1470–1540*. Department of Economics and University of Toronto. Working Paper. June. 1999. № 8; Outhwaite R. B. *Inflation in Tudor and Early Stuart England. Studies in Economic and Social History Series*. L.: Macmillan, 1969; Burke P. (ed.). *Economy and Society in Early Modern Europe: Essays from Annales*. L.: Routledge & Kegan Paul, 1972.) Джон Неф оценивал объемы производства серебра в Южной Германии, Австрии, Богемии, Словакии, Венгрии в 1526–1535 гг. в диапазоне 80–90 т в год. (См.: Nef J. *Silver Production in Central Europe, 1450–1618* // *Journal of Political Economy*. 1941. Vol. 49. P. 575–591.) Все эти факты, являющиеся предметом интересной экономикоисторической дискуссии, не могут заслонить главного – связи повышения цен в Европе в XVI–XVII вв. с ростом предложения драгоценных металлов. (См.: Marjorie Grice-Hutchinson. *Op. cit.*)

¹⁴⁴ О влиянии государственного регулирования цен, дефицита продовольственных товаров и стимулирования импорта на развитие сельского хозяйства Испании см.: Мау В. *Уроки Испанской империи, или Ловушки ресурсного изобилия II* Россия в глобальной политике. 2005. № 1. С. 12.

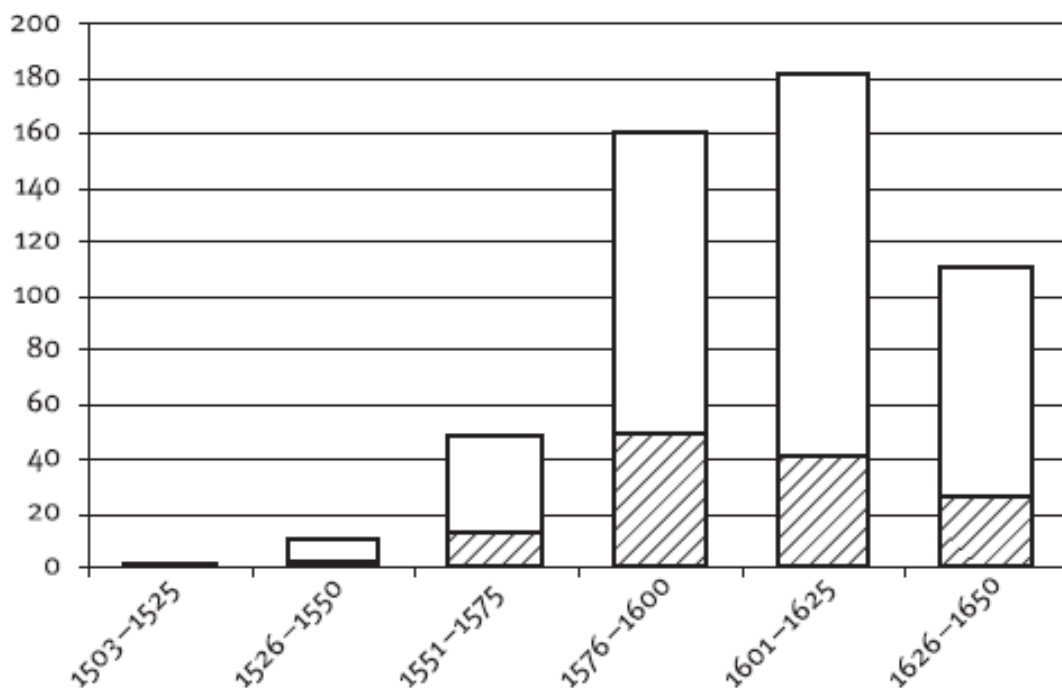

Рис. 3.1. Общий объем импорта драгоценных металлов в Испанию в 1503–1650 гг.

* В постоянных ценах 1580 г.

Источник: расчеты по: Hamilton E. J. American Treasure and the Price Revolution in Spain, 1501–1650. Cambridge: Harvard University Press, 1934. P. 34. Индекс цен взят из: Flynn D. O. Fiscal crisis and the decline of Spain (Castile) //The Journal of Economic History. 1982. Vol. 42. P. 142.

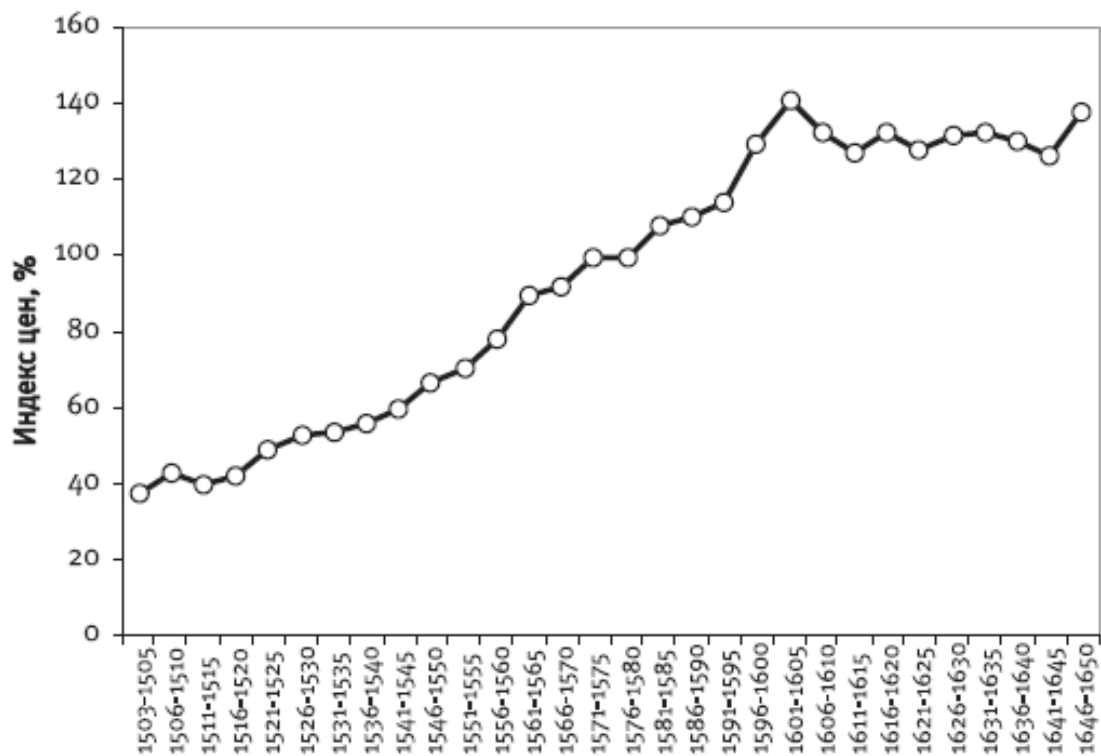

Рис. 3.2. Динамика уровня цен в Испании (Кастилии-Леоне) в 1503–1650 гг., средние значения по пятилетиям

Примечание. Цены 1580 г. приняты за 100 %.

Источник: Flynn D. O. Fiscal crisis and the decline of Spain (Castile) // *The Journal of Economic History*. 1982. Vol. 42. P. 142.

В конце XVI в. жалобы на дороговизну товаров в Испании становятся массовыми. Кортесы эту тему обсуждают неоднократно. Звучат предложения полностью запретить вывоз испанского текстиля даже в испанские колонии в Америке. Дороговизна продовольственных товаров и текстильных изделий подталкивает к мерам, направленным на ограничение роста цен. Те, в свою очередь, – к дефициту. Либерализация импорта продовольствия и текстиля в Испании становится неизбежной.

Гонсалес де Сельориго, анализировавший экономические проблемы Кастилии, связывает их с последствиями открытия Америки. В 1600 г. он пишет, что влияние потока золота и серебра парализовало рост инвестиций, развитие промышленности, сельского хозяйства и торговли, доказывает, что открытие Америки было несчастьем Испании¹⁴⁵. Фламандский ученый Юстус Липсиус в 1603 г. пишет своему испанскому другу: “Завоеванный вами новый мир завоевал вас, ослабил и исчерпал вашу прежнюю храбрость”¹⁴⁶.

Роль связанных с драгоценным металлом рентных доходов в бюджете испанской короны середины XVI в., поначалу скромная, постепенно увеличивается. Явным это становится со времени открытия и освоения месторождений серебра в Потосе. Эти доходы не зависят от Кортесов. Они расширяют свободу действий правительства в использовании финансовых ресурсов. К тому же американские золото и серебро кажутся надежным обеспечением займов, которые охотно предоставляют международные банки.

В соответствии со стандартами времени более половины бюджетных поступлений корона направляет на военные нужды. Американские золото и серебро – база внешнеполитической активности, направленной на защиту католицизма, обеспечение господства Испании в Европе. Оно позволяет финансировать череду дорогостоящих войн.

В конце XVI в. приток драгоценных металлов из Америки сокращается. К 1600 г. наиболее богатые месторождения серебра исчерпаны¹⁴⁷. Рост цен также снижает доходы испанского бюджета в реальном исчислении. Между тем испанская корона приняла на себя крупные обязательства по взятым кредитам. Это основа вереницы банкротств, ставших со второй половины XVI в. характерной чертой испанских финансов. Государство объявляет о неплатежеспособности в 1557, 1575, 1598, 1607, 1636, 1647, 1653 гг.¹⁴⁸.

Как нередко бывает, реакция властей на экономические проблемы, связанные с колебаниями ресурсных доходов, неадекватна. Запрещение испанским студентам учиться в иностранных университетах, введение ограничивающих торговлю монополий, повышение налогов на экспорт шерсти, таможенные пошлины, взимаемые на границах частей королевства, – все это неэффективный способ мобилизовать ресурсы для финансирования военных предприятий¹⁴⁹.

Выясняется, что имперские обязательства легко принять, но от них трудно отказаться, когда это становится необходимым. В 1609 г. Испания под влиянием нарастающих финансо-

¹⁴⁵ Gonzalez de Cellorigo M. *Memorial de la Politica Necesaria y util Restauracion a la Republica de Espana*. Valladolid, 1600 / Grice-Hutchinson M. (ed.). *The School of Salamanca: Readings in Spanish Monetary History 1544–1605*. Oxford: Clarendon Press, 1952.

¹⁴⁶ Ramirez A. *Epistolario de Justo Lipsio y los espanoles*. Madrid: Castalia, D. L., 1966. P. 374. Цит. no: Elliott J. H. *Spain and Its World, 1500–1700*. Selected Essays. New Haven; L.: Yale University Press, 1989. P. 25.

¹⁴⁷ Davies R. T. *The Golden Century of Spain, 1501–1621*. L.: Macmillan & Co Ltd., 1954. P. 263, 264.

¹⁴⁸ Elliot J. H. *Imperial Spain 1469–1716*. L.: Edward Arnold Publishers LTD., 1965.

¹⁴⁹ Kennedy P. *The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. N. Y.: Random House, 1987. P. 55.

вых трудностей была вынуждена заключить перемирие с Голландией. Через 10 лет становится ясно, что этот шаг бюджетных проблем не решил. Операции голландцев на море, их нападения на испанские суда и колонии требуют финансирования вооруженных сил в масштабах не меньших, чем во время войны.

Первый министр Испании (с 1621 по 1643 г.) Оливарес, современник и соперник кардинала Ришелье, пытается провести либеральные реформы (упорядочить налоговую систему, сократить бюджетные расходы и численность государственного аппарата), ограничить власть олигархов, имевших доступ к государственным доходам¹⁵⁰, восстановить величие империи. Он компетентен, не коррумпирован и работоспособен. Всего этого недостаточно, чтобы разрешить противоречие между расстройством государственных финансов и необходимостью финансировать военные действия, призванные сохранить империю. В 1631 г., поняв неразрешимость поставленных задач, Оливарес произносит свою знаменитую фразу: «Если великие завоевания этой монархии привели ее в такое печальное состояние, можно с достаточной долей уверенности сказать, что без Нового Света она была бы более могучей»¹⁵¹.

К 1640 г. испанская корона утратила свои европейские владения вне Пиренейского полуострова, оказалась на грани потери контроля над Астурией, Каталонией и Арагоном. В сентябре 1640 г. Оливарес пишет: «Этот год можно считать самым несчастным для монархии за все время ее существования»¹⁵². Все это при том, что до 1643 г. испанская армия не проиграла ни одного крупного сухопутного сражения.

История Испании XVI–XVII вв. – пример державы, которая пережила крах, не потерпев поражения на поле брани, но рухнула под влиянием непомерных амбиций, основывавшихся на таком ненадежном фундаменте, как доходы от американского золота и серебра. То, что происходило с государствами, могущество которых зиждилось на притоке доходов от добычи природных ресурсов, в XX в., в том числе с нашей страной, – хорошо известно.

¹⁵⁰ Казнь ненавидимого многими в Испании Родриго де Кальдерона в 1621 г. – характерный этому пример. (См.: Elliott J. H. *Imperial Spain, 1469-1/16*. L.: Edward Arnold Publishers LTD., 1965.)

¹⁵¹ Elliott J. H. *Spain and Its World, 1500–1700. Selected Essays*. New Haven; L.: Yale University Press, 1989. P. 25.

¹⁵² Trevor-Roper H. *The Crisis of the Seventeenth Century*. N. Y.: Liberty Fund, 1967. P. 51.

§ 2. Ресурсное богатство и экономическое развитие

Проблемы, с которыми столкнулась Испания в XVI–XVII вв., были известны в конце XVIII – начале XIX в., в канун старта современного экономического роста. И все-таки долго казалось аксиомой, что ресурсное богатство, обеспеченность страны запасами важных для индустриализации полезных ископаемых, обилие плодородной земли – важный и позитивный фактор развития. Опыт XX в. показал, что эти взаимосвязи, увы, сложнее и драматичнее.

Между 1965 и 1998 гг. душевой ВВП в таких богатых ресурсами странах, как Иран и Венесуэла, сокращается в среднем на 1 % в год, в Ливии – на 2 %, в Кувейте – на 3 %, в Катаре (1970–1995 гг.) – на 6 % в год. В целом в странах – членах ОПЕК душевой ВВП в 1965–1998 гг. снижался на 1,3 % в год на фоне среднегодового темпа роста в 2,2 % в странах с низкими и средними душевыми доходами¹⁵³.

На протяжении последних десятилетий появилось немало работ, посвященных влиянию ресурсного богатства на экономическое развитие. Точно определить, что такое ресурсное богатство, непросто. Одни авторы определяют его как долю сырьевых ресурсов в экспорте, объеме валового внутреннего продукта, другие – как площадь территории, приходящейся на одного жителя страны. Важно, что независимо от определения результаты исследований оказывались близкими¹⁵⁴. Они демонстрируют статистически значимую *негативную корреляцию* между долгосрочными темпами экономического роста и ресурсным богатством¹⁵⁵. Попросту говоря, наличие природных богатств не только не гарантирует государству будущего процветания, но, скорее всего, осложнит путь к таковому.

Типичный пример из этого печального ряда, один из многих, – Нигерия. Крупные нефтяные месторождения здесь были введены в эксплуатацию в 1965 г. В течение последующих 35 лет совокупные доходы от добычи нефти, если исключить платежи международным нефтяным корпорациям, составили примерно 350 млрд долл. (в ценах 1995 г.).

В 1965 г. душевой ВВП был равен 245 долл. К 2000 г. он остался на том же уровне¹⁵⁶.

Исследователи спорят о том, какой из факторов, связанных с ресурсообеспеченностью, создает наибольшие препятствия на пути динамичного экономического роста¹⁵⁷. Однако набор рисков, связанных с ресурсным богатством, хорошо описан¹⁵⁸.

¹⁵³ World Development Indicators 2000. Washington, DC: World Bank, 2000.

¹⁵⁴ Об определении богатых ресурсами стран см.: Sachs J. D., Warner A. M. *Economic Convergence and Economic Policy*. NBER Working Paper № 5039. 1995; Wood A., Berge K. *Exporting Manufactures: Human Resources, Natural Resources and Trade Policy* // Journal of Development Studies. 1997. Vol. 34 (1). P. 35–59; Gylfason T., Herbertsson T. T., Zoega G. *A Mixed Blessing: Natural Resources and Economic Growth* // Macroeconomic Dynamics. 1999. Vol. 3. P. 204–225; Syrquin M., Chenery H.B. *Patterns of Development, 1950 to 1983*. World Bank Discussion Paper № 41. Washington: World Bank, 1989.

¹⁵⁵ О проблемах, с которыми сталкиваются богатые ресурсами страны в обеспечении устойчивого экономического развития, см.: Gelb A. H. *Windfall Gains: Blessing or Curse?* N. Y.: Oxford University Press, 1988; Sachs J. D., Warner A. M. *Natural Resource Abundance and Economic Growth*. NBER Working Paper № 5398. 1995; Sachs J. D., Warner A.M. *The Big Push, Natural Resource Booms and Growth* // Journal of Development Economics. 1999. Vol. 59. P. 43–76; Gylfason T., Herbertsson T. T., Zoega G. *A Mixed Blessing: Natural Resources and Economic Growth* // Macroeconomic Dynamics. 1999. Vol. 3. P. 204–225; Ranis G. *The Political Economy of Development Policy Change* / Meier G.M. (ed.). *Politics and Policy Making in Developing Countries: Perspectives on the New Political Economy*. San Francisco: ICS Press, 1991; Lal D., Myint H. *The Political Economy of Poverty, Equity and Growth*. Oxford: Clarendon Press, 1996.

¹⁵⁶ Sala-i-Martin X., Subramanian A. *Addressing the Natural Resource Curse: An Illustration From Nigeria*. NBER Working Paper № 9804. June 2003. P. 4.

¹⁵⁷ Есть авторы, доказывающие, что институциональная слабость – характерная черта многих богатых ресурсами стран – является важнейшим фактором, замедляющим их развитие. (См.: Karl T. L. *The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States*. Berkeley: University of California Press, 1997.)

¹⁵⁸ О проблемах, стоящих перед странами, экономика которых зависит от конъюнктуры сырьевых рынков, см.: Cardenas M., Partow 2. *Oil, Coffee and Dynamic Commons Problem in Colombia*. Inter-American Development Bank Office of the Chief Economist Research Network Document R-335. 1998.

Природные ресурсы, связанные с ними возможности извлечения рентных доходов позволяют властям очередной “ухватившей бога за бороду” страны наращивать бюджетные поступления, нисколько не озабочиваясь повышением общих налогов¹⁵⁹ (см. табл. 3.1).

Таблица 3.1. Доля нефтяных доходов в суммарных доходах бюджета в Венесуэле, Мексике и Саудовской Аравии в 1971–1995 гг. Средние значения по пятилетиям (%)

Страна	1971–1975	1976–1980	1981–1985	1986–1990	1991–1995
Венесуэла	67,0	61,7	54,7	60,4	...
Мексика	14,9	19,0	42,7	32,6	...
Саудовская Аравия	...	89,1	74,4	61,0	74,5

Источник: *Расчеты по данным:* Auty R. M. (ed.). Resource Abundance and Economic Development. Oxford: Oxford University Press, 2004 (Мексика, Саудовская Аравия); Salazar-Carrillo J. Oil and Development in Venezuela during the Twentieth Century. Praeger Publishers, Westport, CT, 1994 (Венесуэла).

Это означает, что у властей предрасположенных *нет необходимости* налаживать долговременный диалог с обществом – налогоплательщиками и их представителями. Тот исторический диалог (ведущий к компромиссу), который только и прокладывает русло формирования набора институтов, ограничивающих произвол власти, обеспечивающих гарантии прав и свобод граждан. Благодаря этому трудному диалогу создаются правила игры, позволяющие запустить механизм современного экономического роста¹⁶⁰. Вот и получается, что шансы на создание системы сдержек и противовесов (популярнейший в ельцинское время, а ныне вышедший из моды комплекс понятий), надежных институтов, позволяющих ограничивать коррупцию и произвол властей и чиновничества, у населения в богатых ресурсами странах *меньше*, чем в тех, которые подобными ресурсами обделены¹⁶¹.

Атмосфера тут создается другая. И климат другой. Салтыков-Щедрин классически описал эту атмосферу:

Когда делили между чиновниками сначала западные губернии, а впоследствии Уфимскую, то мы были свидетели явлений поистине

¹⁵⁹ Как правило, в богатых ресурсами странах уровень поступлений от налогов, не связанных с перераспределением ренты, ниже, чем в государствах того же уровня развития, но обделенных ресурсами. (О связи низкого уровня общих налогов с ресурсным богатством см.: Karl T. L. *The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States*. Berkeley: University of California Press, 1997.) В Саудовской Аравии, крупнейшей нефтедобывающей стране мира, к середине 1980-х гг. более 90 % доходов бюджета было связано с добычей и экспортом нефти. (См.: Kingdom of Saudi Arabia: Achievements of the Development Plans 1970–1986. Riyadh: Ministry of Planning Press, 1986.) Важную роль в политическом и экономическом развитии богатых ресурсами стран играет то, в какой степени государство имеет возможность концентрировать в своих руках связанные с этими ресурсами доходы. П. Сутела обращал внимание на то, что ресурсное богатство Норвегии Средних веков – обильные запасы трески – сосредоточить в распоряжении государства было трудно. Отсюда отсутствие проблем, связанных с борьбой за перераспределение рентных доходов. (См.: Сутела П. *Это сладкое слово – конкурентоспособность* // Хелантера А., Оллус С.-Э. *Почему Россия не Финляндия: Сравнительный анализ конкурентоспособности*. М.: ИЭПГТ, 2004.)

¹⁶⁰ North D. C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. Индонезийская нефтяная компания, финансировавшая Вооруженные силы страны, проводя непрозрачные операции, – наглядная иллюстрация того, как действуют добывающие сырье предприятия в странах, не имеющих устойчивой традиции демократических институтов. (См.: McDonald H. *Suharto's Indonesia*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1981.)

¹⁶¹ О влиянии ресурсного богатства на качество национальных институтов и влиянии этого фактора на низкие темпы роста богатых ресурсами стран см.: Sala-i-Martin X., Subramanian K. *Addressing the Natural Resource Curse: An Illustration From Nigeria*. NBER Working Paper № 9804. June 2003; Mehlum H., Moene K. O., Torvik R. *Institutions and the Resource Curse* // Economic Journal. 2005. Vol. 116. N 508. E 1-20; Bulte E. H., Damania R., Deacon R. T. *Resource Abundance, Poverty and Development*. World Development 2005. <http://www.econ.ucsb.edu/papers/wp2i-03.pdf>.

паразитических, казалось бы, УЖ НА ЧТО ЛУЧШЕ: УРВАЛ КУСОК КАЗЕННОГО ПИРОГА И проваливай! Так нет, тут именно и разыгрались во всей силе свара, ненависть, глумление и всякое бесстыжество, главной мишенью для которых – увы! – послужила именно та неоскудевающая рука, которая-то и дележку-то с той специальной целью предприняла, чтоб угробить господ чиновников и, что само собой разумеется, положить начало корпорации довольных¹⁶².

Оценки качества национальных институтов, вырабатываемые международными организациями, субъективны. Но все они показывают, что между показателями политических свобод, гражданских прав, качеством бюрократического аппарата, практикой применения закона, с одной стороны, и ресурсным богатством – с другой, есть сильная негативная корреляционная зависимость¹⁶³.

Распределение доходов, генерируемых в экономике стран, богатых ресурсами, зависит от дискреционных решений органов власти¹⁶⁴. Это стимулирует конкуренцию не в том, кто производит больше качественной продукции с минимальными издержками, а в умении давать взятки чиновникам, увеличение того, что А. Крюгер в своей классической работе назвала административной рентой¹⁶⁵. К тому же ресурсное богатство повышает риски политической нестабильности, связанной с борьбой за перераспределение рентных доходов¹⁶⁶.

Даже в высокоразвитой демократической Норвегии доля экспорта в ВВП оставалась неизменной со времени открытия месторождений в Северном море. Рост экспорта нефти по отношению к ВВП компенсировался сокращением вывоза других товаров. Из стран – членов ОЭСР в этот период подобное развитие событий характерно лишь для еще одной богатой ресурсами страны – Исландии, в экспорте которой половину объема составляла рыба¹⁶⁷.

Эта проблема разрешима. Есть богатые ресурсами страны, в которых сложилась демократия налогоплательщиков, постепенно трансформировавшаяся в демократию всеобщего избирательного права с эффективными, малокоррумпированными бюрократиями. США, Канада, Австралия, Норвегия – наглядные тому примеры. Однако это страны, в которых демократические механизмы формировались веками, где политические институты были достаточно эффективными и устойчивыми, чтобы справиться с вызовом ресурсного богатства¹⁶⁸. Есть и государства, не имеющие долгосрочной демократической традиции, сумевшие эффективно управлять ресурсным богатством (Ботсвана, Чили, Малайзия, Маврикий)¹⁶⁹. Но, как показывает опыт, создать демократические установления там, где велика роль природной ренты, труднее, чем в странах, где этот фактор риска отсутствует.

Проблема, связанная с природным богатством, в том, что рентные доходы ресурсного сектора осложняют развитие иных секторов экономики. Она подробно описана на примере

¹⁶² Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. В 10 т. М.: Изд-во «Правда», 1988. Т. 7. «За рубежом». С. 19.

¹⁶³ Leamer E. E., Maul H., Rodriguez S., Schott P. K. *Does Natural Resource Abundance Increase Latin American Income Inequality?* // Journal of Development Economics. 1999. Vol. 59 (1). P. 3–42.

¹⁶⁴ Williamson J. G. *Growth, Distribution and Demography: Some Lessons from History* // Explorations in Economic History. 1998. № 34 (3). P. 241–271.

¹⁶⁵ Krueger A. *Foreign Trade Regimes and Economic Development: Liberalization Attempts and Consequences*. N. Y.: Columbia University Press, 1978. О влиянии борьбы за распределение ренты на распространение коррупции в богатых ресурсами странах см. также: Tornell A., Lane P. *Voracity and Growth* // American Economic Review. 1999. Vol. 89. P. 22–46; Mauro P. *Corruption and Growth* // Quarterly Journal of Economics. 1995. Vol. 90. P. 681–712; Leite C., Weidmann M. *Does Mother Nature Corrupt? Natural Resources, Corruption and Economic Growth*. IMF Working Paper WP/99/85, 1999.

¹⁶⁶ Collier P., Hoeffler A. *Greed and Grievance in African Civil Wars*. L.: Oxford University Press, 2004.

¹⁶⁷ Gylfason T. *Natural resources; education and economic development* // European Economic Review. 2001. Vol. 45. P. 851.

¹⁶⁸ May B. *Уроки Испанской империи, или Ловушки ресурсного изобилия* // Россия в глобальной политике. 2005. № 1.

¹⁶⁹ Sachs J., Warner A. M. *Natural Resource Abundance and Economic Growth* // Mayer J., Chambers B., Farooq A. (eds.). *Development Policies in Natural Resource Economies*. Cheltenham – Northampton: Edward Elgar, 1999. P. 26.

влияния открытых в 1960-е гг. в Голландии крупных месторождений газа на обрабатывающую промышленность этой страны и получила название “голландская болезнь”¹⁷⁰. Собственно, Голландия справилась с ней удачнее, чем большинство других богатых ресурсами стран. Это не стало основанием для изменения закрепившегося термина. На деле эту болезнь с тем же успехом можно назвать “венесуэльской”, “нигерийской”, “индонезийской” или (в последние годы) “российской”¹⁷¹. Если говорить о сырьевых товарах, не являющихся топливом, то ее с тем же правом можно назвать “замбийской” или “заирской” (медь), “колумбийской” (кофе).

Суть “голландской болезни” в том, что рентные доходы сырьевых отраслей стимулируют рост заработной платы и издержек в прочих отраслях национальной экономики (статистическая зависимость уровня национальных цен от ресурсного богатства убедительно подтверждена¹⁷²). Секторы, продукция и услуги которых сталкиваются с международной конкуренцией, становятся неконкурентоспособными как на внутреннем, так и на внешнем рынке и вынуждены сокращать производство¹⁷³. Отсюда риски формирования экономики, которая все в большей степени зависит от колебаний цен на сырье.

Характерная черта богатых ресурсами стран – недостаточное внимание к развитию образования. Причины этого неочевидны, но многие исследователи связывают это со своеобразием структуры спроса на рабочую силу, предъявляемого добывающими компаниями¹⁷⁴. Быть может, это связано еще и с психологическими характеристиками возникающих в этих странах элит, о которых писал Салтыков-Щедрин: временщики не думают о будущем, а образование – это вложение в будущее.

В 1950-х – начале 1960-х гг. распространенным было представление, что важнейшие проблемы государств, экономика которых зависит от экспорта сырья, связаны с долгосрочной тенденцией снижения цен на него по отношению к ценам на продукцию обрабатывающих отраслей. Эти взгляды, основанные на опыте кризисного развития мировой экономики 1920-1930-х гг., были широко представлены в работах, опубликованных Экономической комиссией ООН по Латинской Америке, в книгах и статьях известного аргентинского экономиста Р. Пребиша¹⁷⁵.

Развитие событий во второй половине XX в. показало, что цены на сырьевые товары по отношению к ценам на продукцию обрабатывающих отраслей действительно снижаются. Но

¹⁷⁰ Corden M., Neary J. P. *Booming Sector and Dutch Disease Economics: A Survey* // *Economic Journal*. 1982. December. Vol. 92. P 826–844; Kamas L. *Dutch Disease Economics and the Colombian Export Boom* // *World Development*. 1986. September; Davies G. A. *Learning to Love the Dutch Disease: Evidence from the Mineral Economies* // *World Development*. 1995. Vol. 23 (10). P 1765–1779; Gylfason T. *Lessons from the Dutch Disease: Causes, Treatment and Cures*. Institute of Economic Studies. Working Paper Series № 01/06. August 2001; Krugman P. *The Narrow Moving Band, the Dutch Disease and the Competitive Consequences of MRS. Thatcher: Notes on Trade in the Presence of Scale Economies* // *Journal of Development Economics*. 1987. Vol. 27. P 41–55; Moiseev A. *Analysis of Influence of the “Dutch Disease” and Taxation on Economic Welfare*. Working Paper BSP/99/030.1999; Struthers J. J. *Nigerian Oil and Exchange Rates: Indicators of “Dutch Disease”* // *Development and Change*. 1990. Vol. 21 (2). P 309–341; Jazayeri A. *Economic Adjustment in Oil-based Economies*. Aldershot: Avebury, 1988.

¹⁷¹ Для России эти проблемы особенно остры. В отличие от арабских государств Персидского залива наша страна индустриализована. При этом обрабатывающая промышленность не может похвастаться высокой конкурентоспособностью. Отсюда значимость проблем, связанных с феноменом “голландской болезни”, для России. (См.: Кадочников П., Синельников-Мурылев С., Четвериков С. *Импортозамещение в Российской Федерации в 1998–2002 гг.* М.: ИЭПП, 2003.)

¹⁷² Sachs J. D., Warner A.M. *The Curse of Natural Resources* // *European Economic Review*. 2001. Vol. 45. P. 827–838.

¹⁷³ Gylfason T., Herbertsson T. T., Zoega G. *A Mixed Blessing: Natural Resources and Economic Growth* // *Macroeconomic Dynamics*. 1999. Vol. 3. P 204–225; Gylfason T. *Natural Resources, Education and Economic Development*. Paper presented at the 15th Annual Congress of the European Economic Association. Bolzano. August–September 2000.

¹⁷⁴ Gylfason T. *Natural Resources and Economic Growth: A Nordic Perspective on the Dutch Disease*. WIDER Working Papers № 167. October 1999.

¹⁷⁵ Prebisch R. *Commercial Policy in the Underdeveloped Countries* // *American Economic Review*. 1949. Vol. 49. P 251–273; Prebisch R. *International Trade and Payments in an Era of Coexistence: Commercial Policy in Underdeveloped Countries* // *The American Economic Review*. 1959. May. Vol. 49. Issue 2. Papers and Proceedings of the Seventy-first Annual Meeting of the American Economic Association. P 251–273; Economic Survey of Latin America and the Caribbean. Economic Commission for Latin America and the Caribbean. N. Y: United Nations, 1968; La mano de obra y el desarrollo Economico de America Latina en los ultimos anos. Economic Commission for Latin America. N. Y: United Nations, 1964.

это процесс медленный. Темпы падения цен на сырье в долгосрочной ретроспективе составляли примерно 1 % в год. Более серьезная проблема в том, что цены на сырье колеблются в широком и труднопрогнозируемом диапазоне. И при их росте, и при падении такие колебания создают серьезные проблемы как для экспортеров, так и для импортеров¹⁷⁶.

Известный американский экономист, лауреат Нобелевской премии П. Самуэльсон писал: «Экономист не может предвидеть будущее с точностью... но если даже почти может предсказывать, то все что угодно, только не цены»¹⁷⁷. Применительно к ценам на сырьевые товары это утверждение во второй половине XX в. оказалось более чем справедливым (рис. 3.4).

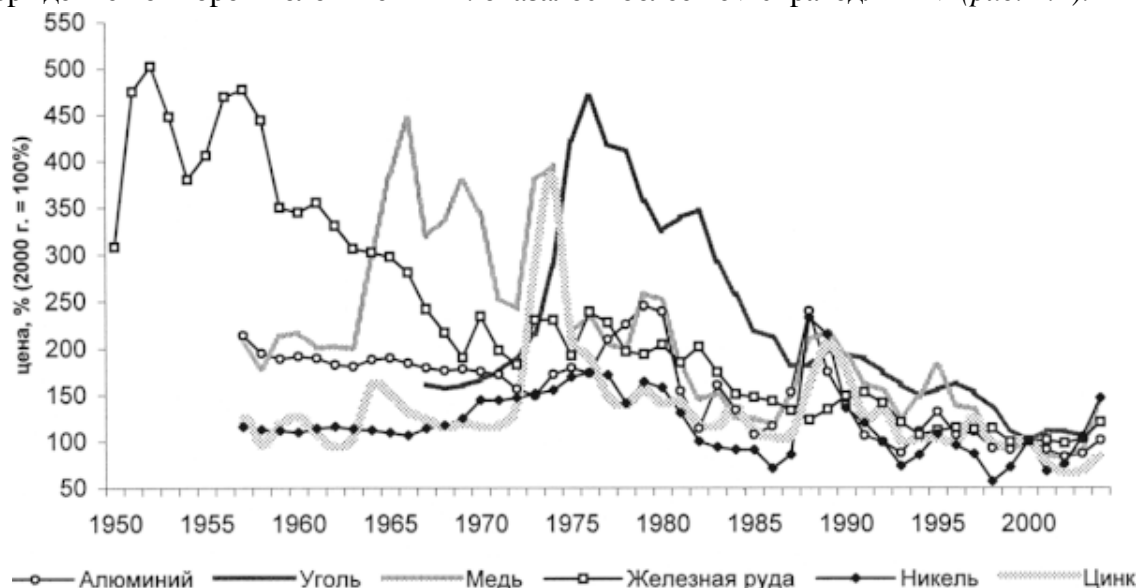

Рис. 3.3. Динамика реальных мировых цен на некоторые сырьевые товары в 1950–2004 гг.

Источник: *International Financial Statistics 2005, IMF*

Факторы, обуславливающие колебания цен на сырье, известны. Производство в сырьевых отраслях капиталоемко, осуществление инвестиционных проектов требует многих лет. Текущие затраты относительно капитальных невелики. Нарастить добычу в короткие сроки трудно или невозможно, сократить – непросто и по технологическим, и по социальным причинам.

Одним из факторов, проложивших дорогу ценовой войне середины 1980-х гг., было то, что власти Саудовской Аравии, сократившие между 1981 и 1985 гг. объем добычи нефти почти в 4 раза, столкнулись с тяжелыми проблемами в обеспечении газоснабжения населения. Уменьшая добычу нефти, правительство вынуждено было сокращать выпуск попутного газа, от которого зависело функционирование коммунальной сферы страны. Это лишь один из примеров того, с какими проблемами сталкивается сырьевая экономика¹⁷⁸.

¹⁷⁶ Cashin P., McDermott C. J., Scott A. *The Long-Ran Behavior of Commodity Prices: Small Trends and Big Variability*. IMF Working Paper, 2001.

¹⁷⁷ Samuels on P. A. *Lessons from the Current Economic Expansion* // *The American Economic Review*. 1974. Vol. 64 (2). P. 75–76.

¹⁷⁸ Skeet I. *OPEC: Twenty-Five Years of Prices and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P 195. О специфике сырьевых отраслей, осложняющей сокращение добычи в условиях неблагоприятной конъюнктуры, см.: Dowling E.T., Hilton F. G. *Oil in the 1980s: An OECD Perspective* // Shojai S., Katz B. S. (eds.). *The Oil Market in the 1980s: A Decade of Decline*. New York: Praeger, 1992. P 77. О соотношении капитальных и текущих расходов, трудностях сокращения производства в условиях падения глобального спроса на примере добычи меди см.: Mikesell R. F. *The World Copper Industry. Structure and Economic Analysis*. Baltimore; L.: Published for Resources for the Future by The Johns Hopkins University Press, 1957.

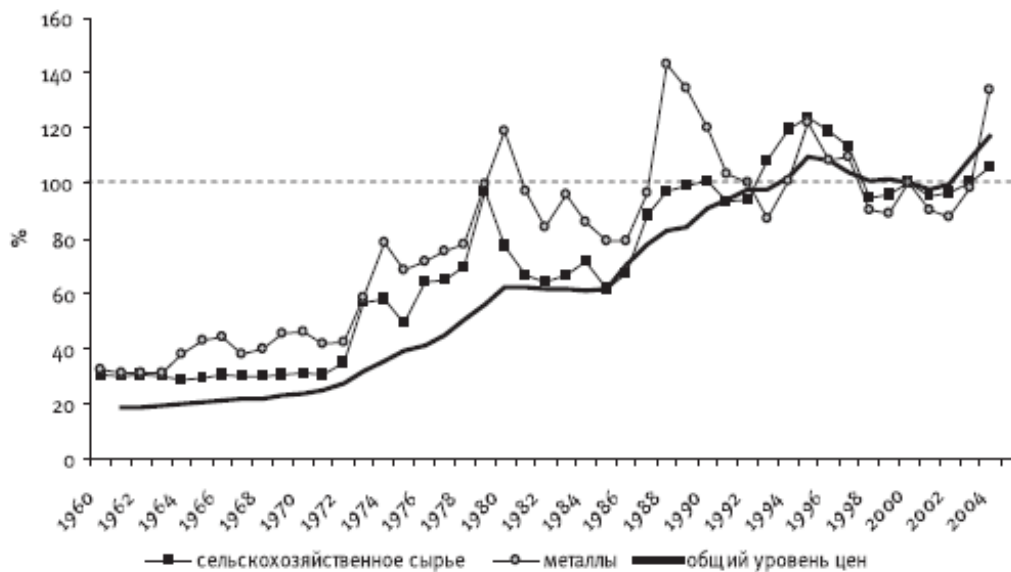

Рис. 3.4. Индексы цен в мировой экономике в целом и на отдельные сырьевые товары (1960–2004 гг.)

Примечание. *Общий уровень цен мировой экономики получен как отношение номинального ВВП к реальному.*

Источник: *Расчет по данным IMFIFS, 2005; World Bank World Development Indicators (далее – WB WDI)*

В краткосрочной перспективе объемы производства сырья слабо зависят от цен мирового рынка. Спрос же на сырьевые товары тесно связан с мировой экономической конъюнктурой. Он повышается при росте темпов развития мировой экономики и сокращается при их замедлении¹⁷⁹. При ограниченной способности сырьевых отраслей наращивать и снижать добычу, цены на сырье колеблются значительно сильнее, чем на продукцию обрабатывающих отраслей. Данные рис. 3.3–3.9 иллюстрируют, насколько сильным оказывается влияние даже незначительного замедления темпов развития мировой экономики на динамику сырьевых цен.

Труднопрогнозируемые изменения мирового климата также оказывают влияние на рынок сырья¹⁸⁰. То, что происходит на сырьевых рынках, сказывается на глобальном развитии. С начала 1970-х гг. изменение цен на нефть оказывает большее влияние на мировую экономику, чем колебания обменных курсов. Богатым ресурсами странам приходится решать проблемы, порожденные резкими и непредсказуемыми колебаниями цен на товары, от экспорта которых зависит финансовое положение страны. Повышение цен на сырьевые ресурсы сказывается на мировом хозяйстве сильнее, чем их понижение¹⁸¹. Впрочем, странам – экспортерам природных ресурсов в условиях падения цен от этого приходится не легче.

Волатильность цен, связанная с мировой конъюнктурой, накладывается на проблемы сырьевых отраслей. Технические открытия, внедрение новых способов производства изменяют объем спроса. Классические примеры тому – массовое внедрение материалов, замеща-

¹⁷⁹ Pritchett L. *Patterns of Economic Growth: Hills, Plateaus, Mountains, and Plains*. Policy Research Working Paper Series № 1947. 1998; Mabro R. *OPEC Behavior 1960–1998: A Review of the Literature* // Journal of Energy Literature. 1998. June. Vol. 4 (1). P. 3–27.

¹⁸⁰ Brunner A. D. *El Nino and World Primary Commodity Prices: Warm Water or Hot Air?* IMF Working Paper, 2000. P. 3.

¹⁸¹ Hamilton J. D. *What Is an Oil Shock?* NBER Working Paper № 7755. 2000.

ющих медь, во второй половине XX в.¹⁸², рост потребности в палладии, обусловленный повышением требований к чистоте выхлопных газов в автомобильной промышленности.

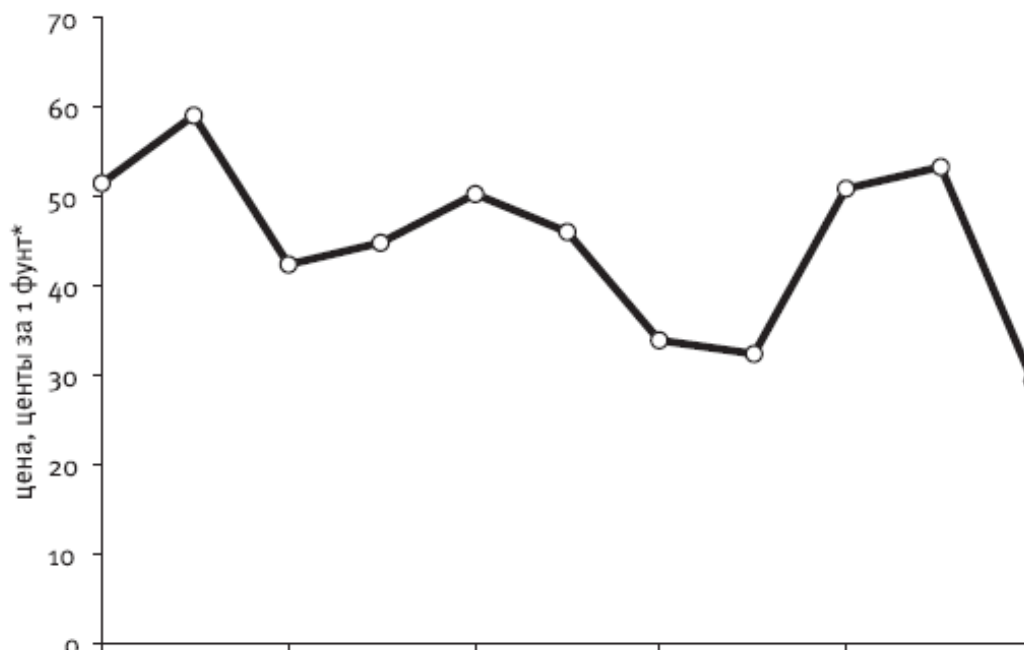

Рис. 3.5. Динамика среднегодовых цен на медь на Лондонской бирже в 1965–1975 гг.

Примечание. В долларах США в постоянных ценах 2957 г.

Источник: Mikesell R. F. *The World Copper Industry. Structure and Economic Analysis*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1979.

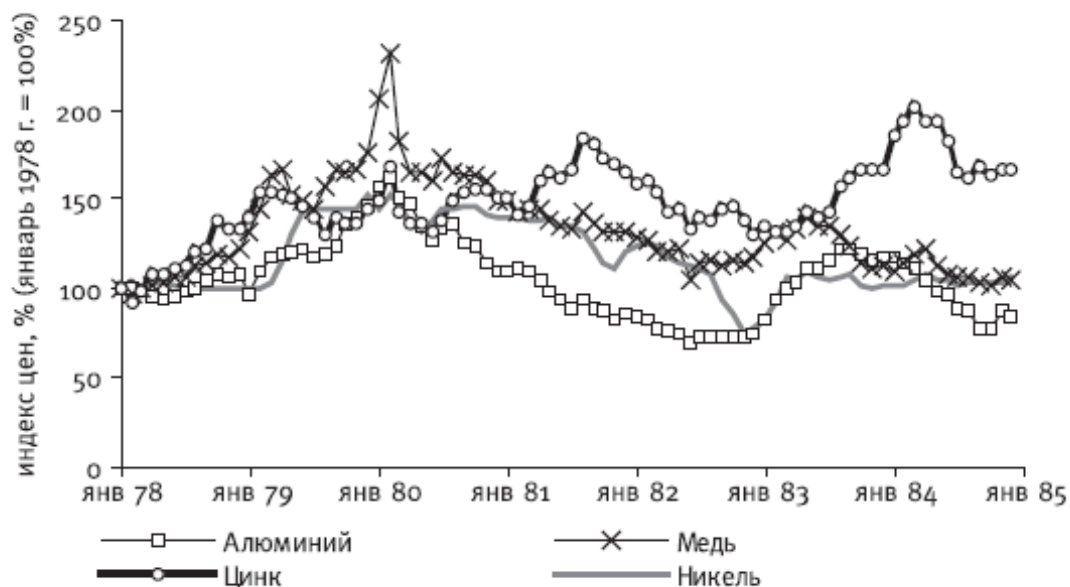

Рис. 3.6. Помесячная динамика текущих цен на цветные металлы на мировом рынке в 1978–1984 гг.

Источник: *International Financial Statistics 2004, IMF*

¹⁸² Falcoff M. *Modern Chile 190-1989: A Critical History*. New Brunswick L.: Transaction Publishers, 1989.

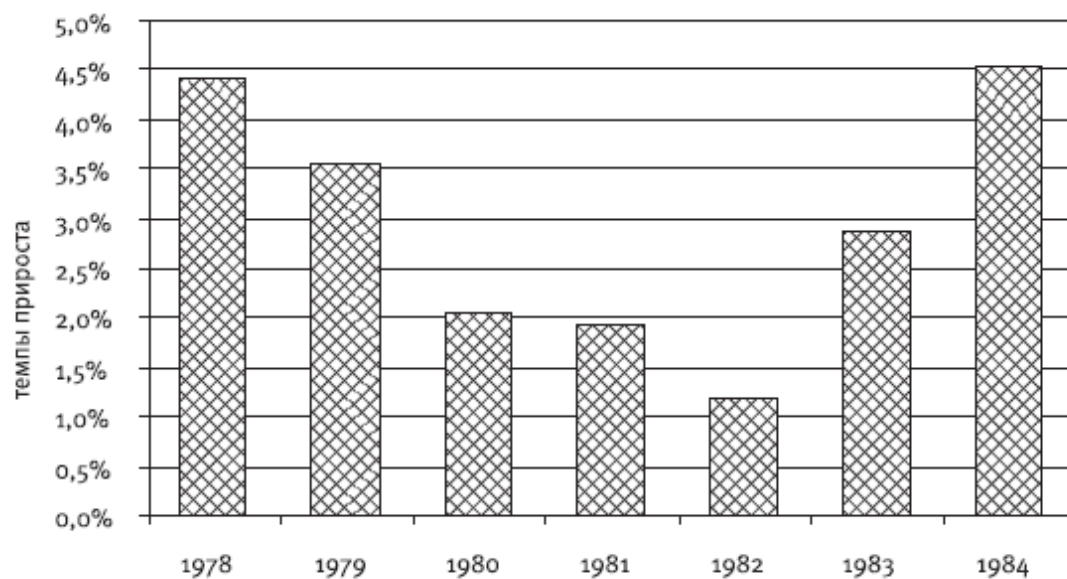

Рис. 3.7. Темпы прироста мировой экономики в 1978–1984 гг.

Источник: расчеты по: Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris: OECD, 2004.

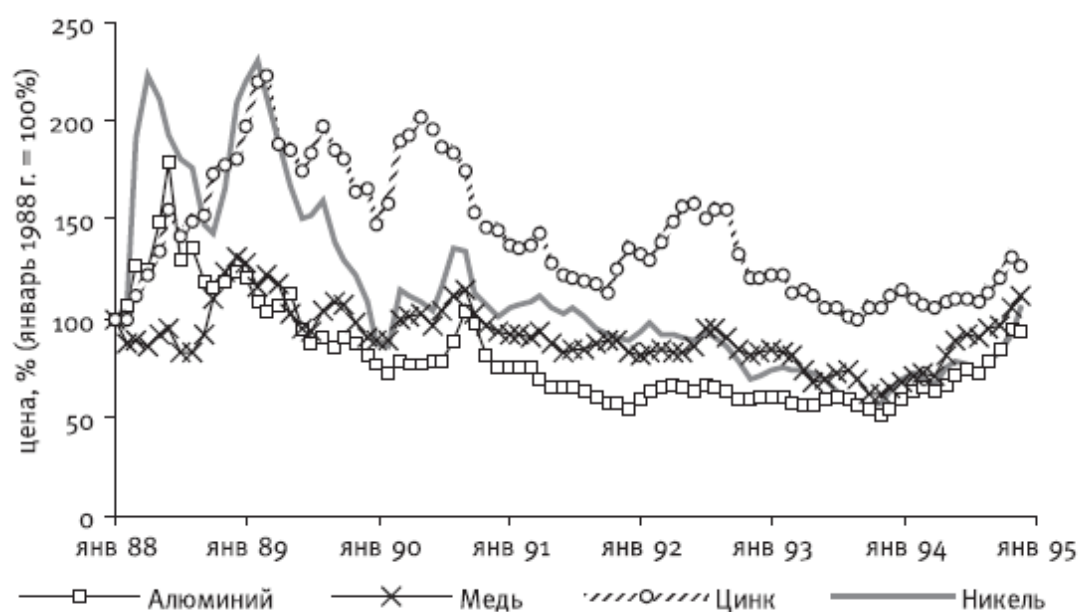

Рис. 3.8. Помесячная динамика текущих цен на цветные металлы на мировом рынке в 1988–1995 гг.

Источник: International Financial Statistics 2004, IMF

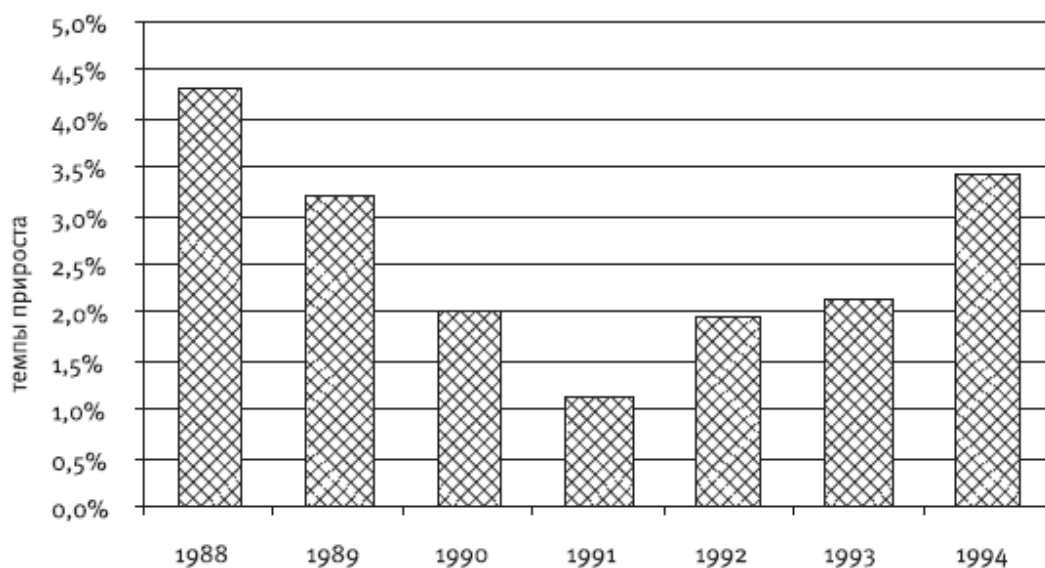

Рис. 3.9. Темпы прироста мировой экономики в 1988–1994 гг.

Источник: *расчеты по: Maddison A. The World Economy: Historical Statistics, OECD, Paris 2004.*

Открытие и ввод в эксплуатацию новых месторождений сырья, имеющих преимущества по условиям добычи по сравнению с существующими, прогнозировать непросто. Отсюда риски падения цен на сырье с началом их разработки. Но мир не застрахован и от того, что такие месторождения на протяжении периода, составляющего десятилетия, не будут открыты, а дефицит ресурсов приведет к долгосрочному росту цен на них.

Еще один фактор нестабильности сырьевых рынков – их зависимость от политики. Характерный пример – развитие событий на рынке меди в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Начало корейской войны, рост потребности военной промышленности США привели к повышению спроса на этот металл. Быстро нарастить его добычу было невозможно. Отсюда скачок цен в начале 1950-х гг. и затем последующее за окончанием войны их снижение.

В 1973 г. – на фоне арабско-израильской войны – цены на нефть выросли в беспрецедентных для предшествующей истории масштабах. Сама война была скорее поводом, чем причиной этого. За предшествующие 10–20 лет радикально изменилась ситуация в мировой нефтяной индустрии. Возможности международных нефтяных компаний регулировать условия работы в отрасли сократились, реальные права нефтедобывающих стран возросли. Кризис 1973 г. сыграл лишь роль спускового крючка в давно заряженном ружье.

Через несколько лет после событий, связанных с арабско-израильской войной 1973 г., на фоне растущих беспорядков в Иране добыча нефти в этой стране упала с 5,5 млн баррелей в день в октябре 1978 г. до 2,4 млн баррелей в день в декабре того же года. В январе после прибытия аятоллы Хомейни в Иран, краха шахского режима добыча нефти снизилась до 500 тыс. баррелей в день¹⁸³. После формирования новых иранских властей и восстановления некоего подобия порядка в апреле – июле 1979 г. добыча стабилизировалась на уровне 3,9 млн баррелей в день, существенно более низком, чем во времена стабильности шахского режима (5,7 млн баррелей в день в 1977 г.¹⁸⁴). Когда в 1980 г. началась ирано-иракская война, обе страны были вынуждены сократить добычу нефти. Цены на нее на мировом рынке многократно выросли.

¹⁸³ Skeet I. *OPEC: Twenty-Five Years of Prices and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P 157,158.

¹⁸⁴ Kanovsky E. *Economic Implications for the Region and World Oil Market* // Karsh E. (ed.). *The Iran-Iraq War: Impact and*

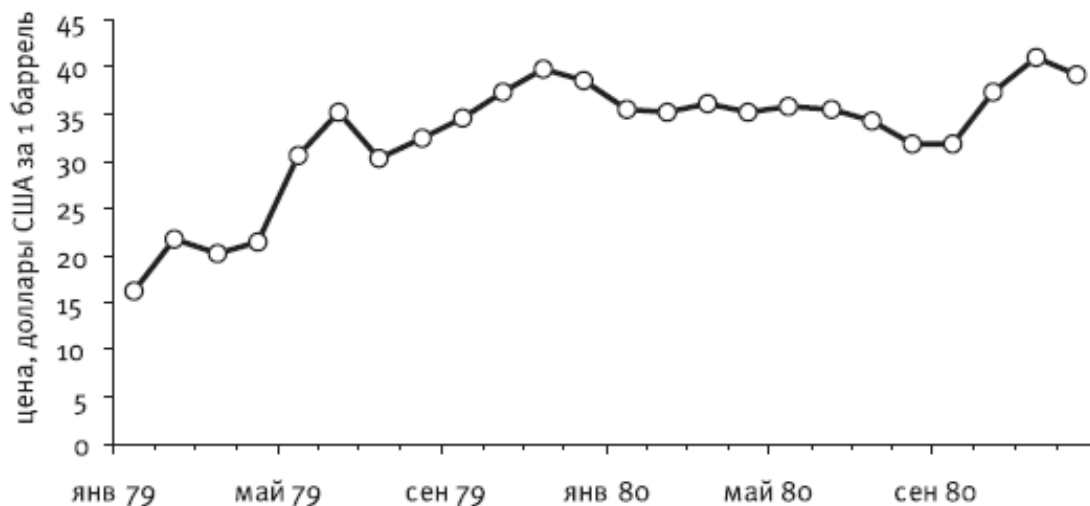

Рис. 3.10. Помесячная динамика текущих цен на нефть на мировом рынке в 1979–1981 гг.

Примечание. Здесь и далее приводятся данные по средневзвешенным ценам на сырую нефть на мировом рынке.

Источник: *International Financial Statistics 2004, IMF.*

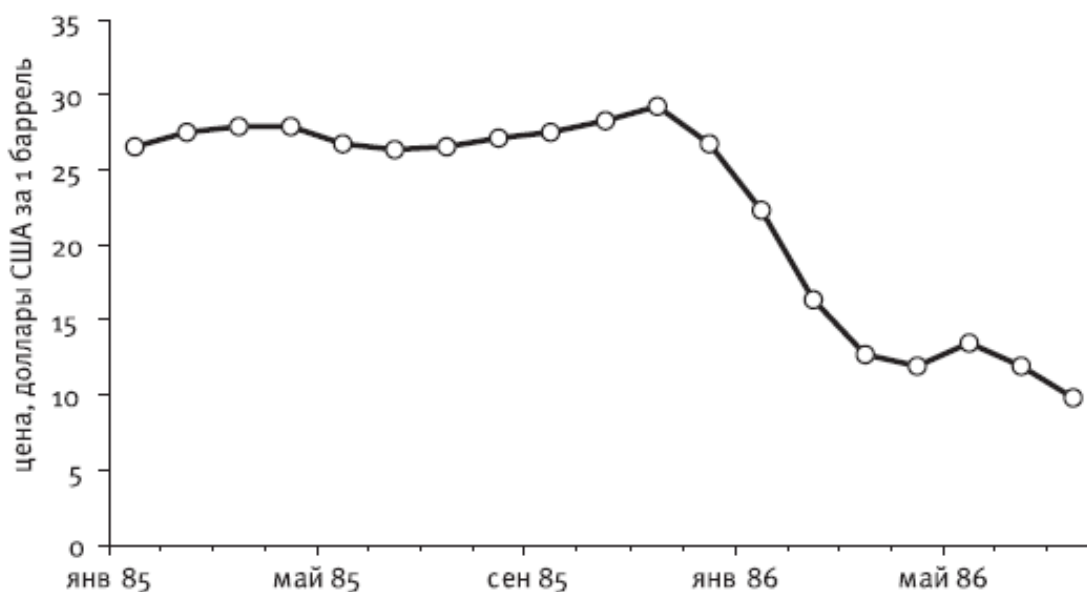

Рис. 3.11. Помесячная динамика текущих цен на нефть на мировом рынке в 1985–1986 гг.

В постоянных ценах 1580 г.

Источник: расчеты по: Hamilton E. J. American Treasure and the Price Revolution in Spain, 1501–1650. Cambridge: Harvard University Press, 1934. P. 34. Индекс цен взят из: Flynn D. O. Fiscal crisis and the decline of Spain (Castile) // *The Journal of Economic History*. 1982. Vol. 42. P. 142.

Многие наблюдатели полагали, что цены вышли на новый уровень и останутся надолго. Эта ошибка дорого стоила нефтедобывающим странам, в числе которых был и СССР. В середине 1980-х гг. стало ясно, что цены 1979–1981 гг. обусловлены преходящим стечением обстоятельств. В 1985–1986 гг. они резко упали (рис. 3.10, 3.11). Предвидеть это в 1980–1981 гг. было непросто.

В тех случаях, когда сырье – ограниченная часть национальной экономики, колебания цен на него создают проблемы для ее отдельных секторов. Но есть немало государств, хозяйство которых сильно зависит от того, что происходит на рынках сырья (см. табл. 3.2).

Таблица 3.2. Доля экспорта нефти в суммарном экспорте некоторых стран-нефтеэкспортеров в 1971–1990 гг. Средние значения по пятилетиям (%)

Страна	1971–1975	1976–1980	1981–1985	1986–1990
Венесуэла	90,9	85,4	81,3	80,9
Иран	77,5	85,0	85,0	92,5
Ирак	91,1	91,4	97,3	89,8
Нигерия	85,6	92,3	95,7	89,5
Мексика	3,7	21,9	55,7	20,5

Источник: *Расчеты по данным из: Salazar-Carrillo J. Oil and Development in Venezuela during the Twentieth Century. Praeger Publishers, Westport, CT, 1994; Mitchell B. R. International Historical Statistics. L: Macmillan Reference LTD., 1998; WD WDI.*

В условиях быстро, непредсказуемо меняющихся цен на сырье даже фундаментальный показатель состояния национальной экономики – душевой валовой внутренний продукт колеблется в необычно широком диапазоне. Влияние нестабильности сырьевого рынка на бюджетные поступления сильнее¹⁸⁵. То, что доходы государства, связанные с повышением цен на нефть, нельзя рассматривать как стабильные, известно. Волатильность нефтяных цен высока, события, не связанные с экономикой, могут радикально изменить их уровень. Отсюда важнейшая задача властей нефтедобывающих стран – не допустить ситуации, когда выполнение бюджетных обязательств, сохранение финансовой стабильности зависит от динамики труднопрогнозируемого параметра, которым никто не может управлять. В условиях благоприятной конъюнктуры расходы бюджета наращивать легко. Когда ситуация на рынке меняется, их непросто сократить.

В диверсифицированных рыночных экономиках, столкнувшихся с финансовым кризисом, стабилизационные программы редко предполагают сокращение бюджетных расходов более чем на 10 % в реальном исчислении. Чтобы реализовать такие программы, необходимо мужество, готовность платить за принятие решений, необходимых для стабилизации национальной экономики. Это предполагает высокую политическую цену. Однако в странах, зависящих от производства и экспорта сырья, при многократном падении рентных доходов возникают проблемы иного масштаба¹⁸⁶.

¹⁸⁵ Jadresic E., Zahler R. *Chile's Rapid Growth in the 1990s: Good Policies, Good Luck or Political Change?* IMF Working Paper WP 00/153. 2000.

¹⁸⁶ Rodrik D. *Why Do More Open Economies Have Bigger Governments?* // The Journal of Political Economy. 1998. Vol. 106 (5). P. 997–1032; Daniel J. A. *Hedging Government Oil Price Risk*. IMF Working Paper, 2001; Washington Post. March 27. 1991.

Когда конъюнктура благоприятна, доступ стран – производителей сырья к международным финансовым рынкам открыт. Они нередко в крупных масштабах привлекают внешние займы, пытаются на этой основе форсировать развитие экономики, начинают осуществлять масштабные инвестиционные проекты. При изменении конъюнктуры кредитные ресурсы, недавно столь доступные, становятся запретительно-дорогими, иногда отсутствуют вовсе. Рефинансировать старые займы за счет новых оказывается невозможно. Возвращать занятые деньги приходится за счет бюджета, доходы которого при падении цен сократились.

В условиях неблагоприятной конъюнктуры богатая ресурсами страна рискует столкнуться с бюджетным кризисом, проблемами платежного баланса и сокращения валютных резервов, невозможностью обслуживания и возвращения внешнего долга. Примеров такого развития событий в экономической истории немало.

Переход от общественных настроений, связанных с высокими ценами на экспортируемое сырье, к жесткой экономии дается нелегко. Нередко он приводит к смене политического режима. Происходит это по-разному: политическая либерализация в Мексике, военный переворот в Нигерии, гражданская война в Алжире, кризис демократии в Венесуэле.

Нефть в этом отношении не уникальна. Медь, динамика цен на которую имеет ключевое значение для Чили, Папуа – Новой Гвинеи, Заира и Замбии, – следующий по объему оборота мирового рынка за нефтью сырьевой ресурс, также преподносит странам, являющимся его экспортерами, немало сюрпризов. Но значение нефти для мировой экономики больше.

§ 3. Специфика рынка нефти

Нефть – необычный товар. При добыче других минеральных ресурсов разница между средней стоимостью добычи в богатых сырьевыми запасами регионах и ценой продажи на мировых рынках – экономическая рента, – как правило, на протяжении длительного периода времени не была столь высокой и устойчивой, как в нефтяной отрасли¹⁸⁷. Обычно на рынках динамика цен и выпуска определяется поведением участников, издержки которых максимальны. Их решение увеличить производство в период высоких цен или сократить его в период низких, когда деятельность становится убыточной, задает уровень цен и объемы производства.

На нефтяном рынке все иначе. Страны, имеющие самые низкие текущие издержки, в последние десятилетия, как правило, принимают на себя роль оператора, готового в условиях неблагоприятной конъюнктуры сокращать добычу, а при благоприятной – ее наращивать¹⁸⁸.

Самое разумное из того, что приходилось слышать автору этих строк о ценах на нефть, – слова профессора А. Крюгер, основанные на богатом опыте и здравом смысле. По ее мнению, когда большинство участников рынка верят в то, что цены на нефть останутся высокими лишь на протяжении короткого периода, они такими и будут. Когда начнет преобладать мнение, что цены вышли на новый устойчивый уровень и теперь на нем удержатся долго, они упадут. Перспектива длительного периода высоких цен стимулирует потребителей снижать потребление. Для производителей становится выгодным наращивать инвестиции и объемы производства. В случае снижения цен на нефть – картина обратная. Долгосрочную динамику нефтяных цен в реальном исчислении демонстрирует *рис. 3.12*.

Рис. 3.12. Динамика цен на сырую нефть в длительной исторической перспективе (1880–2004 гг.)

* В постоянных ценах 2000 г. (Здесь и далее, если не указано иное, перевод в цены 2000 г. произведен с помощью дефлятора ВВП США.)

Источник: расчеты по: *International Financial Statistics 2004, IMF; Energy Efficiency and Renewable Energy Website, US Department of Energy* (<http://www.eere.energy.gov>).

¹⁸⁷ Amuzegar J. *Managing the Oil Wealth: OPEC's Windfalls and Pitfalls*. L.; N. Y.: I. B. Tauris Publishers, 2001. P. 12.

¹⁸⁸ De Santis R. A. *Crude Oil Price Fluctuations and Saudi Arabian Behaviour*. Kiel Working Paper № 1014. October 2000. P. 6.

§ 4. Регулирование нефтяного рынка в XX веке

Рынок нефти в XX в. никогда не был ни вполне свободным, ни жестко регулируемым. Заключенное в 1928 г. в шотландском городе Акнакарри соглашение закрепило раздел рынка между 7 крупнейшими международными вертикальноинтегрированными компаниями (“Стандарт ойл компани оф Нью-Джерси”, “Тексако”, “Ройял датч-Шелл”, “Мобил ойл”, “Галф ойл”, “Бритиш петролеум” и “Компани франсез де петроль”), объединяющими разведку, добычу, переработку и реализацию этого ресурса. Оно на десятилетия определило правила игры в отрасли.

Мир того времени еще живет по законам, характерным для ранних этапов современного экономического роста. Господствует право сильного. “Дипломатия канонерок” позволяет обеспечить доступ к сырьевым ресурсам менее развитых, несостоятельных в военном отношении стран, навязать условия концессий, благоприятные для международных компаний¹⁸⁹. Вертикально-интегрированным корпорациям безразлично, на каком этапе добычи, переработки нефти или реализации нефтепродуктов получать прибыль. Они заинтересованы в увеличении доли на рынке и не слишком заботятся о размере роялти, который получают правительства нефтедобывающих стран. От доходов, мобилизуемых на этапах нефтепереработки и реализации топлива, их финансовые обязательства перед странами, в которых они добывают нефть, не зависят. Отсюда стимулы к тому, чтобы цена сырой нефти оставалась невысокой, а возможно большую часть прибыли приносили нефтепереработка и реализация нефтепродуктов. Практика трансфертного ценообразования, хорошо известная по скандалам 1990-х – начала 2000-х гг. в России, отнюдь не изобретение красных директоров и олигархов. Все это в экономической истории уже было.

В 1950-1960-х гг. нефтяные корпорации соревнуются в том, кто быстрее снизит отпускные цены на нефть по сравнению с согласованным уровнем, предоставит наиболее благоприятные условия дисконта потребителям. На мировой рынок нефти выходит Советский Союз. Он стремится увеличить свою долю в торговле этим ресурсом, практикует демпинг. В контрактах Советского Союза по бартерным поставкам нефти в Западную Европу, в первую очередь в Италию, в 1960-х гг. цены на нефть были примерно наполовину ниже международных справочных. В рамках подобных контрактов определить, объясняется ли разница в цене поддержкой коммунистического движения или же речь идет о чистой воды демпинге, трудно. Но международные нефтяные компании подоплека не слишком интересовала. Само наличие подобной практики – фактор, снижавший цены на нефть¹⁹⁰.

После Второй мировой войны эпоха империй, колониальных и полуколониальных государств, “дипломатии канонерок” уходит в прошлое. То, что было принято век назад, становится невозможным в изменившемся мире. Возврат нефтяных ресурсов Ирана под контроль “Бритиш петролеум”, вынужденной поделиться частью собственности с американцами, – отзвуки уходящей в прошлое эпохи. После провала франко-английской операции в Суэце в 1956 г. становится ясно, что угроза применения силы к нефтедобывающим странам, желающим увеличивать свою долю в доходах от добычи нефти или национализировать ее производство, минимальна. В последующие 15 лет роль правительств нефтедобывающих государств во всем, что касается отрасли, повышается. С 1950-х гг. они шаг за шагом улучшают условия контрактов с международными корпорациями.

Вежа на этом пути – договоренности, достигнутые властями Венесуэлы с нефтяными компаниями о распределении прибыли между ними в соотношении 50:50. Эти условия, о которых

¹⁸⁹ Yergin D. *The Prize. The Epic Quest for Oil, Money, and Power*. N. Y.: Simon and Schuster, 1992.

¹⁹⁰ Amuzegar J. *Managing the Oil Wealth: OPEC's Windfalls and Pitfalls*. L.; N. Y.: I. B. Tauris Publishers, 2001. P. 24.

венесуэльское руководство в неформальном порядке проинформировало другие нефтедобывающие государства, с течением времени становятся общепринятыми¹⁹¹.

Странам, располагающим нефтяными ресурсами, было необходимо вырабатывать общую позицию в диалоге с международными корпорациями, обмениваться опытом, который позволял оценить происходящее в нефтедобыче и на рынке нефти. Это создает предпосылки создания ОПЕК – организации, позволившей расширить диалог, институционализировать взаимодействие, координировать усилия. ОПЕК была создана в сентябре 1960 г. представителями Ирана, Ирака, Кувейта, Саудовской Аравии и Венесуэлы. Катар присоединился к ней в 1961 г., Индонезия и Ливия – в 1962 г., Арабские Эмираты – в 1967 г., Алжир – в 1969 г., Нигерия – в 1971 г., Эквадор – в 1973 г., Габон – в 1974 г. В первые годы своего существования ОПЕК была консультативной организацией. Переговоров с нефтедобывающими компаниями от своего имени она не вела.

Соглашения, достигнутые государствами – членами ОПЕК, направленные на улучшение условий контрактов, предполагали согласование изменения экспортных цен с правительствами нефтедобывающих стран, расширение масштабов нефтепереработки, создание национальных компаний¹⁹². В 1968 г. ОПЕК приняла “Направляющие принципы нефтяной политики”. Организация требовала участия государств в собственности добывающих компаний, возможности осуществлять геологоразведку и нефтедобычу, контролировать декларируемые цены. Принятые в 1970–1973 гг. меры, направленные на осуществление этих принципов, перераспределили баланс сил в нефтяной отрасли¹⁹³. Уже в конце 1960-х гг. страны ОПЕК добились, чтобы нефтедобывающие компании не снижали цены на нефть по отношению к официально декларируемым¹⁹⁴.

Уровень цен, сложившийся в начале 1970-х гг., был по историческим меркам низким, отражал ушедшее в прошлое соотношение сил в отрасли¹⁹⁵. К началу 1970-х гг. запасы нефти в США сократились, спрос американской экономики на импортную нефть вырос. Америка больше не могла регулировать мировой рынок нефти. С марта 1971 г. в США для добычи этого ресурса использовалось 100 % наличных мощностей¹⁹⁶. Между 1967 и 1973 гг. доля импорта в объеме потребляемой США нефти возросла с 19 до 36 %¹⁹⁷. В апреле 1973 г. правительство Соединенных Штатов отменило систему квотирования импорта нефти¹⁹⁸. Превращение Соединенных Штатов в нетто-импортера нефти усилило позицию стран-производителей¹⁹⁹.

Важнейшим фактором, определившим развитие сырьевых рынков, явилось ослабление денежной политики США. Страна в 1960-х гг. приняла на себя масштабные обязательства по социальным программам и одновременно была вынуждена финансировать расходы, связанные

¹⁹¹ Amuzegar J. *Managing the Oil Wealth: OPEC's Windfalls and Pitfalls*. L.; N. Y.: I. B. Tauris Publishers, 2001. P. 25.

¹⁹² Skeet I. *OPEC: Twenty-Five Years of Prices and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988; Андреасян Р. Н. *Нефть и арабские страны в 1973–1983 гг. Экономический и социальный анализ*. М.: Наука, 1990. С. 80.

¹⁹³ Penrose E. *Oil and the International Economy: Multinational Aspects, 1900-1973* // Ferrier R.W., Fursenko A. (eds.). *Oil in the World Economy*. L.; N. Y.: Routledge, 1989. P. 14.

¹⁹⁴ Amuzegar J. *Managing the Oil Wealth: OPEC's Windfalls and Pitfalls*. P. 28.

¹⁹⁵ С 1869 г. средние многолетние цены на нефть в ценах 2004 г. составляли 18 долл. 59 центов (в ценах 2000 г. – 18,43 долл.) за баррель. Цена на нефть, равнявшаяся в 1958 г. 16 долл. за баррель (в долларах 2004 г.), составляла к 1970 г. менее 13 долл. (в ценах 2000 г. – 15 и 12 долл. соответственно) за баррель. (См.: Oil Price History and Analysis. 2004. <http://www.wtrg.com/prices.htm>)

¹⁹⁶ Yergin D. *The Prize. The Epic Quest for Oil, Money, and Power*. P. 567.

¹⁹⁷ Darmstadter J., Landsberg H. H. *The Economic Background* // Vernon R. (ed.). *The Oil Crisis*. New York: Norton, 1976. P. 31.

¹⁹⁸ Skeet I. *OPEC: Twenty-Five Years of Prices and Politics*. P. 86.

¹⁹⁹ Rybczynski T. M., Ray G. F. *Historical Background to the World Energy Crisis* // Rybczynski T. M. (ed.). *The Economics of the Oil Crisis*. L.: The Macmillan Press / Trade Policy Research Centre, 1976. P. 2.

с вьетнамской войной. Это изменило мировую конъюнктуру. Рост цен на сырьевые товары начался до повышения цен на нефть в 1973 г.²⁰⁰.

17 октября 1973 г. арабские страны – экспортеры нефти договорились о сокращении объема ее добычи и экспорта. Саудовская Аравия, крупнейший производитель в арабском мире, объявила, что снижает добычу на 10 %, вводит эмбарго на поставки нефти в Соединенные Штаты Америки. 22 ноября 1973 г. власти страны предупредили: в случае, если США не откажутся от поддержки Израиля, они готовы сократить добычу на 80 %, а при попытке Америки применить силу, нефтяные месторождения будут взорваны²⁰¹. Резкое повышение цен на нефть по отношению к аномально низкому их уровню в 1960-х – начале 1970-х гг. стало свершившимся фактом.

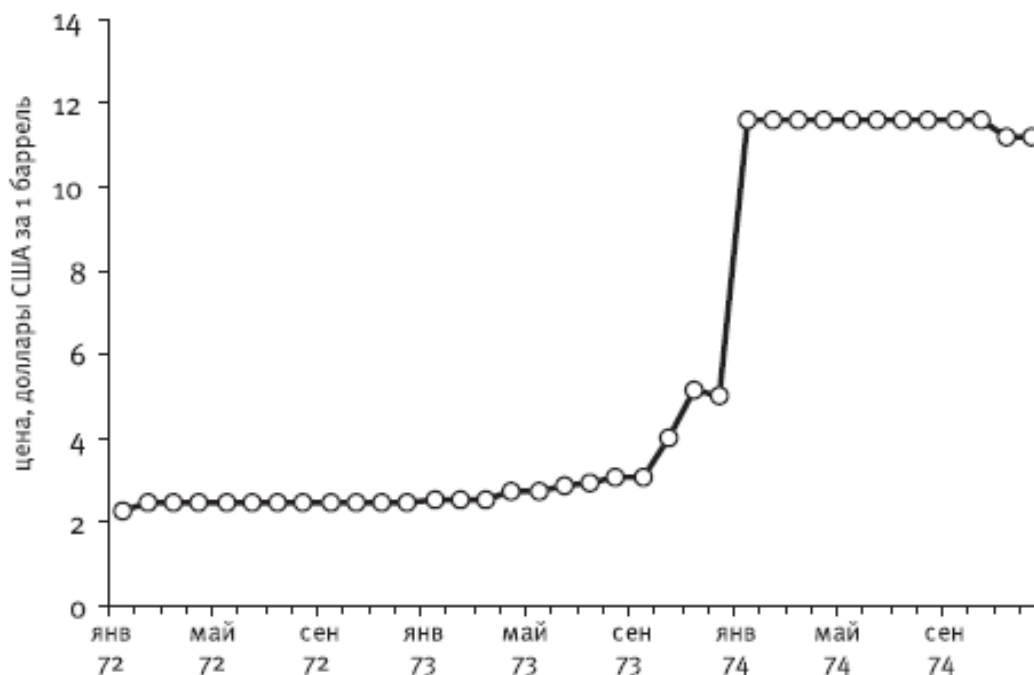

Рис. 3.13. Динамика среднемесячных цен на нефть на мировом рынке в 1972–1974 гг.

Примечание. В пересчете в доллары 2000 г. цена на нефть в 19/2 г. составляла 8 долл. 8 центов за баррель.

Источник: *International Financial Statistics 2004, IMF.*

Между 1970 и 1974 гг. доходы стран ОПЕК от экспорта нефти выросли в и раз. Как писал один из министров финансов ОПЕК, нефтедобывающие страны получили денег в эти годы больше, чем могли представить себе в счастливых мечтах. Экспортные доходы Ирака, связанные с нефтью, выросли с 1 млрд долл. в 1972 г. до 33 млрд долл. в месяц, предшествовавший наступлению ирако-иранской войны (в годовом исчислении)²⁰². Поток нефтедолларов в странах-экспортерах породил надежды на устойчивый рост благосостояния, веру в достижимость мечты о национальном величии. Лидеры нефтедобывающих стран полагали, что они смогут за счет доходов от нефти профинансировать развитие других отраслей²⁰³.

²⁰⁰ Barsky R. B., Lutz K. *Do We Really Know that Oil Caused the Great Stagflation? A Monetary Alternative*. NBER Working Paper № 8389. July 2001. P. 5, 14.

²⁰¹ Sobel L. A. (ed.). *Energy Crisis*. Vol. 1. 1969–1973. N. Y.: Facts on File, Inc., 1974. P. 199–206.

²⁰² Kanovsky E. *Economic Implications for the Region and World Oil Market* // Karsh E. (ed.). *The Iran-Iraq War: Impact and Implications*. L.: MacMillan Press, 1989. P. 231.

²⁰³ Terry Lynn Karl. *The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States*. Berkeley: University of California Press, 1997.

На 1973–1981 гг. приходится высшая точка влияния ОПЕК. В это время многим аналитикам казалось, что возможности организации регулировать объем нефтедобычи, цены на этот ресурс безграничны, дальнейшее удорожание углеводородов неизбежно ²⁰⁴.

Таблица 3.3. Динамика энергоемкости ВВП Германии, Японии, Великобритании, Франции и США в 1975 – 1985 гг– (изменения в % к предыдущему году)

Год	Франция	Германия	Япония	Велико- британия	США
1971	0,1	...	0,1	–0,2	–1,1
1972	1,2	–0,4	–1,4	–2,7	–0,6
1973	2,1	1,2	3,9	–3,2	–2,0
1974	–6,1	–2,3	1,7	–2,5	–1,8
1975	–5,1	–3,5	–8,0	–4,4	–2,0
1976	2,2	2,7	2,1	–0,7	1,3
1977	–4,9	–2,7	–2,5	–0,3	–1,2
1978	1,8	0,4	–4,3	–3,6	–2,7
1979	0,8	0,3	0,2	2,3	–3,3
1980	–1,8	–3,7	–5,0	–6,6	–3,5
1981	–3,4	–3,5	–5,3	–2,1	–5,2
1982	–4,9	–2,6	–2,5	–2,3	–2,2
1983	1,1	–1,5	–1,5	–3,6	–4,2
1984	1,9	1,0	4,3	–2,6	–2,7
1985	3,5	1,0	–4,7	2,1	–2,9

Источник: *Расчет по данным WB WDI.*

Страны – потребители нефти, столкнувшиеся с 1973 г. с резким повышением цен на нефть, связанным с этим ускорением инфляции, замедлением экономического роста, начинают снижать энергоемкость производства и потребления (см. табл. 3.3).

Доля ОПЕК в мировой торговле нефтью сокращается. Возросшие цены стимулируют разведку труднодоступных месторождений. ОПЕК не имеет действенных механизмов, позволяющих применять санкции к ее членам, наращивающим добычу сверх согласованного максимума.

Замедление мирового развития в 1981–1982 гг. сокращает спрос на нефть (см. табл. 3.4). Это накладывается на неустойчивость спекулятивного роста цен на этот ресурс в связи с началом ирано-иракской войны. Впервые с 1973 г. ОПЕК сталкивается с непростым выбором. Если его члены будут продолжать наращивать добычу нефти, то цены рухнут. Чтобы поддержать уровень цен, необходимо сократить объем производства. Но это означает снижение доли ОПЕК на мировом рынке. Компании, не связанные с ОПЕК, используют проблемы картеля, чтобы увеличить свою долю в мировой торговле нефтью (см. табл. 3.3 и 3.6). 17 февраля 1983 г. Британская национальная нефтяная компания снижает цены на нефть, добытую в Северном море, на 3 долл. за баррель. Нигерия – член ОПЕК, нефть которой конкурирует

²⁰⁴ Андреасян Р. Н. *Нефть и арабские страны в 1973–1983 гг. Экономический и социальный анализ.* М.: Наука, 1990. С. 124–130.

с английской и норвежской, вынуждена последовать за ними. СССР также присоединяется к гонке в снижении цен на нефть.

Прекращение войны между Ираном и Ираком, их стремление восстановить долю рынка, принадлежавшую им в середине 1970-х гг. и сократившуюся во время военных действий, – все это стало фактором, спровоцировавшим ценовую войну 1985–1986 гг.

Таблица 3.4. Потребление нефти на единицу ВВП в Германии, Японии, Великобритании, Франции и США в 1970–1985 гг. (баррелей на тыс. долл.)

Год	Франция	Германия	Япония	Велико-британия	США
1970	1,15	...	0,77	1,06	1,44
1975	1,13	1,03	0,75	0,87	1,39
1980	0,97	0,91	0,65	0,72	1,21
1985	0,69	0,74	0,50	0,61	0,96

Источник: U. S. Energy Information Administration <http://www.eia.doe.gov/emeu/international/petroleum.html>. WB WDI.

Таблица 3.5. Добыча нефти в Великобритании, Норвегии, Мексике в 1973–1985 гг. (тыс. баррелей в день)

Год	Великобритания	Норвегия	Мексика
1973	2	32	465
1974	2	35	571
1975	12	189	705
1976	245	279	831
1977	768	280	981
1978	1082	356	1209
1979	1568	403	1461
1980	1622	528	1936
1981	1811	501	2313
1982	2065	520	2748
1983	2291	614	2689
1984	2480	697	2780
1985	2530	788	2745

Источник: U.S. Energy Information Administration <http://www.eia.doe.gov/emeu/international/petroleum.html>

Год	Доля ОПЕК в мировой добыче нефти, %	Доля ОПЕК в мировом экспорте нефти, %
1973	55,4	86,1
1975	50,5	83,3
1980	44,4	75,6
1985	28,5	51,2

Таблица 3.6. Доля стран – членов ОПЕК в мировой добыче и торговле нефтью в 1973–1985 гг.

Источник: *OPEC Annual Statistical Bulletin 2004. OPEC, 2005. P. 22, 34.*

Саудовская Аравия обладает самыми большими запасами нефти. Себестоимость добычи низкая. В 1981–1985 гг., когда выясняется, что уровень, на который цены вышли в 1979–1981 гг., нестабилен, эта страна становится главным оператором рынка: она готова сокращать производство, чтобы удержать цены, компенсировать этим превышение квот другими членами ОПЕК, снижение мирового спроса, повышение добычи в странах, не входящих в ОПЕК.

Несмотря на это, цены на нефть с I квартала 1981 г. снижаются. Сначала этот процесс идет медленно. Цена составляла 31 долл. 76 центов в 1982 г., 28 долл. 67 центов в 1983 г. К 1984–1985 гг. она снизилась до 27 долл. (в текущих ценах)²⁰⁵. К 1985 г. Саудовская Аравия сократила производство нефти до 2,5 млн баррелей в день. Это почти в 4 раза меньше уровня 1981 г.²⁰⁶.

В марте 1983 г. ОПЕК решает снизить официальную цену на нефть с 34 до 29 долл. за баррель. Оценка реальной рыночной стоимости нефти в 1983–1985 гг. из-за колебания курсов ведущих мировых валют затруднена. С 1983 г. цена этого ресурса в долларовом выражении падает, но в европейских валютах остается стабильной²⁰⁷. С начала 1985 г. падение цен на нефть становится очевидным фактом, определяющим развитие мировой экономики.

²⁰⁵ Dowling E.T., Hilton F. G. *Oil in the 1980s: An OECD Perspective* // Shojai S., Katz B. S. (eds.). *The Oil Market in the 1980s: A Decade of Decline*. N. Y: Praeger, 1992. P. 74.

²⁰⁶ Yousaf Hasan J. Mohammad. *OPEC Strategies for the Monopoly Oil Profits* // Shojai S., Katz B. S. (eds.). *The Oil Market in the 1980s: A Decade of Decline*. P. 37; Wickham P. *Volatility of Oil Prices*. IMF Working Paper, 1996.

²⁰⁷ Se-Hark Park. *Falling Oil Prices and Exchange Rate Fluctuation* // Shojai S., Katz B. S. (eds.). *The Oil Market in the 1980s: A Decade of Decline*. P. 6.

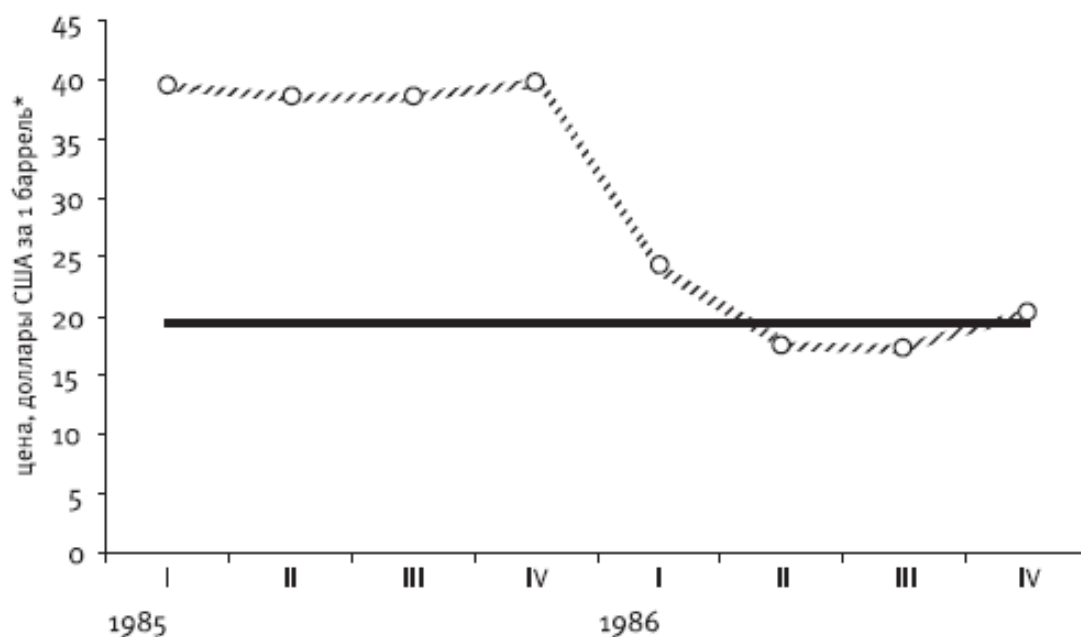

Рис. 3.14. Поквартальная динамика цены на нефть в 1985–1986 гг. на фоне среднего исторического уровня

* Цены приведены к постоянному уровню 2000 г.

Источник: *International Financial Statistics 2004*.

13 сентября 1985 г. министр нефтяной промышленности Саудовской Аравии Ямани объявил, что его страна не готова дальше сокращать добычу нефти и будет наращивать ее производство²⁰⁸. Увеличение добычи нефти в Саудовской Аравии в 1985–1986 гг. более чем вдвое радикально меняет ситуацию на рынке. Нефтедобывающие страны соревнуются, кто быстрее снизит цены, чтобы сохранить свою долю на рынке (рис. у 14).

В 1986 г. цены снижаются до беспрецедентно низкого для предшествующего десятилетия уровня – менее 10 долл. за баррель в текущих ценах²⁰⁹. Между 1980 и 1986 гг. доходы от добычи нефти (в реальном исчислении) у Венесуэлы сократились на 64,5 %, у Индонезии – на 76,1 %. Нефтедобывающим странам пришлось резко снизить государственные расходы²¹⁰.

К концу 1986 г. страны – члены ОПЕК понимают, что договоренность о соблюдении дисциплины цен и уровней добычи необходима, альтернатива этому – крах их экономики. На рынке восстанавливается подобие порядка. В декабре 1986 г. ОПЕК принимает решение о беспрецедентном сокращении добычи нефти, целью которого является восстановление цен. Добыча снижается до 15,8 млн баррелей в день²¹¹. Это самый низкий уровень в истории организации. В конце 1980-х гг. цены на нефть приближаются к средним многолетним. Однако высшая точка влияния ОПЕК, как ранее пик влияния международных нефтяных корпораций, позади. С этого времени структуры, способной определить, что будет происходить на нефтяном рынке, не существует. Цены колеблются в широком диапазоне (см. табл. 3.7).

До 2000 г. резкие падения и повышения цен, связанные с политическими событиями (война в Персидском заливе) и финансовыми потрясениями (кризис в Юго-Восточной Азии),

²⁰⁸ Skeet I. *OPEC: Twenty-Five Years of Prices and Politics*. P. 207, 208.

²⁰⁹ Shojai S., Katz B. S. (eds.). *The Oil Market in the 1980s: A Decade of Decline*. N. Y: Praeger, 1992. P. XIII.

²¹⁰ Terry Lynn Karl. *The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States*. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 32.

²¹¹ Amuzegar J. *Managing the Oil Wealth: OPEC's Windfalls and Pitfalls*. P. 13.

приводят лишь к краткосрочным отклонениям от среднего многолетнего уровня (рис. 3. 15 и 3. 16).

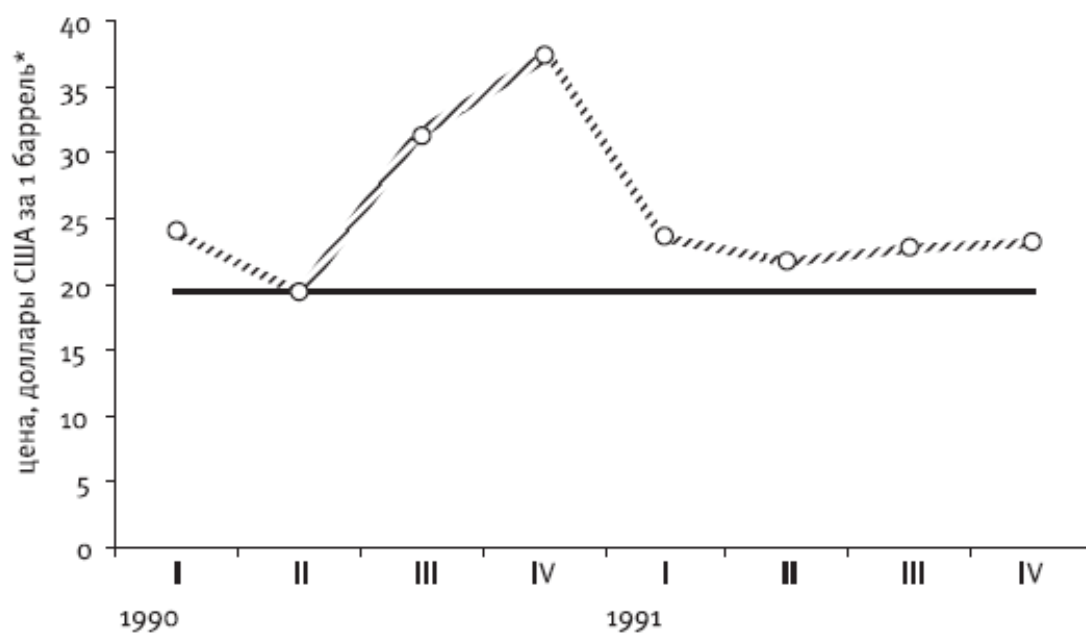

Рис. 3.15. Поквартальная динамика цены на нефть в 1990–1991 гг. на фоне среднего исторического уровня

* В постоянных ценах 2000 г.

Источник: *International Financial Statistics 2004.*

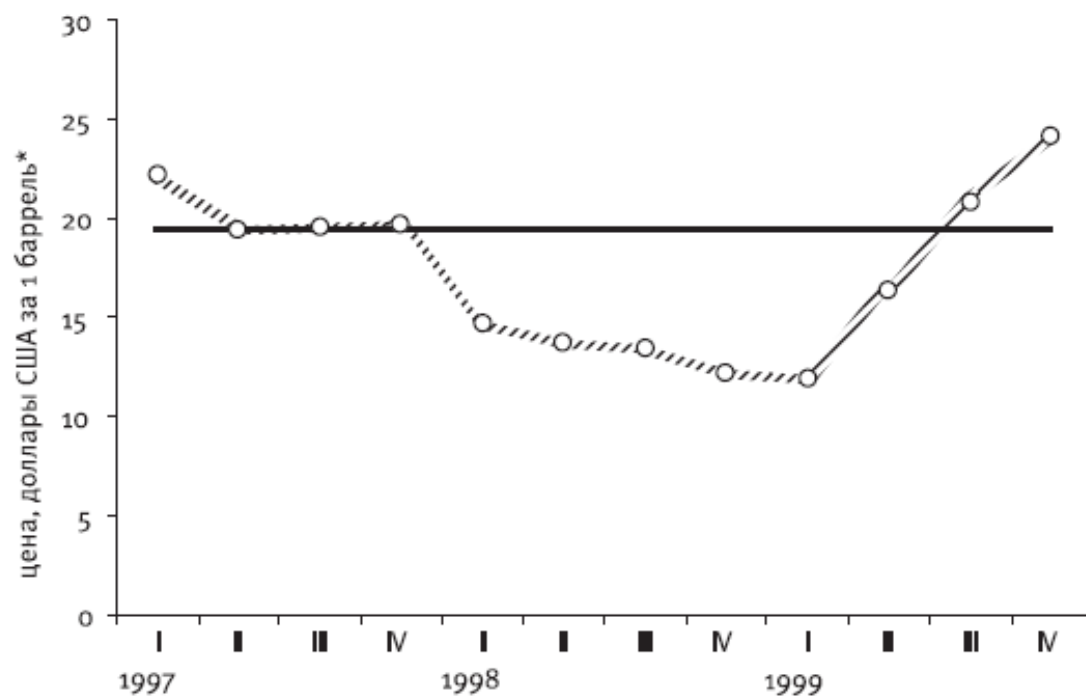

Рис. 3.16. Поквартальная динамика цены на нефть в 1997–1999 гг. на фоне среднего исторического уровня

Таблица 3.7. Динамика мировых цен на нефть в 1986–2005 гг. (долл. за 1 баррель²¹²)

Год	Средняя цена
1986	19,9
1987	24,9
1988	19,5
1989	22,8
1990	28,2
1991	22,9
1992	22,0
1993	19,0
1994	17,7
1995	18,7
1996	21,7
1997	20,2
1998	13,6
1999	18,4
2000	28,2
2001	23,8
2002	24,0
2003	27,3
2004	34,6
2005 I кв.	41,6
2005 II кв.	45,5

* В постоянных ценах 2000 г.

Источник: *International Financial Statistics 2005, IMF.*

²¹² В постоянных ценах 2000 г. Источник: *International Financial Statistics 2004.*

§ 5. Вызовы, связанные с колебанием цен на сырьевые товары: Мексика и Венесуэла

Развитие событий в Мексике и Венесуэле с начала 1970-х гг. иллюстрирует проблемы, с которыми сталкиваются нефтедобывающие страны в условиях колеблющихся нефтяных доходов. Венесуэла и Мексика в то время – государства с уровнем душевого ВВП, сопоставимым с показателями, достигнутыми в СССР в эти же годы, в первой больше, во второй меньше (см. табл. 3.8).

Таблица 3.8. ВВП на душу населения в Мексике, Венесуэле и СССР в 1970 г.

Страна	ВВП на душу населения, в международных долларах в ценах 1990 г.
Венесуэла	10672
Мексика	4320
СССР	5575

Источник: *Расчеты по:* Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris: OECD, 2004.

В мексиканской экономике 1970 г. нефть – важная составляющая структуры народного хозяйства в начале XX в. – ключевой роли еще не играла. Добыча нефти составляла около 70 млн баррелей в день. Экономический рост 1950–1970-х гг. с нефтью связан не был. Венесуэла в начале 1970-х – одна из крупнейших нефтедобывающих стран мира. Для платежного баланса, бюджета доходы от нефти принципиально важны. Но и здесь на протяжении десятилетий, предшествующих скачку цен 1973–1981 гг., производство в секторах, не связанных с нефтью, быстро росло.

Мексика на протяжении десятилетий была политически закрытой демократией. Венесуэла до начала 1990-х гг. – одна из немногих стабильных демократий в Латинской Америке. И в той и в другой стране министерства финансов имели репутацию высокопрофессиональных институтов. В течение многих лет ими руководили люди, понимающие риски, связанные с непредсказуемостью цен на сырьевые ресурсы.

Скачок цен на нефть в 1973–1974 гг. совпал с открытием новых крупных месторождений в Мексике²¹³. Со второй половины 1970-х гг. резко растут и объемы добычи нефти, и связанные с ними доходы бюджета (см. табл. 3.9). К 1970 г. нефтяной сектор производил 2,5 % ВВП Мексики и обеспечивал федеральному правительству 3,5 % его доходов. К 1983 г. доля этого сектора в ВВП возросла до 14 %²¹⁴. В 1974 г. доля нефти в доходах от внешней торговли Мексики составляла примерно 0,5 %, в 1980 г. нефть и газ обеспечивали уже 67,3 % экспортных поступлений страны. Доля обрабатывающих отраслей в экспорте сократилась до 16,5 %²¹⁵.

²¹³ Нефтяные запасы Мексики в 1970 г. оценивались в 4 млрд баррелей, в 1982 г. – 57 млрд. (См.: Dowling E.T., Hilton F. G. *Oil in the 1980s: An OECD Perspective* // Shojai S., Katz B. S. (eds.). *The Oil Market in the 1980s: A Decade of Decline*. P 76.) О резком росте объема доказанных запасов нефти в Мексике в 1976–1980 гг. см. также: B oilio F. J. P. *Petroleum and Political Change in Mexico* // *Latin America Perspectives*. Issue 32.1982. Vol. 9 (1). P. 65–78.

²¹⁴ Everhart S., Duval-Hernandez R. *Management of Oil Windfalls in Mexico. Historical Experience and Policy Options for the Future*. Policy Research Working Paper № 2592. April 2001. P. 2.

²¹⁵ Looney R. E. *Economic Policymaking in Mexico: Factors Underlying the 1982 Crisis*. Durham: Duke University Press, 1985. P. 40.

Таблица 3.9. Динамика добычи нефти и ее доля в государственных доходах Мексики в 1975–1985 гг.

	1975	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985
Среднегодовая добыча нефти, тыс. баррелей в день	705	831	981	1209	1461	1936	2313	2748	2689	2780	2745
Доля нефтяных доходов в суммарных доходах бюджета, %	14	14	15	17	21	27	31	40	51	48	44

Источник: *EIA International Petroleum Monthly* (<http://www.eia.doe.gov/emeu/ipstr/supply.html>), Auty R. M. (ed.). *Resource Abundance and Economic Development*. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Рост доходов, поступающих от нефтяного экспорта, накладывается на кризис модели импортозамещающей индустриализации, замедление роста мексиканской экономики в первой половине 1970-х гг. Пришедший к власти в 1976 г. президент Мексики Л. Портильо решает использовать поступившие в распоряжение правительства финансовые ресурсы, чтобы подстегнуть развитие национальной экономики²¹⁶. Начинается реализация набора масштабных инвестиционных проектов. Многие из них – при ограниченных возможностях эффективно использовать нефтяные деньги, низком качестве государственного аппарата – оказываются либо незавершенными, либо малоэффективными²¹⁷.

Доля государственных расходов в ВВП, составлявшая в конце 1960-х гг. 20 %, к 1982 г. приближается к 50 %. Темпы роста инвестиций, финансируемых за счет добычи нефти и внешних займов, в 1978–1981 гг. составляют примерно 20 %, роста ВВП – 8,4 % г. Если бы такая экономическая политика была устойчивой, этого было бы достаточно, чтобы удвоить ВВП за 10 лет. Опыт еще раз показал, что попытки подстегнуть темпы роста, используя средства, опасные для долгосрочного устойчивого развития, дорого обходятся и экономике, и обществу.

Правительство наращивает внешний долг. Кредиторы, убежденные в том, что высокие цены на нефть – гарантия сохранности вложений, предоставляют займы. В 1981 г. внешний долг государственного сектора Мексики достиг 40 млрд долл., частного сектора – 20 млрд долл.²¹⁸.

К началу 1980-х гг. доходы Мексики от добычи нефти составляли примерно 20 % ВВП страны. Руководство страны было убеждено в том, что повышение нефтяных цен в 1979–1981 гг. отражает долгосрочные тенденции развития, их уровень не будет снижаться на протяжении многих лет²¹⁹.

²¹⁶ Guzman O. *PEMEX's Finances* // Guzman O., Gutierrez R. (eds.). *Energy Policy in Mexico*. Boulder: Westview Press, 1988.

²¹⁷ Tornell A., Lane P. *Are Windfalls a Curse? A Non-Representative Agent Model of the Current Account and Fiscal Policy*. NBER Working Paper № 4839, 1994. О связи ресурсной ренты, режима закрытой демократии и высокого уровня коррупции в Мексике см.: Davies E.G. *The Mexican Experience* // Shojai S., Katz B. S. (eds.). *The Oil Market in the 1980s: A Decade of Decline*. P. 45.

²¹⁸ Looney R. E. *Economic Policymaking in Mexico: Factors Underlying the 1982 Crisis*. Durham: Duke University Press, 1985. P. 49.

²¹⁹ Auty R. M. *Large Resource-Abundant Countries Squander their Size Advantage: Mexico and Argentina* // Auty R. M. (ed.). *Resource Abundance and Economic Development*. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 208–223, 218; Gelb A. H. and Associates.

В 1981 г. правительство Мексики приняло решение перейти к еще более агрессивной финансовой политике. В ее основе было предположение, что рост доходов от добычи и экспорта нефти в среднесрочной перспективе составит 12 % в год²²⁰.

Как нередко бывает, такое решение принимается в самое неподходящее время.

В 1981–1982 гг. конъюнктура меняется. Рост цен на нефть приостановился. Усилия властей США, направленные на сдерживание инфляции, повышение процентной ставки, увеличивают стоимость обслуживания внешнего долга во всем мире, в том числе в Мексике. Неуверенность в возможности возврата национального долга стимулирует отток капитала. В феврале 1982 г. мексиканское правительство было вынуждено на 70 % девальвировать песо. Это усугубило проблемы, связанные с платежами по внешнему долгу. Власти предпринимают ряд опасных шагов: вводят систему двойного валютного курса, отказываются возвращать взятые кредиты, ужесточают контроль за движением валюты, национализируют банки. Все это происходит на фоне снижения нефтяных цен²²¹.

С 1983 г. правительство пытается стабилизировать финансы, останавливает незавершенные инвестиционные проекты, повышает налоги, сокращает бюджетные обязательства. А тем временем цены на нефть опускаются все ниже. Отсюда череда начатых и незавершенных стабилизационных программ, остановка экономического роста. Среднегодовые темпы роста душевого ВВП в Мексике 1980-х гг. находились в области отрицательных значений (-0,54 %) ²²².

Накануне открытия новых нефтяных месторождений Мексика – страна с интегрированной в глобальный финансовый мир рыночной экономикой. Последствия авантюрной политики Л. Портильо сказались быстро. Власти сумели сохранить политическую стабильность, но кризис 1980-х гг. стал важнейшим фактором, сделавшим сохранение режима закрытой демократии в Мексике невозможным.

Власти Венесуэлы, на протяжении десятилетий имевшие дело с нефтяным рынком, инициировавшие формирование ОПЕК, создавшие стабилизационный фонд, были лучше, чем руководство Мексики, подготовлены к тому, чтобы справиться с вызовами, связанными с повышением бюджетных доходов, следующим за ростом цен на нефть. Они хорошо понимали роль нефти в экономике страны (см. табл. 3.10).

Таблица 3.10. Доля экспорта нефти в суммарном экспорте Венесуэлы в 1971–1990 гг. (средние значения по пятилетиям)

	1971–1975	1976–1980	1981–1985	1986–1990
Доля экспорта нефти в суммарном экспорте, %	90,9	85,4	81,3	80,9

Источник: *Расчеты по данным: Salazar-Carrillo J. Oil and Development in Venezuela during the Twentieth Century. Praeger Publishers, Westport, CT, 1994; Mitchell B. R. International Historical Statistics. The Americas 1750–1993. L: Macmillan Reference LTD., 1998.*

Сразу после скачка цен 1973 г. они проводят осторожную бюджетную политику, не допускают быстрого укрепления курса национальной валюты. Однако в условиях демократии

Oil Windfalls: Blessing or Curse? N. Y.: Oxford University Press, 1988.

²²⁰ Hausmann R. *Dealing with Negative Oil Shocks: The Venezuelan Experience in the Eighties*. Inter-American Development Bank Working Paper Series 307. 1995. P. 12.

²²¹ Everhart S., Duval-Hernandez R. *Management of Oil Windfalls in Mexico. Historical Experience and Policy Options for the Future*. Policy Research Working Paper № 2592. April 2001. P. 5.

²²² Рассчитано по: World Development Indicators online database, The World Bank (<http://devdata.worldbank.org/dataonline/>).

еще труднее, чем при авторитарном режиме, противостоять волне популизма, возникающей на фоне возросших бюджетных доходов. Отсюда поток идей, связанных с тем, как использовать нефтяные доходы на разнообразные расходные программы. Именно с такой платформой яркий популист Карлос Андрес Перес побеждает на выборах в 1974 г. Он начинает реализацию целого пакета инвестиционных проектов. Их обоснование – необходимость диверсифицировать экономику Венесуэлы, улучшить состояние инфраструктуры. Расширяются социальные обязательства государства, снижаются налоги, не связанные с добычей нефти. Изменение мировой конъюнктуры с середины 1980-х гг. делает продолжение такой политики невозможным.

С 1950 по 1980 г. валовой внутренний продукт на душу населения в Венесуэле вырос на 234 %. Между 1980 и 1989 гг. он сократился на 18,1 %. Курс национальной валюты, относительно стабильный на протяжении десятилетий, за этот же период упал в 10 раз. К 1989 г. годовые темпы инфляции достигли 84 %. Внешний долг, которого в 1974 г. практически не было, в 1989 г. составлял 54 % ВВП, он сравнялся с трехгодовым объемом экспорта. В течение 60 лет, предшествовавших 1980 г., в Венесуэле средние темпы роста производительности труда в секторах, не связанных с нефтью, составляли 6,7 %. В 1920–1979 гг. среднегодовой рост душевого ВВП составлял 6,4 % в год. В течение 20 лет после 1980 г. в секторах экономики, не связанных с нефтью, производительность труда снижалась. К концу 1990-х она достигла уровня, соответствующего показателям 1950 г. В 1978 г. кредитный рейтинг Венесуэлы составлял тройное “А”. В 1983 г. она объявила о прекращении выплат по внешнему долгу²²³.

После нескольких лет политики “затягивания поясов” избиратели в 1989 г. вновь приводят к власти К. Переса. С ним ассоциировался период благополучия, когда цены на нефть были высокими. Но ситуация изменилась. Сам президент понимает, что другого выхода, кроме проведения жесткой бюджетной политики, нет. Он говорит, что, если правительственные расходы не будут резко сокращены, страна столкнется с жесточайшим бюджетным кризисом²²⁴.

Это не то, чего от него ждали. Попытка переворота, предпринятая в 1992 г. У. Чавесом, подводит черту под периодом стабильности венесуэльской демократии. Как и многие другие страны, Венесуэла – пример того, как трудно ресурсобогатым странам справиться с вызовами, связанными с колебанием цен на сырьевые товары.

²²³ Hausmann R. *Venezuela's Growth Implosion: A Neo-Classical Story** Harvard University. Working Paper. August 2001. P. 1–11.

²²⁴ Terry L. K. *The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States*. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 179.

§ 6. В поисках выхода: ответ на угрозы, связанные с нестабильностью сырьевых цен

То, что поток сырьевых товаров и цены на них – величины нестабильные, известно не со вчерашнего дня. Многие богатые ресурсами страны пытались найти пути решения этой проблемы. Хеджирование рисков, заключение форвардных контрактов – возможный вариант решения проблемы, с экономической точки зрения разумный, но политически опасный. Если динамика цен окажется более благоприятной, чем та, которая предусмотрена форвардными контрактами, объяснить обществу, почему бюджет понес потери, трудно. Всегда найдутся охотники доказать, что сделки были заведомо вредными для национальной экономики²²⁵.

Это не значит, что такие проблемы неразрешимы. Наиболее распространенные меры, применяемые для регулирования проблем, связанных с нестабильностью сырьевых цен, – формирование стабилизационных фондов, пополняемых во время благоприятной конъюнктуры и используемых тогда, когда цены падают²²⁶.

К концу 1970-х гг. чилийский платежный баланс и государственный бюджет сильно зависели от динамики цен на медь. В 1976 г. доходы от экспорта меди составляли более 50 % его объема. В 1980-х гг. эта доля по-прежнему была высока (примерно 40 %). До начала 1990-х гг. выплаты государственной медной компании составляли 20 % доходов бюджета. Тем не менее чилийское правительство отказалось от реализации масштабных инвестиционных проектов, направленных на диверсификацию национальной экономики. Вместо этого оно создает институциональные основы развития конкурентоспособных производств в отраслях, не связанных с медью, формирует хорошо управляемый стабилизационный фонд, не допускает резкого укрепления курса национальной валюты, обеспечивает условия для беспрецедентного в Латинской Америке конца XX в. экономического роста.

Управление Норвежским стабилизационным фондом считается образцовым. Оно – предмет подражания в других богатых ресурсами странах. Фонд штата Аляска, кувейтские Резервный фонд и Фонд будущих поколений, оманский Государственный резервный фонд – примеры подобного рода институтов²²⁷. Мотивы создания их правительствами, понимающими масштабы и серьезность рисков, связанных с нестабильностью бюджетных доходов в богатых ресурсами странах, очевидны.

Существуют два вида таких институтов: фонды, предназначенные для защиты экономики страны от колебаний цен на ресурсы, и фонды будущих поколений, созданные, чтобы поддержать благосостояние в то время, когда запасы природных ресурсов будут исчерпаны. Иногда они функционируют по определенной законом формуле, устанавливающей зависимость масштаба отчислений от цены на экспортные ресурсы. В других случаях объемы поступлений определяются при утверждении ежегодного бюджета. Опыт показал, что это эффективный инструмент регулирования рисков, связанных с нестабильностью цен на ресурсы. Однако преувеличивать его надежность нельзя²²⁸.

В том, что касается укрепления реального курса национальной валюты, связанных с этим проблем развития несырьевых отраслей, действенность стабилизационных фондов огра-

²²⁵ Daniel J. A. *Hedging Government Oil Price Risk*. IMF Working Paper. 2001.

²²⁶ О причинах, побуждающих богатые ресурсами страны создавать стабилизационные фонды, см.: Arrau P., Claessens S. *Commodity Stabilization Funds*. IMF Working Paper. WPS 835. January 1992.

²²⁷ Fasano U. *Review of the Experience with Oil Stabilization and Savings Funds in Selected Countries*. IMF Working Paper. WP/00/112. 2000. P 3.

²²⁸ О проблемах, встающих перед странами, создающими стабилизационные фонды, см.: Daniel J. A. *Hedging Government Oil Price Risk*. IMF Working Paper, 2001. P. 12.

ниченна. Рост финансовых резервов, вложенных в высоколиквидные, надежные международные активы, повышает инвестиционную привлекательность национальных ценных бумаг и стимулирует приток краткосрочного капитала.

Однако политические противоречия, связанные с функционированием стабилизационных фондов, оказываются более острыми. В недемократических государствах (а к таким из богатых ресурсами стран относятся многие) велики риски, что средства будут вложены в неэффективные проекты, финансируемые государством. Значительная их часть разворована. История нигерийского стабилизационного фонда – классический пример такого развития событий²²⁹.

В демократических странах крупные финансовые ресурсы стабилизационных фондов затрудняют необходимое в условиях нестабильности сырьевых цен ограничение бюджетных обязательств. Компетентный и ответственный министр финансов Венесуэлы в октябре 1978 г. говорил: “Самым важным оружием министра финансов, который сталкивается с многочисленными бюджетными запросами, является его способность сказать “нет денег”; но как я мог сказать это при таком количестве денег в наличии?”²³⁰ Объяснить руководителям ведомств, расходующих бюджетные средства, политическим лобби, парламентариям, что правительство не может выделить ассигнования на те или иные цели из-за того, что денег нет, – задача нелегкая, но разрешимая. Намного труднее доказать, что это нельзя сделать потому, что укрепится реальный курс национальной валюты, а это, в свою очередь, подорвет конкурентоспособность несырьевых отраслей, создаст бюджетные обязательства, выполнить которые при неблагоприятной конъюнктуре рынка сырья окажется невозможно.

Норвегия – страна, разумно и ответственно распоряжающаяся нефтяными доходами. Через 10 лет после открытия нефтяных ресурсов Северного моря она по-прежнему сохраняла долю государственных расходов в ВВП более низкую, чем Дания, Финляндия и Швеция²³¹. Норвежский стабилизационный фонд имеет репутацию прозрачного, хорошо управляемого. Однако со времени его создания ни одна правящая коалиция не выигрывала выборы.

Риторика, связанная с тем, что правительство, сидящее на мешках с деньгами, отказывается решать важные для общества проблемы, – сильное оружие в политической борьбе. В начале сентября 2005 г. Организация Объединенных Наций назвала Норвегию страной с самым высоким уровнем жизни. Выиграть выборы правящей коалиции это не помогло. Главные темы предвыборной кампании оппозиции были связаны с тем, как расходовать доходы в условиях высоких цен на нефть, в каких масштабах и в каких целях их можно использовать на финансирование различных социальных программ.

Конкурирующие политические партии в Норвегии имеют многолетнюю историю, политически ответственны. Выиграв выборы, сформировав правительство, они объясняют избирателям, что переоценили возможность расходования средств стабилизационного фонда, не учли все связанные с этим риски. Оппозиция может обвинить их в невыполнении предвыборных обещаний, построить на этом свою политическую платформу. В условиях стабильной экономики и эффективной демократии все это не так страшно. К сожалению, не все богатые ресурсами страны имеют такие политические системы.

²²⁹ Montenegro S. *Macroeconomic Risk Management in Nigeria: Dealing with External Shocks* // Macroeconomic Risk Management – Issue and Options. Report № 11983. Western Africa Department. Washington DC: World Bank, 1994.

²³⁰ Terry L. K. *The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States*. P. 160.

²³¹ Gylfason T. *Natural Resources and Economic Growth: A Nordic Perspective on the Dutch Disease*. Paper presented for UNU/WIDER research project on Resource Abundance and Economic Development: Improving the Performance of Resource-Rich Countries. 1999. P. 33. <http://www.hi.is/~gylfason/pdf/unuwider13.pdf>

* * *

Современный экономический рост – процесс беспрецедентный в истории, труднопрогнозируемый. Изменения условий мирового развития ставят перед государствами новые проблемы, требуют выработки адекватных ответов, способности менять социальные институты, формы организации общественной жизни. В странах, экономика которых зависит от сырьевых товаров, непредсказуемость цен на них осложняет ситуацию. От динамики цен на ресурсы зависят уровень инфляции, доходы населения, возможность оплачивать внешний долг. Это серьезный вызов. Не все богатые ресурсами страны оказываются способными на него ответить. В этом – одна из причин того, что темпы экономического роста в них более низкие, чем в странах, не обладающих ресурсным богатством. Опыт решения проблем, порождаемых нестабильностью сырьевых рынков, не позволяет давать простые рецепты того, как справляться с проблемами, порожденными ресурсным богатством. Что он показывает несомненно – это значимость готовности политической элиты к изменениям мировой конъюнктуры, понимания ею того, что с ними связана реальная угроза безопасности собственной страны.

Во второй половине XX – начале XXI в. войны стали скорее исключением, чем правилом. Вооруженных конфликтов между крупными державами за последние 60 лет не было. Но военная традиция, идущая от штабной культуры XIX в., заставляет иметь то, что называется “планом боевого применения вооруженных сил” – проработанную программу мероприятий, осуществляемую в случае нападения или угрозы нападения потенциального противника. Опыт XX в. показал, что для богатых ресурсами стран, сталкивающихся с рисками неблагоприятной конъюнктуры, важно заранее знать, что правительство будет делать в случае падения цен на сырье, какие последствия это будет иметь для бюджета, платежного баланса, потребительского рынка, обслуживания внешнего долга, стабильности банковской системы, а также иметь проработанную, реалистичную программу действий в подобной ситуации. Советский Союз в начале 1980-х гг. такого плана не имел. Последствия этого общеизвестны.

Глава 4

Трещины в фундаменте. Советский Союз начала 1980-х годов

Какая-то в державе датской гниль.

У. Шекспир. «Гамлет»

*Римская империя времени упадка
Сохраняла видимость полного порядка.
Цезарь был на месте, соратники рядом.
Жизнь была прекрасна, судя по докладам.*

Б. Окуджава

§ 1. Неэффективность на фоне стабильности

В конце эпохи Л. Брежнева подавляющее большинство западных наблюдателей, анализировавших развитие ситуации в СССР, были убеждены, что советская экономическая и социально-политическая система утратила динамизм, неэффективна, но стабильна. Изучавшие ее профессионалы полагали, что она будет существовать долго. Возможности советских экспертов обсуждать эту проблематику, по очевидным причинам, были ограничены. Однако и они, лучше западных специалистов понимавшие, как функционирует экономика страны, в подавляющем большинстве были согласны с тем, что она хотя и неэффективна, но устойчива.

Власть режима опиралась на эффективную тайную полицию. Более того: характерная черта брежневской эпохи – социальная стабильность. Число массовых беспорядков, вынуждающих власти применять оружие, с середины 1960-х гг. начало сокращаться. В 1963–1967 гг. были лишь отдельные рецидивы волнений, для подавления которых пришлось использовать вооруженную силу. Например, в 1967 г. в Ченгене, Фрунзе, Степанакерте. Во время расцвета брежневской эпохи власти научились минимизировать риски, связанные с антиправительственными выступлениями. 7 из 9 массовых выступлений против режима во времена правления Л. Брежнева пришлось на первые годы его прихода к власти. В 1969–1977 гг. не зафиксировано ни одного подобного эпизода. Если в годы правления Н. Хрущева в 8 случаях из 11 при подавлении беспорядков власти применяли оружие, то в брежневскую эпоху – лишь в 3 случаях из 9. Начиная с 1968 г., вплоть до смерти Брежнева, для подавления беспорядков оружие не применялось ни разу. Режим научился обходиться без крайних форм насилия, гасить вспыхивающие проявления недовольства без стрельбы²³².

Правда, массовое жилищное строительство (“хрущевки”), выделение в личное пользование садовых участков быстро привело к утрате властью тотального контроля над личной жизнью человека. Путь от коммунного уклада жизни (“Котлован” Андрея Платонова, “Мой друг Иван Лапшин” и “Хрусталева, машину!” Алексея Германа) до жизни хотя и советской, но отделенной от государства (городская проза Юрия Трифонова), был пройден за десятилетие.

²³² Козлов В. А. *Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1963 – начало 1980-х гг.)*. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С. 8.

После обретения значительной частью населения отдельной квартиры, появилась территория свободной мысли – кухня. Садовый участок оторвал среднего человека от организуемой государством общинной занятости.

Между началом 1950-х и серединой 1980-х гг. радикально изменилась информационная ситуация в стране. В 1950 г. лишь у 2 % советских граждан были радиоприемники с коротковолновым диапазоном. К 1980 г. число тех, кто имел к ним доступ, возросло до половины населения. Советское руководство предприняло меры, чтобы отечественные радиоприемники плохо принимали западные радиостанции, организовало их глушение²³³. Но полностью контролируемый информационный мир к 1980-м гг. уходит в прошлое. Активная часть советских граждан получает альтернативные, по отношению к контролируемым государством каналам, сведения о происходящем. В середине 1970-х гг. КГБ сообщает ЦК КПСС о распространении ревизионистских, реформаторских идей у молодежи. В первую очередь речь идет о студентах гуманитарных вузов, о том, что выявлено 43 группы представителей учащейся студенческой молодежи, подпавших под влияние идеологии ревизионизма и реформизма. Из справки КГБ: “Анализ статистических данных показывает, что значительная часть лиц, совершивших политически вредные проявления, испытывала непосредственное идеологическое воздействие из-за рубежа. Такие факторы, как прослушивание зарубежных радиопередач, чтение засылаемых в СССР буржуазных газет, книг и других печатных изданий, личное общение и переписка с враждебно настроенными иностранцами оказали влияние на 47 % (2012) лиц. Из числа всех факторов в качестве основного выступает влияние зарубежной радиопропаганды. [...] Анализ материалов свидетельствует о распространенности среди молодежи интереса к зарубежному вещанию. Так, по данным исследования “Аудитория западных радиостанций в г. Москве”, проведенного отделом прикладных социальных исследований ИСИ Академии наук СССР, с большей или меньшей регулярностью радиостанции слушают 80 % студентов и около 90 % учащихся старших классов, ГПТУ, техникумов. У большинства этих лиц слушание зарубежного радио превратилось в привычку (не реже 1-2-х раз в неделю зарубежные радиопередачи слушают 32 % студентов и 59,2 % учащихся)”²³⁴.

Из аналитической записки Комитета государственной безопасности в ЦК КПСС в декабре 1970 г.: “Анализ распространяющейся в кругах интеллигенции и учащейся молодежи так называемой “самиздатовской” литературы показывает, что “самиздат” претерпел за последние годы качественные изменения. Если 5 лет назад отмечалось хождение по рукам главным образом идейно порочных художественных произведений, то в настоящее время все большее распространение получают документы программно-политического характера. За период с 1965 г. появилось свыше 400 различных исследований и статей по экономическим, политическим и философским вопросам, в которых с разных сторон критикуется исторический опыт социалистического строительства в Советском Союзе, ревизуется внешняя и внутренняя политика КПСС, выдвигаются различного рода программы оппозиционной деятельности. [...] Среди научной, технической и части творческой интеллигенции распространяются документы, в которых проповедуются различные теории “демократического социализма”. [...] Примерно в конце 1968 – начале 1969 г. из оппозиционно настроенных элементов сформировалось политическое ядро, именуемое “демократическим движением”, которое, по их оценке, обладает

²³³ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Изд. 2-е / Гл. ред. А. А. Фурсенко. М.: РОССПЭН, 2004. С. 702.

²³⁴ Андропов Ю. (председатель Комитета госбезопасности при СМ СССР) в ЦК КПСС. Аналитическая справка “О характере и причинах негативных проявлений среди учащейся и студенческой молодежи”. 12 декабря 1976 г. № 2798-А. <http://www.2n11.c0m/archwe/pdfsAde0l0g/ctj/b/6.pdf>. Здесь и далее мы ссылаемся на материалы, приведенные в книге В. Буковского, которые в настоящее время недоступны в открытом хранении в российских архивах. Цитируя их, мы полагаемся на ответственность автора. Позволю себе использовать эти материалы, так как, на мой взгляд, репутация человека, который их опубликовал, не позволяет сомневаться в их подлинности. При цитировании всех архивных документов советского периода орфография и пунктуация сохранены в оригинальном виде.

тремя признаками оппозиции: “имеет руководителей, активистов и опирается на значительное число сочувствующих... [...] Центрами распространения внецензурных материалов по-прежнему остаются Москва, Ленинград, Киев, Горький, Новосибирск, Харьков”²³⁵.

“Самиздат” и “Тамиздат” получили массовое распространение. По меньшей мере в столичных городах для образованных людей незнакомство, скажем, с запрещенными публикациями А. Сахарова или А. Солженицына стало неприличным. Однако диссидентское движение, обладавшее моральным авторитетом в среде интеллектуальной элиты, не представляло серьезной угрозы режиму. Закрытость границ, ограниченность контактов с внешним миром, гуманитарных связей – все это позволяло обеспечивать политический контроль и, казалось бы, делало невозможной организацию опасного для власти оппозиционного движения.

За 1958–1966 гг. число осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду составляло 3448 человек. За 1967–1975 гг. – 1583 человека. В 1971–1974 гг., если пользоваться принятой в КГБ терминологией, было “профилактировано” 63,1 тыс. человек²³⁶ – этим термином власти обозначали мероприятия, проводимые с советскими гражданами, заподозренными в инакомыслии. Потенциальные диссиденты должны были осознать, что их деятельность известна органам и существует альтернатива – пойти в тюрьму или выразить властям лояльность.

Межэтнические конфликты оставались потенциально взрывоопасными. Главными точками напряжения считались Казахстан, Армения, Абхазия. В Армении 24 апреля 1965 г. прошли стихийные митинги, в которых приняли участие от 3 до 8 тыс. человек. Выступавшие требовали возвращения Нагорного Карабаха в состав Армении, освобождения своих единомышленников. В Абхазии беспорядки в 1967 г. продолжались в течение двух недель²³⁷. Однако в форму вооруженного межнационального противостояния они не переходили.

²³⁵ Записка Андропова Ю. (Председатель КГБ) в ЦК КПСС N23461-А от 21.12.1970 г. Анализ “самиздатовской” литературы за 5 лет. См.: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 55. Д. 1. Л. 2–4.

²³⁶ Андропов Ю. (Председатель КГБ) в ЦК КПСС. О высказываниях руководителей компартий Франции и Италии по правам человека в СССР. № 3213-А от 29 декабря 1975 г. <http://www.2nt1.com/archive/pdfs/disyo/kgbjs-y.pdf>.

²³⁷ Козлов В. А. *Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.)*. С. 401, 404.

§ 2. Нарастающие проблемы и ошибочные решения

В 1930-1950-х гг. экономический рост в СССР обеспечивался перераспределением ресурсов из сельского хозяйства в промышленность. Деревня в массовых масштабах поставляла рабочую силу для строящихся предприятий. Доля капитальных вложений в ВВП была аномально высокой. В 1930-х гг. экспорт сельскохозяйственной продукции позволял в крупных масштабах осуществлять закупки комплектного импортного оборудования. В конце 1940-1950-х гг. созданный промышленный потенциал, напряженные отношения с Западом стимулируют повышение доли отечественного оборудования в оснащении строящихся предприятий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.